

ВВГУ

Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ

2024

1

1

[16]

ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

THE TERRITORY
OF NEW OPPORTUNITIES

THE HERALD
OF VLADIVOSTOK STATE
UNIVERSITY

2024

2024 № 1 [16]

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ.**

**ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

.....
Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

Издается с 2009 г.

ISSN 2949-1258

DOI <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1>

Владивосток
2024

2024 № 1 [16]

**THE TERRITORY OF NEW
OPPORTUNITIES.**

**THE HERALD OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY**

.....
Founder and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Vladivostok State University"

Published since 2009

ISSN 2949-1258

Vladivostok
2024

DOI <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Терентьева Татьяна Валерьевна	<i>председатель редакционной коллегии</i> , доктор экономических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» (г. Владивосток, Россия)
Мамычев Алексей Юрьевич	<i>заместитель председателя редакционной коллегии</i> , доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Латкин Александр Павлович	<i>главный редактор</i> , доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
<i>Члены редакционной коллегии:</i>	
Васильев Антон Александрович	доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)
Глазырина Ирина Петровна	доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита, Россия)
Гомбоева Маргарита Ивановна	доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)
Дорошенко Светлана Петровна	доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором, Институт экономики УрО РАН, (г. Екатеринбург, Россия)
Ермакова Жанна Анатольевна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, Россия)
Зубарев Александр Евстратович	доктор экономических наук, профессор факультета экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск, Россия)
Клещёва Нелли Александровна	доктор педагогических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Кокурина Ольга Юрьевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Копнелёва Нина Алексеевна	доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Кречетников Константин Геннадьевич	доктор педагогических наук, профессор, Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова (г. Владивосток, Россия)
Лазарев Геннадий Иннокентьевич	доктор экономических наук, профессор, президент, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Мазелис Лев Соломонович	доктор экономических наук, доцент, и.о. директора Института цифровой экономики и бизнес-аналитики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Мешанова Мария Валентиновна	доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)
Муртазозода Джамшед Саидали	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Найден Светлана Николаевна	доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН, (г. Хабаровск, Россия)
Овчинников Алексей Игоревич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Петрук Галина Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, директор департамента научно-исследовательской работы, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Сёмкин Сергей Викторович	доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационных технологий и систем, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смагин Виктор Павлович	доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Смирнова Надежда Анатольевна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров, Костромской государственный университет (г. Кострома, Россия)
Солодухин Константин Сергеевич	доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Фоминская Марина Дмитриевна	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Ставрополь, Россия)
Чернявская Валентина Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Шеронова Ирина Александровна	доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий, ФГБОУ ВО «ВВГУ» (г. Владивосток, Россия)
Эрдышева Клавдия Гомбожаповна	доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по науке Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия)
Яроцкая Людмила Владимировна	ведущий эксперт Центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений ФГАОУ ВО НИЯУ «МИФИ» (г. Москва, Россия)
Park Nohyoung	доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа, Корейский университет (г. Сеул, Республика Корея)
Zhang Yuci	профессор, доктор экономических наук, директор международного департамента, Северо-Восточный университет финансов и экономики (г. Далянь, КНР)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

- Tatiana V. Terentyeva** *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Economics, Professor, Rector, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Alexey Yu. Mamychyev** *Vice-chairman of the Editorial Council*, Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Alexander P. Latkin** *Head Editor*, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Members of the Editorial Board:*
- Anton A. Vasiliev** Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russia)
- Irina P. Glazyrina** Doctor of Economics, Professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (Chita, Russia)
- Margarita I. Gomboeva** Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Arts and Design, Trans-Baikal State University (Chita, Russia)
- Svetlana V. Doroshenko** Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
- Zhanna A. Ermakova** Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
- Alexander E. Zubarev** Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics and Management, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
- Nelly A. Kleshcheva** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
- Olga Yu. Kokurina** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Nina A. Konopleva** Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Konstantin G. Krechetnikov** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S.O. Makarov Pacific Higher Naval School (Vladivostok, Russia)
- Gennady I. Lazarev** Doctor of Economics, Professor, President, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Lev S. Mazelis** Doctor of Economics, Associate Professor, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Maria V. Meshchanova** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
- Jamshed S. Murtazozoda** Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
- Svetlana N. Nayden** Doctor of Economics, Professor, Institute of Economic Research FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
- Alexey I. Ovchinnikov** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
- Galina V. Petruk** Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Department of Research, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Sergey V. Syomkin** Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Viktor P. Smagin** Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Nadezhda A. Smirnova** Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Consumer Goods Expertise, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
- Konstantin S. Solodukhin** Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematics and Modeling, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Marina D. Fominskaya** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol, Russia)
- Valentina S. Chernyavskaya** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Legal Psychology, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Irina A. Sheromova** Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design and Technology, VVSU (Vladivostok, Russia)
- Claudia G. Erdynyeva** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
- Lydmila V. Yarotskaya** Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow, Russia)
- Park Nohyoung** Doctor of Law, Dean of the Law School, Director of the Cyber Law Center, Korea University (Seoul, Republic of Korea)
- Zhang Yuci** Professor, Doctor of Economics, Director of the International Department, Northeastern University of Finance and Economics (Dalian, China)

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2024, № 1

[Том 16]

Научный журнал

Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
ФЗ № 436-ФЗ

DOI <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1>

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84186 от 05.12.2022

ISSN 2949-1258

Дата выхода в свет: 29.03.2024 г.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес издателя:

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь В. В. Шамаева

Редактор И. Г. Шабунина

Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 29.03.2024. Формат 70×100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 17,81. Уч.-изд. л. 15,61.

Тираж 300 [I–100] экз. Заказ 171

Цена на территории РФ свободная

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Содержание

Региональная экономика

Шичалина В.А.

Экономические зоны как институциональное условие продовольственной безопасности

Бронц А.А.

Основные векторы развития сельскохозяйственного производства в Приморском крае

Гатауллина С.Ю., Ярусова С.Б.

Роль эколого-просветительской работы в обеспечении устойчивого развития региона

Менеджмент

Ли Сяотао

Предпосылки развития международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах России

Арнаут М.Н., Купчик А.П.

Стратегическое управление как основа деятельности региональных некоммерческих организаций: российский и зарубежный опыт

Латкин А.П., Жуплей И.В.

Продовольственная региональная экономическая система Дальнего Востока в условиях новых внешних вызовов

Голованова О.С., Масюк Н.Н.

Организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации

Соколова Д.А., Резник Е.В.

Организационное поле присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке

Юридические науки

Пурге А.Р.

Правовая природа функционирования бэби-боксов в России и мире

Вронская М.В.

Генезис развития неустойки как обеспечительной меры в доктрине и праве России: историко-теоретический аспект

Мордовцева Т.В., Полякова Е.В.

Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий

Бутакова Н.А.

Стратегическое значение Арктики в приарктических регионах Европы

Савоскин А.В., Вохидова А.Ш.

Новейшая история развития в Российской Федерации пенсионного обеспечения граждан по старости

Contents

Regional economy

Shichalina V.A.

Economic zones as an institutional condition for food security

Bronz A.A.

The main vectors for the development of agricultural production in the Primorsky Territory

Gataullina S.Yu., Yarusova S.B.

The role of environmental education in ensuring sustainable development of the region

Management

Li Xiaotao

Prerequisites for the development of international social entrepreneurship in the Far Eastern regions of Russia

Arnaut M.N., Kupchik A.P.

Strategic management as the basis of the activities of regional non-profit organizations: russian and foreign experience

Latkin A.P., Zhupley I.V.

Food regional economic system of the Far East in the face of new external challenges

Golovanova O.S., Masyuk N.N.

Organizational mechanism of adaptive human capital management in the digital ecosystem of the organization

Sokolova D.A., Reznik E.V.

Organizational field of the South Korean companies' presence in the Russian Far eastern market

Law sciences

Purge A.R.

The legal nature of the functioning of the baby box in Russia and in the world

Vronskaya M.V.

The genesis of the development of penalties as an interim measure in the doctrine and law of Russia: historical and theoretical aspect

Mordovtseva T.V., Polyakova E.V.

Gaps and conflicts of law in the digital age

Butakova N.A.

The strategic importance of the Arctic in the arctic regions of Europe

Savoskin A.V., Vohidova A.Sh.

The latest history of the development of old-age pension provision in the Russian Federation

Педагогика

Кирьянова Е.В.

Использование компьютерных игр в жанре симулятора жизни при подготовке к экзамену HSK: анализ лексического наполнения

175

Прокофьев М.И.

Роль формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку

184

Екинцев В.И.

Творческие методы виртуальной реальности: психолого-педагогические ресурсы

193

Гуманитарные науки

Борзова Т.А., Ли Хуэй

К вопросу об особенностях представления категории пространства в русской языковой картине мира

204

Хроника событий

Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке. *Латкин А.П., Ярусова С.Б., Шеломенцев А.Г.*

215

Перспективы развития роботизированных комплексов (систем) морского базирования. *Стрикаускас Л.Е.*

217

Наука и университет. *Петрук Г.В.*

218

Правила оформления статей

220

Pedagogy

Kirianova E.V.

Life simulation computer games in the preparation for the HSK exams: lexical content analysis

Prokofev M.I.

The role of forming linguocultural competence in Japanese language teaching

Ekintsev V.I.

Creative methods of virtual reality: psychological and pedagogical resources

Humanities sciences

Borzova T.A., Lee Hui

On the question of the peculiarities of representing the category of space in the Russian linguistic picture of the world

Chronicle of events

Food security as a key factor in improving the quality of life in the Far East. *Latkin A.P., Yarusova S.B., Shelomentsev A.G.*

The prospects for the development of marine-based robotic complexes (systems). *Strikauskas L.E.*

Science and University. *Petruk G.V.*

Rules of formatting articles

Научная статья

УДК 332, 339

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/007-018>

Экономические зоны как институциональное условие продовольственной безопасности

Шичалина Валерия Алексеевна

Сахалинский государственный университет

Южно-Сахалинск. Россия

***Аннотация.** Обеспечение продовольственной безопасности в настоящий момент сопровождается пристальным вниманием со стороны мировых политических держав и экономического бизнес-сообщества. Актуальная повестка сохранения доступа к продовольствию и стабилизации его безопасности на фоне всеобщей турбулентности заставляет искать новые креативные решения, как со стороны государственного контроля, так и с учетом взаимовыгоды участников хозяйственной деятельности. Статья поднимает вопрос формирования институционального условия для сохранения и стабильного функционирования целей Доктрины продовольственной безопасности РФ в отдаленных дальневосточных регионах. По нашему мнению, решением данного вопроса является формирование актуальной повестки целей и географического расположения экономических зон на Дальнем Востоке как самостоятельных территориально-экономических субъектов, в том числе задействование приграничного рубежного пространства, транспортных экономических коридоров в части проекта КНР «Пояс и путь» и повышение значения российского логистического потенциала в рамках данного коридора. В частности, обосновывается стратегическое значение Приморского края и Сахалинской области, находящихся на пограничном рубеже международных границ. Потенциальное значение экономических границ предопределяет политические решения наднационального уровня, которые способствуют товарно-бартерному распределению среди участников мирового хозяйства. Однако данные экономические границы не утверждены международными договорами, существуют в рамках международных экономических зон. Таким образом, формируется новая политическая парадигма, где наблюдается построение новой модели дипломатии экономических границ. В данном случае российская продовольственная безопасность обеспечивается логистическо-инвестиционной доступностью, что решает стратегическую задачу Доктрины.*

***Ключевые слова:** экономические границы, транспортные коридоры, экономическое зонирование, инвестиционная декларация, Дальний Восток, рубежное пространство, «Пояс и путь», продовольственная безопасность.*

***Для цитирования:** Шичалина В.А. Экономические зоны как институциональное условие продовольственной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/007-018>*

Regional economy

Original article

Economic zones as an institutional condition for food security**Valeriia A. Shichalina**

Sakhalin State University

Yuzhno-Sakhalinsk. Russia

Abstract. Food security is currently at the center of the attention of the world's political powers and business communities. Providing access to food and enhancing food security have topped the agenda given the rapidly changing global environment with its turbulent forces, thus making us look for new creative solutions from both the government and other key stakeholders united by the mutual benefit. Therefore, this article raises the issue of creating institutional conditions for guaranteed achievement of the goals of the Food Security Doctrine of the Russian Federation in the remote Far Eastern regions. To this end, the authors have suggested focusing on working out relevant goals and looking at economic zones located in the Far East as independent economic entities, which implies taking advantage of their border area, transport infrastructure developed within China's One Belt and One Road Initiative, and increasing the importance of Russian logistics potential within this corridor. The article substantiates the strategic importance of the Primorsky Region and the Sakhalin Region, which are located at international borders. The potential significance of economic boundaries predetermines political decisions made at the supranational level, which contribute to the distribution of commodities among global economic actors. However, these economic boundaries are not approved by international treaties; they exist within the framework of international economic zones. Thus, a new political paradigm is emerging, and a new model of economic boundaries' diplomacy is being built. In this case, Russia's food security is provided by access to logistics and investments, which help to accomplish the strategic goals of the Doctrine.

Keywords: economic borders, transport corridors, economic zoning, Investment Declaration, Far East, border space, Belt and road, food security

For citation: Shichalina V.A. Economic zones as an institutional condition for food security // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/007-018>

Введение

Актуальной экономической повесткой на настоящий момент в России является вопрос об обеспечении продовольственной безопасности страны. Геополитические, информационные и экономические риски требуют разработки новых креативных решений, способных предопределить растущие конфликты на мировой арене и противоречия во мнениях ведущих мировых держав. Для России, страны, находящейся на обоих пространственных рубежах Евразийского континента, как никогда необходима четкая и сбалансированная стратегия, способная минимизировать угрозы продовольственной безопасности и ее отрицательные последствия.

Доктрина продовольственной безопасности от 30.01.2010 № 120, по нашему мнению, противоречива в аспекте ее определения на Дальнем Востоке страны. Теоретически продовольственная безопасность отождествляется в качестве «...состояния экономики РФ, при котором обеспечивается продовольственная независимость...» [1]. Тезис о «независимости» приобретает дискуссионное значение, в частности, в текущем турбулентном состоянии экономики и геополитики.

лирики России. В особенности это касается гибкости утверждаемых Правительством РФ списков дружественных, недружественных и нейтральных стран. На практике такие страновые классификации приводят к определенным сложностям взаимодействия с международными партнерами, контрагентами в аспекте исполнения обязательств по договорам, выставления счетов и прочим деловым отношениям. В связи с этим первоначальная теоретическая концепция К. Омае «Мир без границ» [2] противоречит практическим результативным геополитическим решениям правительств, существующим ограничениям и лимитам (санкциям). Товарно-бартерный обмен и распределение ограниченных ресурсов служат опорной точкой государственного и общественного развития.

Проблемная область продовольственной безопасности на Дальнем Востоке находится в широком объеме факторов: дефицит рабочей силы и отток населения с дальневосточных регионов [3], агрессивные природно-климатические условия [4], институциональные проблемы и повышение роли наднациональных общественных организаций (ВТО, БРИКС, ШОС) [5]. В настоящее время регион Восточной Азии является трендсеттером современной политико-экономической мировой повестки. На евро-азиатской карте событий наблюдается формирование двух перекрестных политических путей, которые несут последствия экономического характера: китайская инициатива «Пояс и путь» VS соглашение «ЕС – Япония» (соглашение о зоне свободной торговли стран ЕС и Японии (Japan – EU free trade agreement, JEFTA). Таким образом, регион Дальнего Востока находится в эпицентре перекрестных зон влияния Восток – Запад, что нарушает первоначальный статус-кво с точки зрения доступности и обеспечения достаточного уровня продовольствия в восточной части России, в частности на Сахалине, который является перспективой в реализации проекта «Пояс и путь», и в Приморском крае, являющемся одним из главных логистических центров международной торговли.

Реализация решения установленной проблемы наднационального регионального противостояния и установления границ предлагается в рамках формирования институциональной среды и институциональных условий. По мнению Н.В. Тарасовой, подобные решения будут способствовать снижению неопределенности в регионе и достижению устойчивости экономических мировых отношений [6]. В статье для определения институциональной среды используется классическое трактование Д. Норта и Л. Девиса: совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения [7]. По-нашему мнению, данная логика отражает комплексный подход, который способен преодолеть возникающие сложные многоаспектные современные кризисы, лежащие не в одной плоскости интересов.

Основная часть

М.Ф. Замятина предлагает рассматривать институциональные условия в качестве процесса организации институциональных изменений, связанных с совершенствованием институциональной структуры, корректировкой действующих и введением новых институтов, содействующих повышению эколого-экономической сбалансированности регионального развития [8].

Недавно прошедший во Владивостоке с 10 по 13 сентября 2023 г. Восточный экономический форум под лозунгом «на Восток» продемонстрировал основную повестку, направленную на интеграцию экономико-политических трендов, которую можно охарактеризовать высказыванием В.И. Ленина: «Политика – концентрированное выражение экономики». Поэтому в рамках практической реализации институциональных условий мы выделяем формирование экономических зон различного типа, индивидуализированных под требования регионов и политических перспектив. Экономические зоны представляют собой определенную географическую территорию с действующими ограничителями. Экономические ограничения или экономическое зонирование имеют в настоящее время различные формы: специальные экономические зоны [9]; зоны свободной торговли [10]; экономические транспортные коридоры (например, транспортные коридоры «Пояса и пути») [11]; специальные административно-налоговые режимы (например, «Свободный порт Владивосток», «Сколково») [12]; оффшор R&D и кросс-границный R&D [13] и др.

Регион Восточной Азии является одним из лидеров применения и использования преимуществ экономического зонирования (ЭЗ) начиная с 1960–1970-х гг. для развития экономик: Китай – более 150 зон [14]; Япония – более 50 зон, в том числе технопарки [15]; КНДР – 23 зоны [16]; Монголия – 4 зоны [17]. В таблице 1 приведен перечень преимуществ и недостатков, которые выделяются на основании существующей многолетней международной практики экономического зонирования.

Таблица 1

Преимущества и недостатки экономического зонирования

Преимущества ЭЗ	Недостатки ЭЗ
Инициативные экономические транспортные коридоры проекта КНР «Пояс и путь» [18]; положительное влияние специальных экономических зон на инновации [19]; эффективность трансграничного венчурного капитала [20]; экономическая свобода при трансграничных слияниях [21]	Санкции [22]; параллельный импорт [23]; неопределенность экономической политики [24]; трансграничная теневая банковская деятельность [25]

Источник: сост. автором.

Большинство исследователей и последователей «эпидемии бордеритис» (borderitis), или теории исследования границ, сходятся во мнении о том, что экономические границы можно отождествлять через отношения (производственные). Благодаря отношениям границы формируются над пространственным уровнем, а производственные отношения организуются на основании нужд и потребностей бизнеса, которые выстраиваются в цепи, что также соответствует концепции трансграничных инвестиционных и логистических стратегий.

Очевиден тот факт, что экономические зоны действуют в целях приращения предпринимательской и бизнес-активности на развивающихся территориях или в особо концентрированных зонах для распределения капиталов или их увеличения, например в качестве механизма привлечения прямых иностранных инвестиций. Тем не менее, по нашему мнению, последствия экономических зон представляют собой экономические границы, которые способны нести некоторые риски для мировых бизнес-сообществ. Принимая новую реальность, экономические границы находятся над национальным уровнем географического и административного распределения территорий.

На Дальнем Востоке формирование экономических зон относительно восточных соседей началось совсем недавно. Причем с начала 90-х гг. именно Китай становится инициатором построения приграничных зон в Приморском крае, например зона приграничного экономического сотрудничества «Суйфэньхэ – Пограничный» (дата создания – март 1992 г., площадь – 16,5 км²) [26]. С 2015 г. после выхода Федерального закона «О свободном порте Владивосток» поток иностранных инвестиций стал доступен в более широкой форме, администрируемой оператором Минвостокразвития – Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики, как на территории Приморского края, так и в Сахалинской области: ТОР (территория опережающего развития), СПВ (свободный порт Владивосток), САР (специальные административные районы), преференциальный режим Курильских островов. Практическим примером реализации подобных инвестиционных стратегий является принятие инвестиционных деклараций региональными представительскими органами: Инвестиционное агентство Приморского края [27], Министерства инвестиций, промышленности и внешних связей Сахалинской области [28]. Такие декларационные решения представляют собой связующий инструмент между бизнесом и властью для реализации лучших предпринимательских практик. В приоритетные направления входят: развитие рыбоперерабатывающего комплекса с увеличением доли глубокой переработки водных биоресурсов, развитие агропромышленного комплекса. Сахалинская область также ставит перед собой цель стать логистическим центром за счет развития морских портов и авиационной инфраструктуры в регионе. Перечисленные направления реализуются на основании представленной инвестиционно-экономической карты с указанием зонирования действия административно-налоговых режимов. Инвестиционная карта Сахалинской области представлена на рис. 1.

Кроме того, реализуется проект нового промышленного кластера на Сахалине, ядром которого выступает создаваемый в настоящее время глубоководный порт на восточном побережье острова. Мощность данного порта станет необходимой составляющей для встраивания в проект КНР «Пояс и путь», который свяжет логистические морские и сухопутные транспортные коридоры для обеспечения логистики нового мирового уровня. В свою очередь, Сахалин присоединится к международному транспортному коридору Россия – Китай «Приморье-1»: Суйфэньхэ – Владивосток – Находка – Восточный – Сахалин, что соответствует стратегии инвестиционной декларации Приморского края. Инвестиционная карта Приморского края представлена на рис. 2.

Перспективой и последствием решения об экономическом зонировании является встраивание транспортного коридора «Приморье-1», а также «Приморье-2» в проект правительственной китайской инициативы «Пояс и путь» в рамках экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», который действует по маршруту: Тяньцзинь – Чжанцзякоу – Эренхот – Чойр – Улан-Батор – Дархан – Кяхта – Улан-Удэ. В части реализации совместного трехстранового коридора предлагается формирование единой экономической зоны по пути следования маршрута.

Описанное выше экономическое зонирование создает выгодные единые административно-налоговые преференции для участников совместных экономических зон: сниженные налоговые ставки (налог на прибыль, социальные налоги), беспощинная зона торговли, административные преференции и пр. [29]. Соответствующими последствиями описанного развития будут являться: создание рабочих мест в районах по маршруту следования, повышение регионального уровня жизни, трудоустройство местного населения, оживление промыслов малых регионов, доступность продовольствия местному населению, открытие малых предприятий и оздоровление инвестиционного климата в регионах по маршруту следования. На рисунке 3 представлен проект совместной экономической зоны по маршруту транспортного коридора «Китай – Монголия – Россия» (СЭЗ «Китай – Монголия – Россия»).

China-Mongolia-Russia



Рис. 3. Проект СЭЗ «Китай – Монголия – Россия»

Источник: сост. автором.

На рисунке 4 обобщенно представлены транспортные коридоры России, которые способствуют локальному экономическому зонированию предпринимательской активности.



Рис. 4. Транспортные коридоры России

Источник: презентация П.В. Куренкова [29].

Заключение

Таким образом, экономические зоны становятся эффективным механизмом привлечения бизнес-партнеров, запуска совместных проектов, финансового и экономического оздоровления отдаленных дальневосточных регионов на основании наднациональных административно-налоговых условий. Инвестиционные режимы позволяют вовлекать все больше компаний в глобальный бизнес, в развитие собственного продовольственного потенциала. В случае встраивания российских экономических зон в международные системы зонирования отечественная продовольственная безопасность обеспечивается логистическо-инвестиционной доступностью, что решает стратегическую задачу Доктрины. Транспортные коридоры РФ уже являются частью международной логистической сети, что способствует развитию функционала совместных свободных экономических зон Дальнего Востока.

По-нашему мнению, экономические зоны различного формата становятся институциональным условием стабильной реализации Доктрины продовольственной безопасности РФ. Однако экспертами данный аспект еще не выделяется отдельно в самостоятельное научное направление, несмотря на то что специалисты-политологи выделяют дипломатию экономических зон и границ. Тем не менее для определения правил существования институциональных условий необходимо устанавливать единые правила получения резидентства и статусов компаний экономических зон, условия прекращения действия налоговых экономий, тарифов, сроки и международные нормативно-законодательные акты, а также формы финансовой отчетности по МСФО, не противоречащей национальным законодательствам.

Несмотря на то, что «Мир без границ», с точки зрения К. Омае, действует с 1990 г., экономических зон и ограничений становится больше с каждым годом. Смена политических парадигм на экономические несет в себе институциональную задачу для формирования нового мироустройства и достижения стратегических показателей одной из важных зон ответственности каждого государства – национальной продовольственной безопасности.

Список источников

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120. Совет Безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/>
2. Ohmae K. The borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. Collins. URL: <https://books.google.ru/books?id=m0e-QgAACAАJ>
3. Строева Г.Н. Оценка продовольственной безопасности Сахалинской области // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 6 (453). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-prodovolstvennoy-bezopasnosti-sahalinskoy-oblasti>
4. Дубинкин В.А. Проблемы продовольственной безопасности российского Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossiyskogo-dalnego-vostoka>
5. Сухарев О.С. Институциональные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 6 (291). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-problemy-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii>
6. Тарасова Н.В. Оценка институциональной среды продовольственной безопасности // Journal of new economy. 2016. № 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-institutsionalnoy-sredy-prodovolstvennoy-bezopasnosti>
7. Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge, 1971. P. 6.
8. Замятина М.Ф. Формирование институциональных условий эколого-экономического развития регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 81–98.
9. Sosnovskikh, Sergey & Cronin, Bruce. The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks in Russia // SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.3503851
10. Alansary O.S., Al-Ansari T. Defining 'free zones': A systematic review of literature // Heliyon. 2023. Apr. 11. № 9 (4). DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e15344. PMID: 37151622; PMCID: PMC10161583.
11. Kahraman A.I. Belt and road initiative: The Eurasian cold war? // Caucasus International Journal. 2018. № 8 (2). P. 43–61.
12. Krivelevich M.E. Administrative and Tax Regimes in the Russian Far East: Cooperation between Investors and the State // Spatial Economics. 2021. Vol. 17, no. 2. P. 16–33. Available online at: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033>
13. Dunning J.H. & Lundan S.M. The internationalization of corporate R&D: A review of the evidence and some policy implications for home countries // The Review of Policy Research. 2009. № 26 (1-2). P. 13–33.

14. Аршинов В.М. Свободные экономические зоны Китая: опыт интеграции финансовых, научно-производственных и человеческих ресурсов // Журнал прикладных исследований. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
15. Зименков Р.И. Свободные экономические зоны в Японии // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
16. Дёмина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6, № 4. С. 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
17. Ведение бизнеса в Монголии – 2023. Грата Интернэшнл Монголия. URL: <https://gratanet.com/laravel-filemanager/files/3/Doing%20business%20in%20Mongolia%202023%20RU.pdf>
18. Zhyllankozova A. Towards the Silk Road economic zone initiative: historical perspective // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2018. № 6 (2). P. 548–557. Available online at: [http://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(6\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(6))
19. Min Wu, Chong Liu, Jiuli Huang. The special economic zones and innovation: Evidence from China // China Economic Quarterly International. 2021. Vol. 1, is. 4. P. 319–330. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ceqi.2021.11.004>
20. Lanfang Wang, Susheng Wang. Economic freedom and cross-border venture capital performance // Journal of Empirical Finance. 2012. Vol. 19, is. 1. P. 26–50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2011.10.002>
21. The value of economic freedom in cross-border mergers / Pandey, Vivek & Steigner, Tanja & Sutton, Ninon K. // International Review of Economics & Finance, Elsevier. 2023. Vol. 86 (C). P. 540–563. URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/reveco/v86y2023icp540-563.html>
22. Nguyen, Trung Thanh & Do, Manh Hung. Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation’s trade // Economic Analysis and Policy. 2021. № 71. P. 267–278. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.05.004>
23. David Malueg and Marius Schwartz. Parallel imports, demand dispersion, and international price discrimination // Journal of International Economics. 1994. № 37 (3-4). P. 167–195.
24. Jia Y., Zhang C. Research on the “Counter-cyclical” Cross-border M&A of Chinese Enterprises // South China Journal of Economics. 2018. № 9. P. 50–67. DOI: 10.19592/j.cnki.scje.360658
25. Gokcer Ozgur. The cross-border interconnectedness of shadow banking // Economic Modelling. 2023. Vol. 126. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2023.106386>
26. Ли Мэй Хуа, Латкин А.П. Российско-китайское приграничное сотрудничество: теория, методология, практика: монография. Владивосток, 2021. 150 с.
27. Инвестиционная декларация Приморского края. Инвестиционное агентство Приморского края. URL: <https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/investdeklaratsiia-red6.63e04787be787.pdf>
28. Инвестиционная декларация Сахалинской области. Инвестиционный портал Министерства инвестиционной политики ПСО. URL: <https://investinsakhalin.ru/investor/-invest-declaration.php>
29. Куренков П.В. Влияние экспортно-импортного и транзитного тарифов на географию внешнеторговых грузопотоков и конкурентоспособность транспортной системы РФ. URL: <https://ur.hse.ru/data/2018/12/17/1144591901/12>

References

- 1 The Doctrine of Food Security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 30.01.2010 No. 120. Security Council of the Russian Federation. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/>
- 2 Ohmae K. The borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. Collins. URL: <https://books.google.ru/books?id=m0e-QgAACAAJ>
- 3 Stroeveva G.N. Assessment of food security in Sakhalin Oblast. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2018; 6 (453). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-prodovolstvennoy-bezopasnosti-sahalinskoy-oblasti>
- 4 Dubinkin V.A. Food security problems of the Russian Far East. *Territory of new opportunities*. 2013; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossiyskogo-dalnego-vostoka>
- 5 Sukharev O.S. Institutional problems of ensuring food security in Russia. *National interests: priorities and security*. 2015; 6 (291). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/-institutsionalnye-problemy-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii>
- 6 Tarasova N.V. Evaluation of the institutional environment of food security. *Journal of new economy*. 2016; 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-institutsionalnoy-sredy-prodovolstvennoy-bezopasnosti>
- 7 Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge; 1971. P. 6.
- 8 Zamyatina M.F. Formation of institutional conditions for the ecological and economic development of the regions. *Economy of the North-West: problems and prospects for development*. 2016; 1 (50): 81–98.
- 9 Sosnovskikh, Sergey & Cronin, Bruce. The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks in Russia. *SSRN Electronic Journal*. 10.2139/ssrn.3503851
- 10 Alansary O.S., Al-Ansari T. Defining 'free zones': A systematic review of literature. *Heliyon*. 2023. Apr. 11; 9 (4). DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e15344. PMID: 37151622; PMCID: PMC10161583.
- 11 Kahraman A.I. Belt and road initiative: The Eurasian cold war? *Caucasus International Journal*. 2018; 8 (2): 43–61.
- 12 Krivelevich M.E. Administrative and Tax Regimes in the Russian Far East: Cooperation between Investors and the State. *Spatial Economics*. 2021; 17 (2): 16–33. Available online at: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.016-033>
- 13 Dunning J.H. & Lundan S.M. The internationalization of corporate R&D: A review of the evidence and some policy implications for home countries. *The Review of Policy Research*. 2009; 26 (1-2): 13–33.
- 14 Arshinov V.M. Free economic zones of China: experience in integrating financial, scientific, production and human resources. *Journal of Applied Research*. 2019; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-kitaya-opyt-integratsii-finansovyh-nauchno-proizvodstvennyh-i-chelovecheskih-resursov>
- 15 Zimenkov R.I. Free economic zones in Japan. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2006; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-yaponii>
- 16 Demina Y.V. DPRK Economic Development Zones: Prospects for Functioning under Sanctions. *Regionalism*. 2019; 6 (4): 64–75. DOI: 10.14530/reg.2019.4.64
- 17 Doing business in Mongolia – 2023. Grata International Mongolia. URL: <https://gratanet.com/laravel-filemanager/files/3/Doing%20business%20in%20Mongolia%202023%20RU.pdf>

18. Zhylankozova A. Towards the Silk Road economic zone initiative: historical perspective. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2018; 6 (2): 548–557. Available online at: [http://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(6\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(6))
19. Min Wu, Chong Liu, Jiuli Huang. The special economic zones and innovation: Evidence from China. *China Economic Quarterly International*. 2021; 1 (4): 319–330. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ceqi.2021.11.004>
20. Lanfang Wang, Susheng Wang. Economic freedom and cross-border venture capital performance. *Journal of Empirical Finance*. 2012; 19 (1): 26–50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2011.10.002>
21. The value of economic freedom in cross-border mergers / Pandey, Vivek & Steigner, Tanja & Sutton, Ninon K. *International Review of Economics & Finance, Elsevier*. 2023; 86 (C): 540–563. URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/reveco/v86y2023icp540-563.html>
22. Nguyen, Trung Thanh & Do, Manh Hung. Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade. *Economic Analysis and Policy*. 2021; (71): 267–278. 10.1016/j.eap.2021.05.004
23. David Malueg and Marius Schwartz. Parallel imports, demand dispersion, and international price discrimination. *Journal of International Economics*. 1994; 37 (3-4): 167–195.
24. Jia Y., Zhang C. Research on the “Counter-cyclical” Cross-border M&A of Chinese Enterprises. *South China Journal of Economics*. 2018; (9): 50–67. DOI: 10.19592/j.cnki.scje.360658
25. Gokcer Ozgur. The cross-border interconnectedness of shadow banking. *Economic Modelling*. 2023; (126). URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2023.106386>
26. Li Mei Hua, Latkin A.P. Russian-Chinese cross-border cooperation: theory, methodology, practice: monograph. Vladivostok; 2021. 150 p.
27. Investment Declaration of Primorsky Krai. Investment Agency of Primorsky Krai. URL: <https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/investdeklaratsiia-red6.63e04787be787.pdf>
28. Sakhalin Oblast Investment Declaration. Investment portal of the Ministry of Investment Policy of the PSO. URL: <https://investinsakhalin.ru/investor/invest-declaration.php>
29. Kurenkov P.V. The impact of export-import and transit tariffs on the geography of foreign trade cargo flows and the competitiveness of the transport system of the Russian Federation. URL: <https://ur.hse.ru/data/2018/12/17/1144591901/12>

Информация об авторе:

Шичалина Валерия Алексеевна, канд. экон. наук, руководитель Академии управления Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, lerashichalina@ya.ru

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/007-018>

Дата поступления:
30.11.2023

Одобрена после рецензирования:
09.01.2024

Принята к публикации:
05.02.2024

Научная статья
УДК 338.436(571.63)
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/019-028>

Основные векторы развития сельскохозяйственного производства в Приморском крае

Бронц Андрей Александрович

Министерство сельского хозяйства Приморского края
Владивосток. Россия

***Аннотация.** В статье представлен анализ проблем и тенденций развития сельскохозяйственного производства за период действия антироссийских санкций. Установлено существенное отставание доли обеспеченности региона основными продуктами питания от целевых показателей Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной в январе 2020 г. Определено лидирующее положение Приморского края по индексу продукции сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе наряду с Амурской областью и Еврейской автономной областью. Показаны позитивные тенденции экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Восточной Азии, преимущественно в Китайскую Народную Республику. Отмечена основная причина сдерживания дальнейшего роста объемов сельскохозяйственного производства – сокращение зарубежных поставок в регион пищевых премиксов и добавок, сельскохозяйственной техники, оборудования и комплектующих запасных частей из стран Европы и Северной Америки при их существенном подорожании. Дана характеристика современной политики государственной поддержки предприятий агропромышленного комплекса и реализуемых в его составе масштабных инвестиционных проектов.*

***Ключевые слова:** продовольственная безопасность, Доктрина Российской Федерации, сельскохозяйственное производство, Приморский край, экспорт, импорт, динамика, государственная политика, инвестиционные проекты, анализ.*

***Для цитирования:** Бронц А.А. Основные векторы развития сельскохозяйственного производства в Приморском крае // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/019-028>*

Original article

The main vectors for the development of agricultural production in the Primorsky Territory

Andrey A. Bronz

Ministry of Agriculture of Primorsky Krai
Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article analyses the problems and trends in the development of agricultural production during the period of anti-Russian sanctions. A significant lag has been established in the region's provision of basic food products share from the targets of the Food Security Doctrine of the Russian Federation, approved in January 2020. The leading position of the Primorsky Territory in the agricultural production index in the Far Eastern Federal District was determined along with the Amur Region and the Jewish Autonomous Region. Some positive trends are indicated in agricultural exports to East Asian countries, mainly to the People's Republic of China. The main reason for restraining further growth in agricultural production was noted. It is*

explained by the significant rise in price and by the overseas supply reduction to the region of food premises and additives, agricultural machinery, equipment and components of spare parts from Europe and China. The paper provides a description of the current policy of the state support for agro-industrial enterprises and presents the investment projects.

Keywords: food security, Doctrine of the Russian Federation, agricultural production, Primorsky Krai, export, import, dynamics, state policy, investment projects, analysis.

For citation: Bronz A.A. The main vectors for the development of agricultural production in the Primorsky Territory // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 1. P. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/019-028>

Введение

Проблема продовольственной безопасности приобретает все большую актуальность в условиях нарастания масштабов антироссийских санкций и сокращения торгово-экономических отношений со странами Евросоюза, США и Восточной Азии [1, 2]. Успешность ее решения на национальном уровне во многом определяется развитием российского сельскохозяйственного производства и решением стратегической задачи импортозамещения [3, 4]. При этом важное значение в рамках проводимой государственной политики отводится наращиванию потенциала продовольственной обеспеченности Дальневосточного федерального округа, которая на протяжении последних десятилетий определялась экспортом широкого спектра продуктов питания из КНР, Республики Кореи, Вьетнама и ряда других приграничных стран [5–7].

Следует признать, что в последние годы во многих регионах Дальнего Востока, прежде всего южных, осуществляются программы введения в хозяйственный оборот значительных ресурсов с достижением позитивной динамики производства продукции животноводства и растениеводства [8, 9]. С учетом природно-климатических условий и высокоразвитой системы приграничного российско-китайского сотрудничества главный акцент в реализации указанной программы сделан на Приморский край, который способен увеличить свой вклад в продовольственную безопасность всего макрорегиона уже в среднесрочной перспективе.

Основная часть

Основополагающим документом в процессе обеспечения продовольственной безопасности российского Приморья является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 [10]. В ней утверждены следующие показатели по обеспечению российского населения продуктами питания национального производства: зерна – не менее 95 %; сахара – не менее 90 %; растительного масла – не менее 90 %; мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85 %; молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90 %; рыбной продукции – не менее 85 %; картофеля – не менее 95 %, овощей и бахчевых – не менее 90 %, фруктов и ягод – не менее 60 %, семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции – не менее 75 %, соли пищевой – не менее 85 %.

По итогам 2022 г. в Приморском крае доля собственного производства продуктов питания в Приморском крае от общего потребления составила: по яйцу – 57,6 %, молоку и молочным продуктам – 43,3 %, мясу и мясопродуктам – 51,7 %, картофелю – 93,7 %, овощам – 52,6 %, маслу растительному – 38,2 % (табл. 1).

**Обеспеченность основными продуктами питания населения
Приморского края в 2022 г.**

Наименование продукта	Физиологическая норма потребления	Фактическое потребление	Фактическое производство	Доля обеспеченности, %
Молоко, кг	325	165	71,4	43,3
Мясо, кг	73	83	56,3	51,7
Яйца, шт.	260	280	149,7	57,6
Картофель, кг	90	96	87	93,7
Овощи, кг	140	99	51,4	52,6
Масло растительное, кг	12	13	3,7	38,2
Хлебные продукты, кг	96	106	38,4	35

Источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Приведенные данные свидетельствуют о существенном отставании достигнутых показателей от величины, установленной Доктриной.

При этом важно отметить, что индекс продукции сельского хозяйства составил 116,1%, что характеризует хорошую динамику развития Амурской области – 123,5%, Еврейской АО – 117,4%.

Основную долю в краевой продукции растениеводства занимают соя, кукуруза, картофель, овощи и рис, в животноводстве – производство свинины и птицы, молока и яйца.

Индекс производства продукции животноводства составил 126,2%, что является самым высоким показателем среди субъектов Российской Федерации (102,4%).

Важно отметить, что по итогам 2022 г. Приморский край занял 1-е место среди субъектов ДФО по валовому сбору зерновых и зернобобовых культур, картофеля и овощей. Показатели высокой урожайности сельскохозяйственных культур достигнуты благодаря использованию качественного семенного материала и высокоурожайных сортов.

В решении проблем продовольственной безопасности не менее важное значение имеет сочетание развития регионального сельскохозяйственного производства и внешней торговли.

Обеспечение продовольственной безопасности и наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции представляют собой результат основных процессов – формирования и реализации. Первый процесс обуславливается возможностью производить сельхозпродукцию и продовольствие больше, чем потребляется на внутреннем рынке, а второй – возможностью реализации произведенных излишков на экспорт.

Экономико-географическое положение региона, близость к глобальным экономическим центрам позволяют интегрироваться в растущую экономику Азиатско-Тихоокеанского региона, наращивать внешнеторговый оборот за счет ресурсной базы и близости к крупнейшим транспортным магистралям.

В последние годы Приморский край осуществляет поставки более чем в 40 направлениях и находится в лидерах по экспорту среди российских регионов-экспортеров продовольственных товаров. Основной объем в структуре экспорта приходится на рыбную продукцию (537,4 тыс. т), соевые бобы (551,08 тыс. т) и зерновые (171,02 тыс. т) (рис. 1).

Объем экспорта – 2 087,0 млн долл. США.

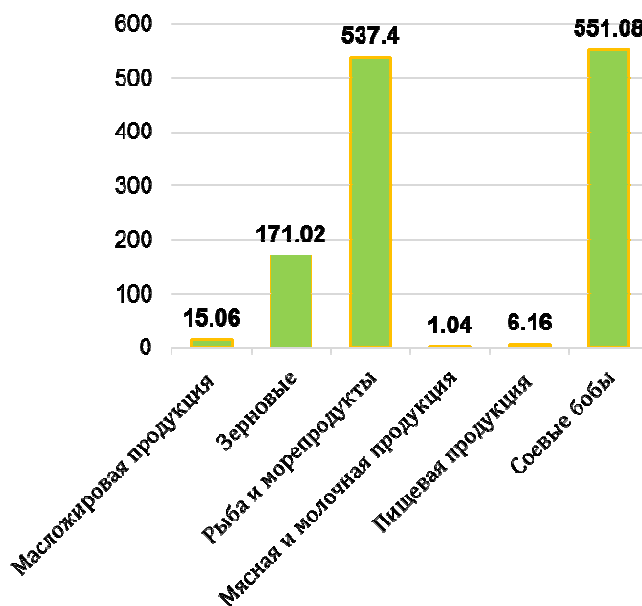


Рис. 1. Экспорт продукции агропромышленного комплекса в 2022 г., тыс. т

Источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

По данным статистики, основными странами-импортерами в 2022 г. оставались КНР, Япония, Республика Корея, что имеет тенденцию к сокращению доли двух последних стран в 2023–2024 гг. С учетом этого фактора, обусловленного усилением антироссийских санкций со стороны Евросоюза, США и Восточной Азии, решение проблемы продовольственной безопасности возможно при акцентировании усилий в двух направлениях:

1) наращивание собственного производства и экспорта продукции АПК (вовлечение в экспорт сельхозпродукции максимально возможного числа производителей, а также снятие ограничений для ведения экспортной деятельности);

2) замещение поставщиков той агропродукции, которая в силу климатических условий не может быть произведена в России, на поставщиков из КНР, Вьетнама, Белоруссии.

Общепризнано, что продовольственная безопасность зависит от оптимального соотношения внутреннего производства и импорта продуктов питания. Импорт и его влияние на экономику края занимают особое место в концепции обеспечения его продовольственной безопасности, позволяя обеспечивать население продовольствием, которое из-за климатических условий не может быть произведено в местных условиях, и выступая в качестве альтернативы продовольственному самообеспечению.

В то же время, по мнению автора, продовольственная безопасность подразумевает существование пределов импорта, которые обеспечивают как общенациональную, так и региональную независимость от внешних производителей.

В Приморском крае существует незначительная зависимость от импорта продовольственной продукции, которая в рамках проводимой региональной политики уменьшается ее поставками из соседних российских регионов.

В связи с вводом и усилением антироссийских санкций рост сельскохозяйственного производства Приморского края сдерживается проблемой импортных поставок упаковочного материала, пищевых премиксов и добавок, техники и оборудования, а также комплектующих запасных частей из стран Европы и КНР при существенном удорожании перечисленных составляющих по причине снижения курса национальной валюты (рис. 2). Объем импорта – 631,13 тыс. долл. США.

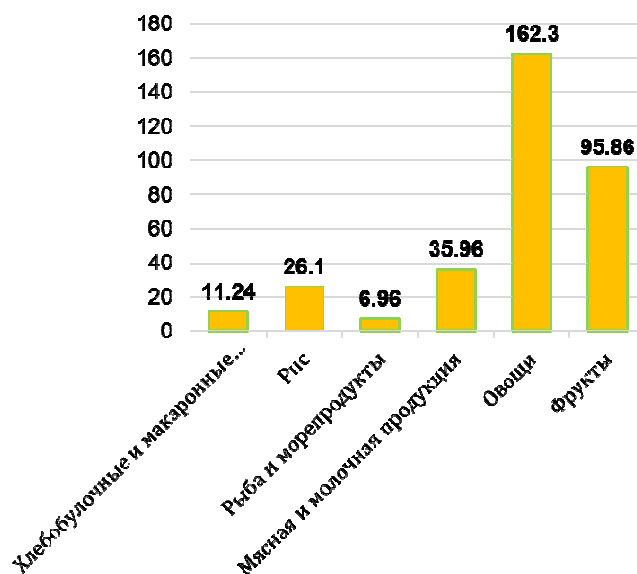


Рис. 2. Импорт продукции агропромышленного комплекса в 2022 г., тыс. т

Источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

С учетом представленных данных еще более усиливается значимость объявленной несколько лет назад российским Президентом программы импортозамещения.

В изменившихся условиях межстранового взаимодействия при росте перечня и масштабов ограничений в торгово-экономическом сотрудничестве, по мнению автора, акцент должен быть сделан на реализации следующих мер:

– укрепление государственной политики в реализации механизма льготного кредитования и субсидирования производителей сельскохозяйственных товаров и продовольствия;

– усиление тарифных и нетарифных ограничений для импортируемой конкурирующей продукции из других стран.

Эти и другие меры предусмотрены региональной госпрограммой развития сельского хозяйства с использованием субсидирования производства яиц и мяса птицы, молочного животноводства, свиноводства, производства овощей открытого и защищенного грунта, сои и кукурузы, предприятий хлебопекарной отрасли, технической модернизации существующей и приобретения новой сельскохозяйственной техники (рис. 3).



Рис. 3. Направление мер государственной поддержки в сфере агропромышленного комплекса Приморья

Источник: сост. автором.

Важно отметить сохранение высокой актуальности государственной поддержки реализации в Приморском крае комплекса восстановительных мероприятий по модернизации созданной в советский период масштабной системы мелиорации сельскохозяйственных земель в Приханкайской низменности.

Большое значение в развитии сельскохозяйственного производства имеет привлечение в аграрный сектор инвестиций Приморского края, в том числе иностранных.

Данное положение подтверждается практикой реализации в последние годы крупнейших инвестиционных проектов с положительной динамикой увеличения производственных мощностей (рис. 4).



Рис. 4. Инвестиционные проекты в сфере агропромышленного комплекса Приморского края

Источник: сост. автором.

Приведенные на рисунке 4 проекты получили развитие в рамках реализации ФЗ по созданию территорий опережающего социально-экономического развития. В частности, ГК «Грин Агро» успешно осуществляет строительство животноводческих комплексов общим поголовьем на 10 000 голов дойного стада и завода по переработке 300 т молока в сутки. Молочная продукция холдинга представлена в количестве более 80 наименований, которые узнаваемы и востребованы не только на территории Приморского края, но и в соседних регионах.

Аналогичный проект реализует ООО «Русагро-Приморье» по производству 75 тыс. т мяса свинины в живом весе в год, по строительству комбикормового завода мощностью 240 тыс. т в год, элеватора на 120 тыс. т зерна.

Резидент ТОР «Михайловский» – ООО «НК Лотос» – реализует инвестиционный проект по созданию тепличного комплекса нового поколения по выращиванию овощей площадью комплекса до 37 га, по строительству круглогодичных зимних теплиц в соответствии с мировыми стандартами качества с применением передовых автоматизированных систем и технологий (гидропоника, пол-

ная автоматизация системы управления и полное ассимиляционное досвечивание). Планируется производство до 20 тыс. т овощей защищенного грунта ежегодно.

В настоящее время в Приморском крае ГК «Арника» реализуется большая инвестиционная программа «Агробиоэкономический кластер», направленная на создание в ДФО ряда современных высокотехнологичных производств импортозамещающей и экспортно-ориентированной продукции – биологически ценных кормовых ингредиентов: витаминов, аминокислот, пробиотиков и ветеринарных препаратов, крайне востребованных на российском рынке. При переработке зерна кукурузы и зерновых продуктов планируется производство широкого спектра кормовых витаминов: А, Д3, Н, В2 и В12 – до 100%; хлорида холина (витамина В4) и витамина Е – более 50%, кормовых пробиотиков – до 50%.

Созданный компанией «Арника» Центр «Агробиоэкономика» является одним из лучших в России. Он активно занимается научными исследованиями и разработками в области биотехнологии, молекулярной генетики и продовольственной безопасности; оборудован пилотным, научно-исследовательским и лабораторным оборудованием мирового уровня.

Кроме того, в условиях антироссийских санкций международное сотрудничество со странами АТР остается стабильным. На территории нашего региона реализуются инвестиционные проекты с участием иностранных капиталовложений.

Так, ГК «Легендагро» на протяжении последних лет активно ведет деятельность на территории Приморского края и является одним из крупнейших экспортеров сои и кукурузы на зерно в страны АТР.

В 2023 г. ГК «Легендагро» приступил к реализации крупного инвестиционного проекта по строительству российско-китайского агропромышленного парка национального уровня на территории бухты Суходол Шкотовского района.

Создание агропарка приведет к развитию региональной экономики, увеличению поступлений в краевой бюджет, занятости местного населения и созданию новых объектов инфраструктуры, включая порты, элеваторы, склады и производственные предприятия.

За счет реализации проекта по строительству агропарка планируется увеличить на 110 тыс. га сельскохозяйственных угодий в Приморском крае под посев сои, кукурузы, риса и других культур. Плановый объем перерабатывающих мощностей завода по глубокой переработке сои (производство соевого шрота, кормовых добавок, соевого изолята и протеинового концентрата) составит 1 тыс. т сои в сутки, хранение – до 30 тыс. т. Кроме того, на территории агропарка запланировано строительство завода по глубокой переработке сои в районе порта мощностью 350 тыс. т в год.

Российско-китайский агропарк как платформа для сельскохозяйственного сотрудничества предоставляет китайским инвесторам удобные условия для инвестирования в Россию.

Кроме того, при участии наших вьетнамских коллег ООО «ТиЭйч Рус Приморский» реализует проект по строительству животноводческого комплекса с общим поголовьем 6 тыс. молочных пород КРС и молокозавода мощностью переработки 250 т молока в сутки.

Заключение

Сельскохозяйственное производство в Приморском крае имеет положительный вектор развития и входит в тройку регионов-лидеров в Дальневосточном федеральном округе. В последние годы растет объем экспорта его продукции в страны Восточной Азии, прежде всего в КНР, основу которой составляют соевые бобы и зерновые.

Вместе с тем установленная автором доля собственного производства продуктов питания по итогам 2022 г. не достигает целевых показателей, утвержденных в январе 2020 г. Более того, дальнейший рост объемов сельскохозяйственного производства Приморского края сдерживается существующей проблемой сокращения зарубежных поставок высокотехнологичной техники, оборудования и комплектующих, а также пищевых комплексов и добавок при удорожании этих важнейших компонентов роста урожайности сельскохозяйственных культур.

Данное обстоятельство определяет высокую значимость совершенствования государственной политики и достижения установленных нормативов продовольственной обеспеченности населения Дальнего Востока.

Список источников

1. Барикаева А.Ф. Современные риски и угрозы продовольственной безопасности России // Аудиторские ведомости. 2021. № 2. С. 150–157.
2. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность Российской Федерации (теория и практика). Санкт-Петербург: Изд-во «Буквально», 2018. 386 с.
3. Gubarkov S.V., Zhuplei I.V., Tretyak N.A. Food Independence as Key Component of Food Security of the Far Eastern Federal District // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International science and technology conference "Earth science". Vladivostok: IOP Publishing Ltd, 2021. P. 052042. DOI 10.1088/1755-1315/666/5/052042
4. Иванова О.Е., Задворнева Е.П. Глобальные вызовы мировых продовольственных рынков в региональном аспекте // Экономика и предпринимательство. 2021. № 12 (137). С. 540–546. DOI 10.34925/EIP.2021.137.12.103
5. Латкин А.П., Харченкова Е.В. Дальневосточный регион: перспективы инновационного прорыва // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 1. С. 6–16. DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/006-016
6. Экономическая безопасность Дальнего Востока России в условиях функционирования систем опережающего развития / В.А. Якимова, В.В. Лазарева, В.Н. Дьяченко, С.В. Хмура. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. 208 с. DOI 10.22250/ESFE
7. Экономика Дальневосточного региона: перспективы развития и территориально-отраслевые особенности / И.В. Жуплей, Н.А. Третьяк, В.А. Лотокова [и др.]. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2013. 166 с.
8. Латкин А.П., Жуплей И.В. Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока: монография. Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. 164 с. DOI: <https://doi.org/10.24866/0700-5-2023>
9. Латкин А.П., Жуплей И.В., Кузьмина С.В. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Дальнего Востока в условиях объявленных России санкций // Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147). С. 483–487. DOI 10.34925/EIP.2022.147.10.091

10. Алтухов А.И. Первоочередные меры по реализации новой доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 3. С. 2–10. DOI 10.32651/203-2

References

1. Barikaeva A.F. Modern risks and threats to food security in Russia. *Audit reports*. 2021; (2): 150–157.
2. Gumerov R.R. Food security of the Russian Federation (theory and practice). St. Petersburg: Publishing House "Literally"; 2018. 386 p.
3. Gubarkov S.V., Zhuplei I.V., Tretyak N.A. Food Independence as Key Component of Food Security of the Far Eastern Federal District. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: International science and technology conference "Earth science"*. Vladivostok: IOP Publishing Ltd; 2021. P. 052042. DOI 10.1088/1755-1315/666/5/052042
4. Ivanova O.E., Zadvorneva E.P. Global challenges of world food markets in the regional aspect. *Economy and entrepreneurship*. 2021; 12 (137): 540–546. DOI 10.34925/EIP.2021.137.12.103
5. Latkin A.P., Kharchenkova E.V. Far Eastern Region: Prospects for an Innovation Breakthrough. *Territory of New Opportunities. Bulletin of the Vladivostok State Endowment University of Economics and Service*. 2019; 11 (1): 6–16. DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/006-016
6. Economic Security of the Russian Far East in Conditions of Advanced Development Systems Functionality / V.A. Yakimova, V.V. Lazareva, V.N. Dyachenko, S.V. Khmura. Blagoveshchensk: Amur State University; 2020. 208 c. DOI 10.22250/ESFE
7. The economy of the Far Eastern region: development prospects and territorial and sectoral features / I.V. Zhuplei, N.A. Tretyak, V.A. Lotokova [et al.]. Vladivostok: Far Eastern Federal University; 2013. 166 p.
8. Latkin A.P., Zhuplei I.V. Structural policy for the development of the potential of the commercial security of the Russian Far East: monograph. Vladivostok: Publishing House of VVGU; 2023. 164 c. DOI: <https://doi.org/10.24866/0700-5-2023>
9. Latkin A.P., Zhuplei I.V., Kuzmina S.V. Problems of ensuring the food security of the Far East under the conditions of the sanctions announced by Russia. *Economy and entrepreneurship*. 2022; 10 (147): 483–487. DOI 10.34925/EIP.2022.147.10.091
10. Altukhov A.I. Priority measures to implement the new doctrine of the commercial security of the Russian Federation. *Economy of agriculture of Russia*. 2020; (3): 2–10. DOI 10.32651/203-2

Информация об авторе:

Бронц Андрей Александрович, министр сельского хозяйства Приморского края, г. Владивосток, bronts_aa@primorsky.ru.

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/019-028>

Дата поступления:
06.02.2024

Одобрена после рецензирования:
14.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья

УДК 371.3

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/029-038>

Роль эколого-просветительской работы в обеспечении устойчивого развития региона

Гатауллина Светлана Юрьевна

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Ярусова Софья Борисовна

Институт химии ДВО РАН
Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Концепция устойчивого функционирования территорий базируется на гармоничном развитии экономической, социальной и экологической сфер. Этот подход лежит в основе утверждённой стратегии эколого-ориентированного развития России, включающей активное внедрение «зелёных» технологий, ресурсосбережение, сохранение природных экосистем, внедрение современных технологий сбора и утилизации отходов, обеспечение сбалансированного развития экономики и малого бизнеса в целях повышения уровня качества жизни населения страны. Недостаточно высокие темпы «зелёного» роста национальной экономики объясняются влиянием ряда негативных факторов, немаловажное место среди которых принадлежит низкому уровню экологической культуры и экологического сознания населения страны. В статье рассматривается состояние работы по экологическому просвещению молодежи Приморского края. Анализ научных публикаций, результаты маркетинговых исследований и научные экспедиции в муниципальные образования Приморского края позволили авторам статьи выявить основные барьерные факторы, снижающие уровень эколого-просветительской работы в образовательных учреждениях Приморского края, недостаточную координацию проводимых в крае экологических мероприятий, низкий уровень информирования о них молодежи края. Авторы разработали начальный комплекс мер по повышению эффективности работы Краевой межведомственной комиссии по экологическому образованию, просвещению и воспитанию экологической культуры в Приморском крае. Данные исследования в сочетании с предложенными рекомендациями являются основой для выработки конкретных практических мер по повышению уровня вовлеченности молодежи в работу по сохранению окружающей среды, развитию у молодого поколения экологической культуры и экологически ответственного поведения, что является необходимым условием формирования у них активной гражданской позиции, направленной на повышение устойчивого и безопасного развития региона.

Ключевые слова: молодежь, образование, профориентационная деятельность, экологическое просвещение, ценности, экологическая грамотность, экологическая культура.

Для цитирования: Гатауллина С.Ю., Ярусова С.Б. Роль эколого-просветительской работы в обеспечении устойчивого развития региона // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/029-038>

Original article

The role of environmental education in ensuring sustainable development of the region

Svetlana Yu. Gataullina

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Sofya B. Yarusova

Institute of Chemistry FEB RAS
Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. *The concept of territories' sustainable functioning is based on the harmonious development of economic, social, and environmental spheres. This approach is fundamental for the approved strategy of eco-oriented development of Russia, that includes active promotion of 'green' technologies, efficient use of resources, preserving natural ecosystems, introduction of modern technologies for waste collection and utilization, balanced development of the economy and small business in order to improve the life quality for Russia's population. Insufficient growth of the 'green' national economy is explained by the influence of a number of negative factors, including low level of environmental culture and environmental awareness of the country's population. The article reveals the situation with environmental education of young people in Primorsky Krai. The authors identify main factors reducing the level of environmental education in the local educational institutions, such as low coordination of environmental activities in the region and poor informing young people about these events. The analysis is based on scientific publications, the marketing research results, and scientific expeditions to the municipalities of Primorsky Krai. The authors suggest a number of initial measures to improve the efficiency of the Regional Interdepartmental Commission on Environmental Education, Enlightenment and Environmental Culture Promotion in Primorsky Krai. These recommendations together with the research in general are the basis for the development of specific practical measures to involve the young people in environmental conservation, to develop the younger generation's environmental culture and eco-responsible behaviour. This is a prerequisite for their active citizenship aimed at improving sustainable and safe development of the region.*

Keywords: *youth, education, career guidance, environmental education, values, environmental literacy, environmental culture.*

For citation: *Gataullina S.Yu., Yarusova S.B. The role of environmental education in ensuring sustainable development of the region // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/029-038>*

Введение

Формирование концепции устойчивого развития общества было заложено на конференции ООН по окружающей человека среде в Стокгольме (1972) и получило развитие на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992). Базовые положения концепции устойчивого развития, разработанные Комиссией ООН по окружающей среде и развитию, закреплены во Всемирной стратегии охраны природы и в Глобальном плане действий по устойчивому развитию.

В контексте территориального планирования эта концепция получила развитие в понятии устойчивого развития территории (УРТ). Принципы УРТ включают: сбалансированность архитектурно-планировочных решений застройки территории и развития инфраструктурной сети, учет предельно допустимой рекреационной нагрузки и благоустройство территорий, внедрение «зелёных» технологий, организацию сбора и утилизацию отходов, сохранение природного

разнообразия и целостности природных экосистем, реализацию развития местной экономики и малого бизнеса, обеспечивающих повышение уровня качества жизни местного населения, и ряд других принципов.

Значительная роль в сохранении целостности природных экосистем отводится просветительской работе. Формирование экологического сознания населения, его экологической культуры является важной задачей внутренней политики государства, значимым направлением работы органов власти всех уровней, образовательных учреждений, некоммерческих организаций, бизнес-сообщества и всех неравнодушных людей.

В РФ сформирована концепция эколого-ориентированного развития страны, эффективность реализации которой, к сожалению, пока недостаточно высока. Совершенствование организации эколого-просветительской работы среди молодежи будет способствовать повышению уровня экосознания и экокультуры всего населения региона.

Основными методами научных исследований при подготовке статьи стали:

- анализ российских и зарубежных научных публикаций по проблемам экологического воспитания молодежи;
- организация экспедиций в образовательные учреждения Приморского края (Черниговский и Ольгинский районы);
- проведение опросов школьников, студентов, учителей, преподавателей (анкетирование и глубинные интервью).

Основная часть

В Российской Федерации сформирована система экологического образования и просвещения молодежи, направленная на то, чтобы экологический компонент стал неотъемлемой частью культуры каждого школьника и студента. Анализ результатов исследований, размещенных в российских и международных журналах, позволил выявить следующие основные барьерные факторы, снижающие эффективность эколого-просветительской работы в образовательных учреждениях:

- наличие только общих экологических знаний далеко не всегда определяет возникновение экологического мировоззрения учащихся;
- наблюдается дефицит методических разработок, недостаток современных средств видео- и аудиосопровождения обучающих программ в образовательных учреждениях;
- ограничен доступ учителей и преподавателей к современным формам и методам экологического образования, а имеющиеся программы недостаточно интерактивны и зачастую не учитывают экологическую, экономическую и социальную специфику регионов, в которых они внедрены;
- не сформирована концепция целенаправленной и четко организованной системы экологического образования и воспитания учащихся;
- получаемые школьниками и студентами экологические знания не всегда соответствуют современным запросам науки и бизнеса к уровню экологического образования;

– молодёжная аудитория требует разработки индивидуальных программ обучения с учётом не только общемировых, но и местных особенностей функционирования экосистем;

– высокие трудозатраты по работе с подростками приводят к тому, что с этой возрастной категорией экопросвещением занимаются менее охотно, чем с другими возрастными категориями;

– наблюдается сравнительно низкий интерес подростков к участию в активной экологической деятельности (отмечено у 26% авторов проанализированных публикаций);

– система высшего образования ориентирована в основном на подготовку специалистов, а не на общее повышение уровня культуры молодёжи и, прежде всего, на уровень экообразования;

– недостаточно используются инструменты мотивации и стимулирования школьников для проявления экологической активности;

– нередко у молодёжи осуществляется подмена эколого-осознанного поведения имитацией социальной активности;

– на занятиях по экологии часто используются только теоретические формы преподавания, редки выезды/выходы учащихся в природную среду;

– наблюдается недостаточный уровень методического, информационного, наглядно-иллюстративного обеспечения занятий по экологии в школах [1–10].

В Приморском крае большое внимание уделяется сохранению благоприятной окружающей среды и природному биоразнообразию. Наиболее уникальные природные ресурсы на территории края находятся в составе ООПТ (особо охраняемых природных территорий).

В Приморском крае расположены 232 ООПТ всех категорий, которые занимают 17,14% от общей площади края: 6 государственных природных заповедников (федерального значения), 4 национальных парка, 1 природный парк (регионального значения), 11 заказников краевого значения, 206 памятников природы (регионального значения), 1 ботанический сад и 1 дендрарий (федерального значения), 1 зона покоя «Средняя Крыловка» (местного значения), 1 памятник природы местного значения. На территории Приморского края функционирует 12 особо охраняемых природных территорий федерального значения.

Богатый и разнообразный природный потенциал является одной из составляющих бренда Приморского края и фактором, привлекающим в регион большое число российских и иностранных туристов. С целью повышения экологической культуры населения в муниципальных образованиях Приморского края ежегодно проводится более 1800 мероприятий экологической направленности, более 200 экомероприятий проводят некоммерческие организации. Это такие мероприятия, как экологические акции, тематические конференции, экологические уроки в школах, международные экофорумы, экспедиции, экофестивали, просветительские лекции для населения.

На базе детских оздоровительных лагерей и центров отдыха проходят эко-смены, экомероприятия, направленные на формирование экологического мышления, воспитание бережного отношения к природе. Например, в ВДЦ «Океан» проводятся следующие программы:

– 2018–2028 гг. – международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития»;

– 2021–2030 гг. – десятилетие наук об океане в интересах устойчивого развития;

– 2021–2030 гг. – десятилетие по восстановлению природных экосистем.

С 21 июня по 11 июля 2023 г. в ВДЦ «Океан» прошел экологический форум «Живи, Земля!» [11].

Эколого-просветительская и эколого-образовательная работа проводится в общеобразовательных учреждениях края. Основы экологического воспитания формируются у школьников на таких предметах, как биология, география или окружающий мир. В школах края проводятся следующие экомероприятия: организация экологических акций, проведение тематических классных часов, организация экопоходов и экопросветительских поездок (посещение заповедников, ООПТ, памятников природы), демонстрация эколого-просветительских фильмов и передач, организация экоконтурсов, разработка экопроектов и ряд других мероприятий.

На крупнейших предприятиях края реализуются проекты, направленные на сохранение окружающей среды. К реализации этих проектов часто привлекаются студенты и школьники. Координацию эколого-просветительской работы в регионе осуществляет Краевая межведомственная комиссия по экологическому образованию, просвещению и воспитанию экологической культуры в Приморском крае.

Для оценки эффективности проводимой работы и её влияния на формирование экологического сознания молодёжи исследовательским коллективом под руководством авторов статьи проведено анкетирование более 2 тыс. школьников и студентов городов Приморского края: Артема, Владивостока, Дальнереченска, Находки, поселков Сибирцево, Черниговка, Терней, Ольга.

75,2% студентов представляли вузы и 24,8% СПО Приморского края. По возрастному составу студенты распределились следующим образом: до 18 лет – 22,5%; 18–20 лет – 44,4%; 21–23 года – 25,4%; старше 23 лет (магистратура) – 7,7%. Среди школьников респонденты 3–4 классов составляли 9,8%; 5–9 классов – 46,7%; 10–11 классов – 43,5%.

Полученные результаты показали, что большинство респондентов отметили ухудшение состояния окружающей среды своего населенного пункта и выразили мнение о том, что среди всех факторов, влияющих на состояние окружающей среды, определяющую роль играет антропогенный (рис. 1).

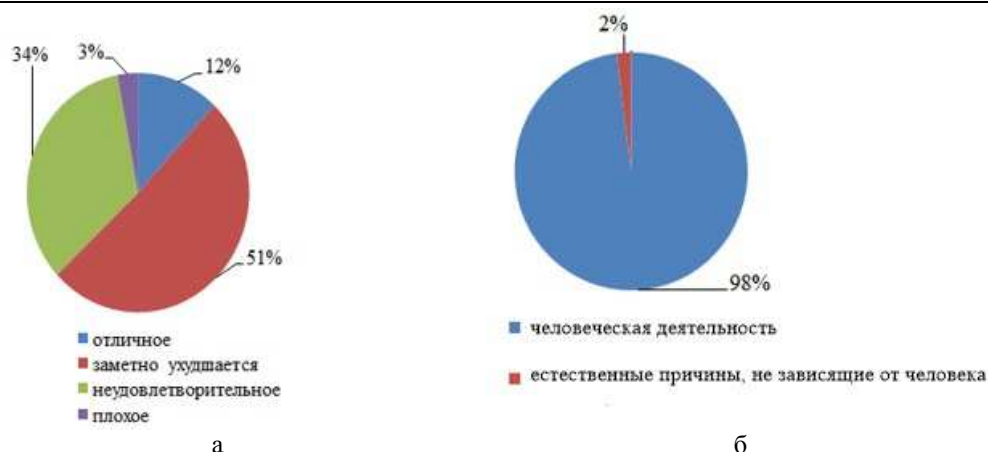


Рис. 1. Мнение респондентов относительно состояния окружающей среды:
 а – оценка респондентами состояния окружающей среды своего населенного пункта;
 б – оценка респондентами факторов, влияющих на состояние окружающей среды

Роль экологического просвещения населения в вопросах, касающихся охраны окружающей среды, респонденты оценили высоко, а уровень проведения этой работы в крае на современном этапе как недостаточно высокий (рис. 2).

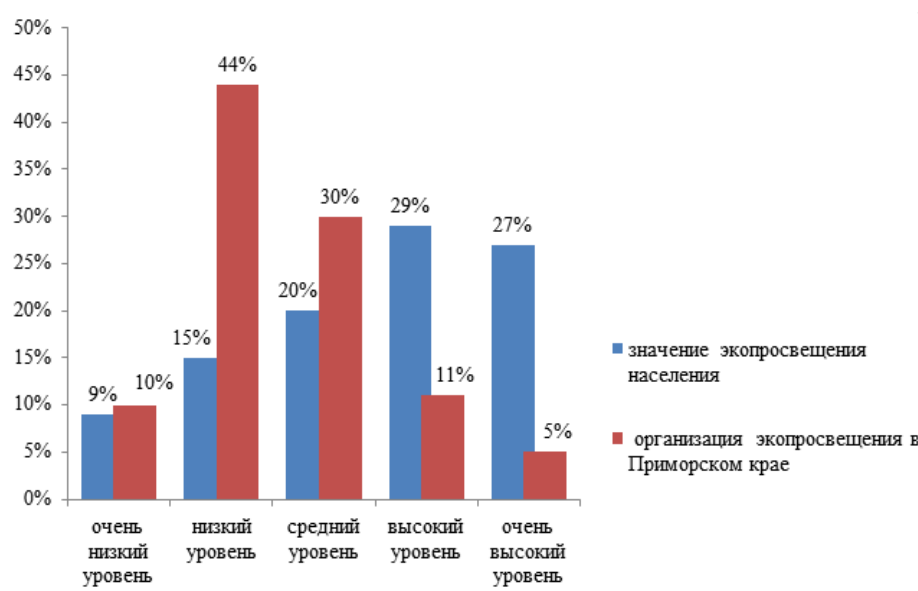


Рис. 2. Мнение респондентов относительно роли экологического просвещения и фактического состояния этой работы

Студенты и школьники отметили, что получаемых ими знаний по экологии в образовательных учреждениях недостаточно (51%). Среди наиболее востребо-

ванных форм эколого-просветительской работы были выделены: участие в экоакциях, личное общение с другими ребятами, занимающимися экологией, прослушивание интересной лекции на экологическую тему, участие в различных конкурсных программах, разработка экопроекта, участие в молодёжных экофорумах, проведение исследований и подготовка научных публикаций. Данный вопрос подразумевал возможность нескольких вариантов ответов (рис. 3).

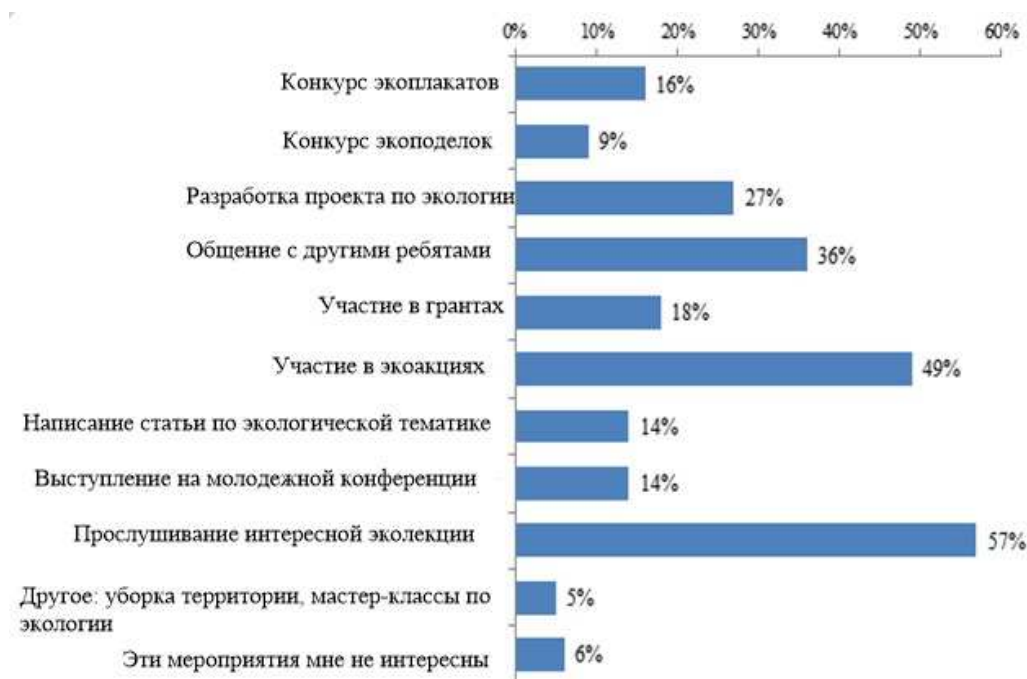


Рис. 3. Наиболее интересные формы экомероприятий для школьников и студентов

Доступность информации о проводимых в крае экомероприятиях 58 % респондентов оценили как «очень низкую», 13 % как «практически недоступную».

Очень близкой по тематике задаваемых вопросов была анкета для преподавателей и учителей образовательных учреждений. Всего было опрошено 52 респондента, в том числе учителя и преподаватели предметов математической направленности – 31,2%; естественно-научных предметов и дисциплин – 30,6%; предметов гуманитарной и филологической направленности – 32,1%; иных предметов – 6,1%.

На вопрос о связи преподаваемого предмета с экологией 61 % ответили, что связан, экологические знания – его неотъемлемая часть; 29 % ответили, что не связан и экопроблемы в нем не рассматриваются; 10 % ответили, что, хотя предмет напрямую и не связан с экологией, но экологические вопросы в нем обсуждаются.

69 % респондентов отметили низкий уровень экологической культуры у молодёжи, 32 % респондентов оценили уровень проводимой в крае работы по экологическому просвещению молодёжи как низкий. Преподаватели и учителя отметили очень низкий уровень доступности информации о проводимых в При-

морском крае экомероприятиях, недостаточное методологическое обеспечение этой работы.

Заключение

Неотъемлемой частью обеспечения безопасности региона является сохранение его экосистемы и биоразнообразия. Рост хозяйственного освоения окружающей среды приводит к ухудшению состояния природной экосистемы и необходимости повышения эффективности реализуемых в крае экозащитных мероприятий, уровня экологической культуры и экологического сознания населения. Действенность проводимой в крае эколого-воспитательной работы среди населения нередко снижается из-за недостаточного уровня её скоординированности и информационной обеспеченности.

В 2022–2023 гг. Краевой межведомственной комиссией по экологическому образованию, просвещению и воспитанию экологической культуры в Приморском крае была проведена большая работа, организованы мероприятия краевого уровня – Приморские экологические форумы и Приморская экологическая конференция, показавшие свою эффективность при коммуникации и обмене опытом для специалистов в области экологического образования, просвещения и воспитания, а также для студентов [12, 13]. Авторами работы совместно с коллегами предложен ряд мер по повышению эффективности работы Комиссии, включающих: интенсификацию взаимодействия участников эколого-просветительской работы в крае путем создания базы данных всех заинтересованных субъектов; формирование общедоступного web-ресурса с календарем проводимых экомероприятий и эоакций в Приморском крае и регионах ДФО; активизацию взаимодействия с Приморским отделением общества «Знание», академическими институтами ДВО РАН, ведущими университетами ДФО и Российской экологической академией; организацию выездных мероприятий (экспедиций) в образовательные учреждения Приморского края с проведением лекций, мастер-классов ведущими специалистами, учеными, преподавателями, учителями; регулярный мониторинг уровня экологической компетентности школьников, студентов среднего профессионального и высшего образования и др. В рамках работы Комиссии необходим постоянно действующий методический семинар для участников эколого-просветительской работы в Приморском крае, с изданием сборника материалов исследований, содержащих анализ опыта работы, эффективности проводимых мероприятий в Приморском крае, материалов отчета о работе Комиссии. Вышеперечисленные меры позволят повысить уровень вовлеченности молодежи в работу по сохранению окружающей среды, будут способствовать развитию у молодого поколения экологической культуры и экологически ответственного поведения, что является необходимым условием формирования у них активной гражданской позиции, направленной на повышение устойчивого и безопасного развития региона.

Список источников

1. Афанасьева С.В. Становление и развитие экологического образования и просвещения // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. 2010. № 2 (6). С. 14–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17996862>

2. Бариева Э.Р., Серазеева Е.В., Панфилов А.А. Современный подход к непрерывному экологическому образованию и просвещению одаренной молодежи // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2014. № 6. С. 150–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22814316>
3. Ваганов М.Г. Некоторые проблемы экологического образования и пути их решения // Наука и школа. 2012. № 4. С. 124–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18901636>
4. Гревцева А.А., Тарарыченкова О.Ю. Основы экологической грамотности: подходы к обучению // Интерактивная наука. 2021. № 10 (65). С. 29–31. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47925295_98630502.pdf
5. Исаева З.М. Экологические ценности современной молодежи // Юг России: экология, развитие. 2010. № 1. С. 170–173. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15622299>
6. Пинчук А.Н., Карпова С.Г., Тихомиров Д.А. Московские студенты об экологических инициативах «зеленого» университета: оценки и личная заинтересованность // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 2 (143). С. 122–131. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49839529_28448464.pdf
7. Тарасова О.Н. Подростковая аудитория экологического просвещения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. С. 193–207. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25952261>
8. Challenges of Environmental Education: Inculcating Behavioural Changes among Indigenous Students Norshariani / Abd Rahman, Lilia Halim, Abdul Razaq Ahmad, Tuan Mastura Tuan Soh // Creative Education. 2018. Vol. 9, no. 1. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=81866>
9. Grimmette, Katherine A. The Impacts of Environmental Education on Youth and their Environmental Awareness // Environmental Studies Undergraduate Student Theses. University of Nebraska. 2014. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/envstudtheses/135>
10. Srbnovsky M., Stanishich J. Ecological worldviews of Serbian and Macedonian schoolchildren // Australian Journal of Environmental Education. 2020. Vol. 36, № 1. P. 20–43. URL: <https://doi.org/10.1017/aee.2020.1>
11. «Экологический форум “Живи, Земля!”»: обзор событий. URL: <https://ocean.org/press-tsentr/news/ekologicheskij-forum-zhivi-zemlya-obzor-sobytiy>
12. К вопросу о повышении эффективности интеграции специалистов в области экологического образования и экопросвещения / С.Б. Ярусова, А.М. Смышляев, Т.С. Вшивкова, Н.В. Иваненко, С.Ю. Гатауллина // Экология родного края: проблемы и пути их решения: матер. XVIII Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Книга 2, г. Киров, 24–25 апреля 2023 г. Киров: Вятский гос. ун-т, 2023. С. 411–415.
13. Приморская экологическая конференция «Система непрерывного экологического просвещения, обучения и воспитания в Приморском крае». URL: <https://rosekoakademia.ru/news/2-iyunya-2023-goda-v-g-vladivostoke-sostoyalos-meropriyatie-priurochennoe-k-dnyu-ekologa-primorskaya-ekologicheskaya-konferenciya-sistema-nepreryvnogo-ekologicheskogo-prosveshheniya-obuc/> (дата обращения: 05.02.2024).

References

1. Afanasyeva S.V. Formation and development of environmental education and education. *Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy*. 2010; 2 (6): 14–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17996862>
2. Barieva E.R., Serazeeva E.V., Panfilov A.A. Modern approach to continuous environmental education and enlightenment of gifted youth. *Bulletin of Kazan State Energy University*. 2014; (6): 150–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22814316>
3. Vaganov M.G. Some problems of environmental education and ways to solve them. *Science and school*. 2012; (4): 124–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18901636>

4. Grevtseva A.A., Tararychenkova O.Yu. Bases of ecological literacy: approaches to training. *Interactive science*. 2021; 10 (65): 29–31. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47925295_98630502.pdf
5. Isaeva Z.M. Ecological values of modern youth. *South of Russia: ecology, development*. 2010; (1): 170–173. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15622299>
6. Pinchuk A.N., Karepova S.G., Tikhomirov D.A. The Moscow students about ecological initiatives of the "green" university: estimates and personal interest. *Social policy and sociology*. 2022; 21 (2 (143)): 122–131. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49839529_28448464.pdf
7. Tarasova O.N. Adolescent audience of environmental education. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2016. P. 193–207. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25952261>
8. Challenges of Environmental Education: Inculcating Behavioural Changes among Indigenous Students Norshariani / Abd Rahman, Lilia Halim, Abdul Razaq Ahmad, Tuan Mastura Tuan Soh. *Creative Education*. 2018; 9 (1). URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=81866>
9. Grimmette, Katherine A. The Impacts of Environmental Education on Youth and their Environmental Awareness. *Environmental Studies Undergraduate Student Theses. University of Nebraska*. 2014. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/envstudtheses/135>
10. Srbimovsky M., Stanishich J. Ecological worldviews of Serbian and Macedonian school-children. *Australian Journal of Environmental Education*. 2020; 36 (1): 20–43. URL: <https://doi.org/10.1017/ae.2020.1>
11. "Environmental Forum "Live, Earth!"" : An overview of events. URL: <https://ocean.org/press-tsentr/news/ekologicheskij-forum-zhivi-zemlya-obzor-sobytyj>
12. On improving the integration of specialists in the field of environmental education and environmental education / S.B. Yarusova, A.M. Smyshlyaev, T.S. Vshivkova, N.V. Ivanenko, S.Yu. Gataullina. *Ecology of the native land: problems and ways to solve them: mater. XVIII All-Russian Scientific Practice. conf. with international participation. Book 2, Kirov, April 24–25, 2023*. Kirov: Vyatka Gost. un-t; 2023. P. 411–415.
13. Primorsky Ecological Conference "Continuous System environmental education, education and upbringing in the Primorsky Territory". URL: <https://rosekoakademia.ru/news/2-iyunya-2023-goda-v-g-vladivostoke-sostoyalos-meropriyatie-priurochennoe-k-dnyu-ekologa-primorskaya-ekologicheskaya-konferenciya-sistema-nepreryvnogo-ekologicheskogo-prosvesheniya-obuc/> (accessed date: 05.02.2024).

Информация об авторах:

Гатауллина Светлана Юрьевна, доцент Департамента туризма и гостеприимства, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, gataullina.syu@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3548-4014>

Ярусова Софья Борисовна, канд. хим. наук, доцент, ст. научный сотрудник лаборатории защитных покрытий и морской коррозии, Институт химии ДВО РАН, зав. базовой каф. ЭЭПХТ ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Sofya.Yarusova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1500-1319>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/029-038>

Дата поступления:
08.02.2024

Одобрена после рецензирования:
15.02.2024

Принята к публикации:
19.02.2024

.....

Менеджмент

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 39–51
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 39–51

Научная статья
УДК 334.012.3(571.6)
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/039-051>

Предпосылки развития международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах России

Ли Сяотао

Лоянский профессионально-технический институт
Лоян. КНР

***Аннотация.** В статье приводится обоснование перспективности международного социального предпринимательства в приграничных с КНР регионах российского Дальнего Востока. Автором установлена отрицательная динамика создания международных совместных предприятий в целом по России и в Дальневосточном федеральном округе за последние 5 лет. Детально рассмотрены процесс развития этого сектора в экономике и изменения его отраслевой структуры. Доказана взаимосвязь количественного роста совместных предприятий с активизацией сотрудничества с приграничными провинциями КНР и разрывом экономических отношений России со странами Евросоюза и США. Установлена высокая доля российско-китайских предприятий (30 %) на территории Дальнего Востока, чему способствуют многочисленные благоприятные социально-экономические предпосылки и факторы.*

***Ключевые слова:** международное предпринимательство, динамика развития, Дальний Восток, КНР, социально-экономические предпосылки, факторы, анализ, систематизация.*

***Для цитирования:** Ли Сяотао. Предпосылки развития международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/039-051>*

.....

Management

.....

Original article

Prerequisites for the development of international social entrepreneurship in the Far Eastern regions of Russia

Li Xiaotao

Loyan Vocational Institute
Luoyang, People's Republic of China

***Abstract.** The article substantiates the prospects of international social entrepreneurship in the Russian Far Eastern regions bordering China. The author has established that the past 5 years saw the negative dynamics of the creation of international joint ventures in Russia as a whole and in the Far Eastern Fed-*

eral District. The article looks in detail at the development stages of this type of entrepreneurship and changes in its industry types. The correlation has been revealed between the growth in number of joint ventures and the increased cooperation between Russia and China's border provinces and the severance of Russian economic relations with European Union countries and the USA. The study has established that a number of favorable socio-economic prerequisites and factors have resulted in a high percentage (30%) of Russian-Chinese enterprises in the Russian Far East.

Keywords: *international entrepreneurship, development dynamics, Far East, China, socio-economic prerequisites, factors, analysis, systematization.*

For citation: *Li Xiaotao. Prerequisites for the development of international social entrepreneurship in the Far Eastern regions of Russia // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/039-051>*

Введение

На современном этапе мирового развития высокая роль отводится активизации международного бизнеса в социально значимых секторах национальных экономик. Успешность реализации этого относительно нового направления во многом определяется кросс-культурным взаимодействием представителей стран-участников совместных инвестиционных проектов, достижение как частных, так и общественных целей которого обуславливает необходимость трансформации традиционных подходов к управлению международным социальным предпринимательством с учетом существенно изменившейся в последние годы внешней среды развития российской экономики.

Особое значение это имеет для Дальнего Востока, обеспечивающего в современных условиях возрастающую динамику торгово-экономического и социального сотрудничества с Китайской Народной Республикой и рядом других стран Восточной Азии. Созданное здесь большое количество международных совместных предприятий, в том числе в социально значимых видах предпринимательской деятельности, особенно в приграничных регионах, вносит большой вклад в рост производства сельскохозяйственной, рыбной, лесной продукции, в развитие туристского, гостиничного, ресторанного и других бизнесов, обеспечивая высокую трудовую занятость дальневосточного населения и улучшение качества его жизни.

В работе использованы методы аналогии, систематизации, обобщения, эмпирические и теоретические методы научного познания, сравнения, структурно-логический и корпоративный анализ. В основу исследования легли нормативно-правовые акты, статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ, в частности Приморского края, а также КНР, официальные программы развития Дальневосточного федерального округа. Кроме того, в работе рассмотрены результаты конференций российского и международного уровней по вопросам улучшения социально-экономических систем, аналитические обзоры по теме работы в сети Интернет, результаты собственных исследований.

Основная часть

Введение в 2014 г. антироссийских санкций нанесло непоправимый ущерб деятельности совместных предприятий, чем объясняется резкий спад их создания на территории России. В частности, с 2017 по 2019 г. наблюдалась тенденция поступательного сжимания российского сектора совместного предпринима-

тельства, кроме дальневосточного региона, где за этот период количество совместных предприятий не только не сократилось, но, наоборот, существенно выросло [1]. С 2022 г. в связи со специальной военной операцией на Украине и всеми вытекающими последствиями ситуация в сфере совместного предпринимательства меняется. Из страны уходят больше половины иностранных компаний, а те, кто имел доли в компаниях стратегически важных отраслей, их продают [2].

Так как этот период был достаточно сложным для экономики России, то использование финансов и основных фондов участников совместного предпринимательства из других стран позитивно повлияло на развитие национальной экономики.

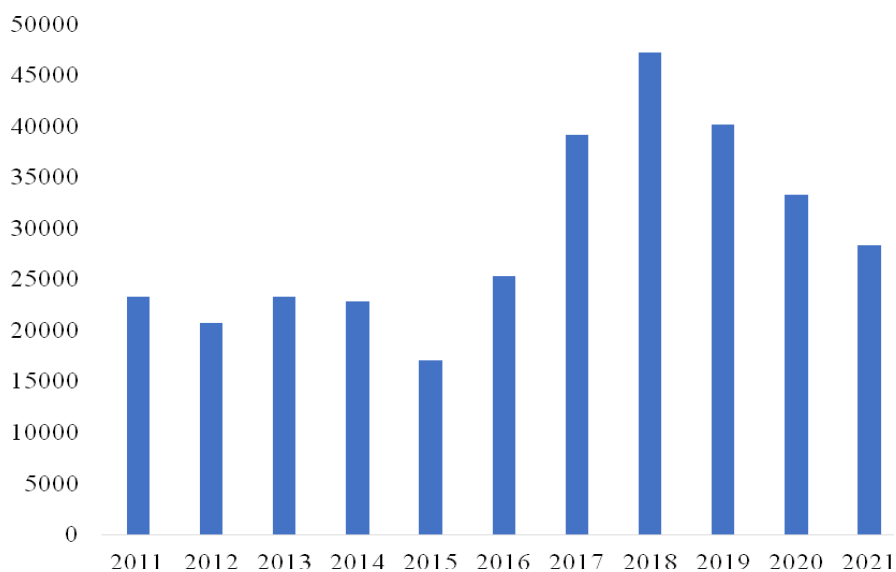


Рис. 1. Динамика количества совместных предприятий в РФ, ед.

Источник: сост. автором с использованием [3].

Как видно из данных, представленных на рис. 1, пик популярности указанных предприятий пришелся на 2018 г., после чего их количество сократилось за последующие 4 года на 40 %, что объясняется экономическими санкциями, введенными против России странами Евросоюза.

Политическое воздействие многих стран Запада способствовало усилению партнерских отношений с Китаем, странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Развитие таких межнациональных объединений, как ЕАЭС и БРИКС, способствовало формированию принципиально новых форм экономического сотрудничества [4].

В процессе настоящего исследования автором выявлена тенденция к децентрализации создаваемых совместных предприятий при опережающем по сравнению с центральными регионами страны ростом их «плотности» в сибирских и

дальневосточных регионах (рис. 2). Во многом это объясняется реализацией новой стратегии «поворота» вектора развития экономики России на Восток при адекватной государственной политике создания преференциальных режимов и улучшении инвестиционного климата в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, а также развитием приграничного сотрудничества регионов этих округов с провинциями КНР, Монголии, Республики Кореи и других стран Восточной Азии.

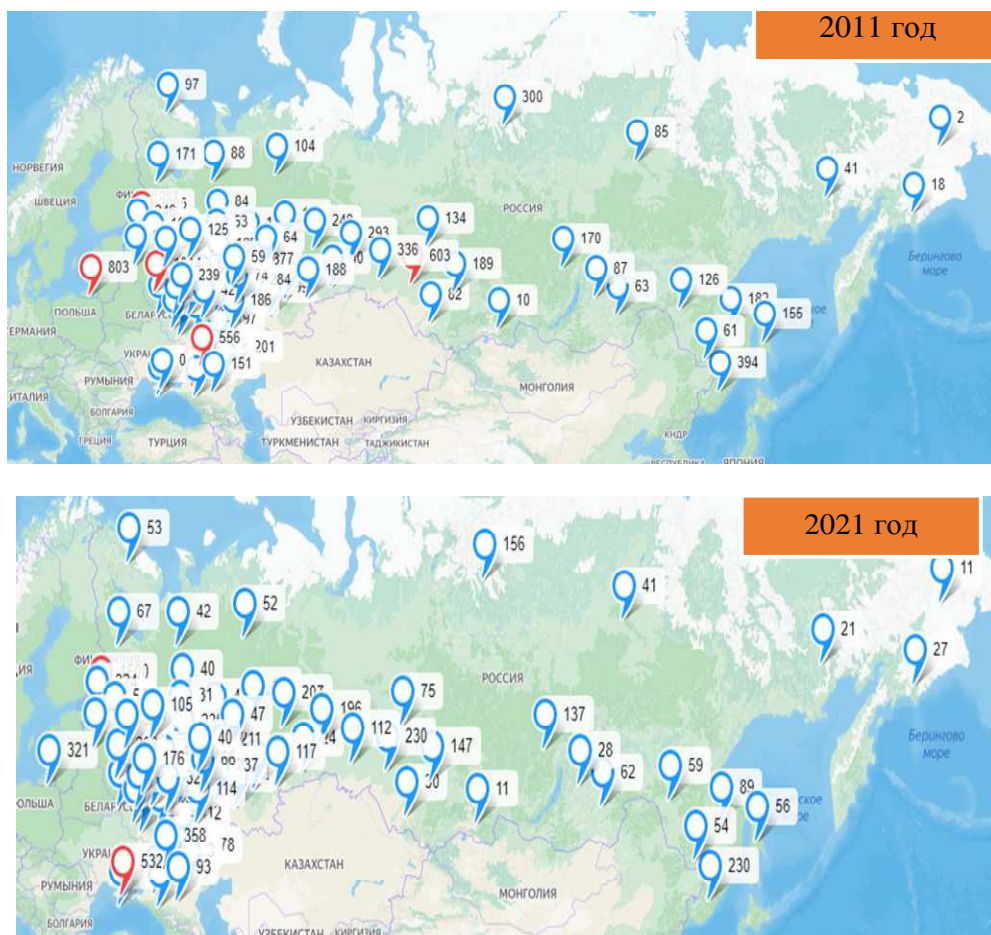


Рис. 2. Тенденция изменения территориальной структуры совместных предприятий в России

Источник: сост. автором.

Данный вывод подтверждается сравнительным анализом количества созданных в России совместных предприятий в разрезе федеральных округов (табл. 1).

**Динамика создания совместных предприятий в России
по федеральным округам**

Федеральный округ	2011 г.	2022 г.	Абс. изм., ед.	2021/2011, %
Центральный	11 766	10 134	-1632	-14
Северо-Западный	4004	2614	-1390	-35
Северо-Кавказский	190	219	29	+15
Приволжский	1938	1387	-551	-28
Уральский	769	3122	2353	+306
Южный	2017	1350	-667	-33
Сибирский	1996	4188	2192	+110
Дальневосточный	1064	740	-324	-30
Крымский	0	1025	1025	

Источник: сост. автором с использованием [3].

Как можно заметить, за последние 10 лет существенно увеличилось количество совместных предприятий в Сибирском и Уральском федеральных округах, при уменьшении их количества в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Южном и Дальневосточном федеральных округах. Дальний Восток обладает большим потенциалом для развития благодаря своим природным ресурсам и экономико-географическому положению. Его доля в общем количестве российских совместных предприятий в 2011 г. составила 0,05%. Но уже в 2021 г. количество совместных предприятий на Дальнем Востоке уменьшилось на 30% при соответствующем уменьшении их доли в общероссийском показателе до 0,03%.

В рамках решения поставленных в настоящем исследовании задач представляет интерес используемая в мировой практике система управления совместными предприятиями. Как следует из опубликованных данных, в настоящее время почти половина из них имеет более двух учредителей в составе управления и только 24% – одного (рис. 3).

На начальном этапе создания совместного предприятия важнейшим первым шагом является определение соответствующего уровня владения и контроля. Имея выбор, большинство компаний предпочли бы быть мажоритарным партнером, полагая, что такая структура обеспечивает больший контроль и эффективность принятия решений. Тем не менее статус миноритарного партнера также привлекателен в некоторых случаях за счет ограничения капитальных затрат, снижения операционной ответственности и потребности в ресурсах, снижения подверженности риску и удержания предприятия от консолидированных финансовых показателей компании. Следующий вариант – совместное предприятие, где управление разделено по принципу 50 на 50. Последний, как и в мировой практике, наиболее распространен на территории Дальнего Востока.

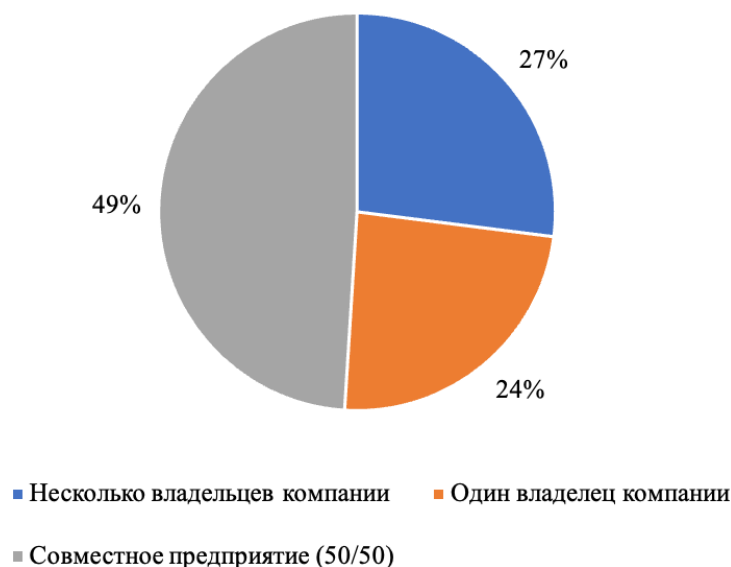


Рис. 3. Структура типов управления в мировой практике создания совместных предприятий (2020)

Источник: сост. автором с использованием [5].

Следует отметить, что в дальневосточных регионах России первые совместные предприятия были созданы в конце 1980 – начале 1990-х гг., чему способствовала проводимая в рамках государственной политики либерализация внешнеэкономической деятельности и развитие приграничного сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии. В частности, в рамках этой тенденции уже к середине 1990-х гг. здесь было создано более 2,5 тыс. совместных предприятий [6].

В последующие годы принятие российским правительством целого ряда федеральных законов и программ для улучшения инвестиционного климата на территории Дальневосточного федерального округа, особенно наделенной статусом особых преференциальных режимов, способствовало сохранению стабильного темпа создания совместных предприятий вплоть до 2022 г., когда эта динамика стала приобретать отрицательный характер. Их количество к 2021 г. достигло 740 единиц, а объем привлеченных инвестиций составил 120 млрд руб. при преобладающем значении этих показателей в Приморском крае (табл. 2).

**Показатели развития совместных предприятий с иностранным участием
на территории Дальневосточного федерального округа**

Территория	Количество предприятий, имеющих иностранное участие, ед.		Иностранные инвестиции в основной капитал, млн руб.
	2020 г.	2021 г.	2020 г.
Дальневосточный федеральный округ	804	740	120 780,4
Республика Саха (Якутия)	107	104	22 170,7
Камчатский край	32	29	221,5
Приморский край	543	510	18 474,5
Хабаровский край	31	24	23 786,6
Амурская область	10	5	34 341,2
Магаданская область	6	3	44,436
Сахалинская область	52	49	21 497,4
Еврейская автономная область	2	1	15,8
Чукотский автономный округ	5	3	31,6
Республика Бурятия	6	4	71,235
Забайкальский край	10	8	125,4

Источник: сост. автором с использованием [7].

Существующие сдвиги произошли в отраслевой структуре совместной предпринимательской деятельности с устойчивым увеличением в ней доли производственных предприятий (54 %) и в связи с возникновением в последние годы сектора лечебно-оздоровительных услуг с высоким потенциалом его развития (рис. 4).

Проведенное автором исследование не подтверждает наличие зависимости поступающих в регион иностранных инвестиций от географической близости зарубежных стран. Несмотря на преобладающее участие в организации совместных предприятий в дальневосточных регионах граничащих с ними провинций КНР (30 % от общего числа совместных предприятий), в число зарубежных инвесторов социально-экономического развития Дальнего Востока входят также Кипр (22 %), Великобритания (8 %), США (5 %) и даже Сейшельские острова (2 %). В последние годы в этом процессе участвовало 10 стран, в основном Азиатско-Тихоокеанского региона, что уже не подтверждается итогами 2022 г. в силу объявленных России 10 пакетов санкций из-за проводимой на Украине специальной военной операции (рис. 5).

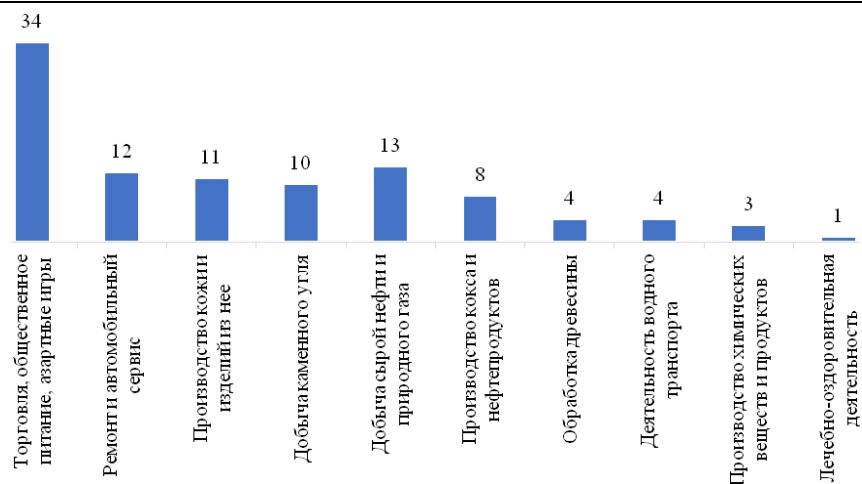


Рис. 4. Отраслевая структура совместных предприятий на территории ДФО по количеству предприятий, % (2020)

Источник: сост. автором с использованием [8].

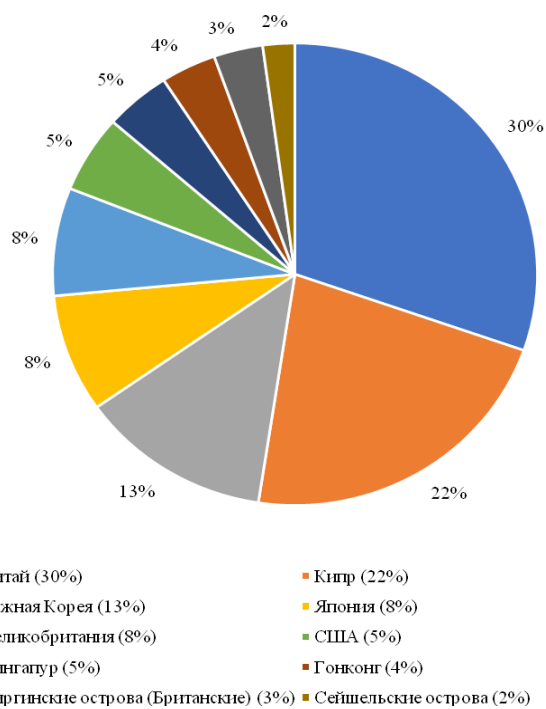


Рис. 5. Географическая структура совместных предприятий на территории ДФО по стране расположения материнской компании (2020)

Источник: сост. автором с использованием [8].

Представленные результаты теоретических исследований сущности совместного предпринимательства и эволюции развития его территориально-отраслевой структуры позволяют считать этот процесс тесно взаимосвязанным с многочисленными факторами внешней среды и, прежде всего, глобальными изменениями межстранового политического и экономического сотрудничества, а также уровня международной конкуренции в различных отраслях и видах производства товаров и услуг.

Такая динамика во многом объясняется наличием благоприятных факторов для совместной предпринимательской деятельности именно в приграничных районах различных стран, в частности России и КНР, имеющих высокий уровень взаимодополняемости национальных экономик. Об этом свидетельствует сделанная автором классификация всей совокупности факторов, влияющих на указанные процессы, с учетом собственных исследований, а также опубликованных в научной литературе подходов (табл. 3).

Таблица 3

Классификация факторов развития совместного предпринимательства в приграничных регионах

Классификационные признаки	Виды факторов
1. Экономические [9]	Взаимодополняемость национальных экономик; минимальные издержки на логистику сырьевых ресурсов и продукции; выгодная конъюнктура рынка трудовых ресурсов при возможности использования сравнительно дешевой рабочей силы
2. Управленческие	Государственные преференции для приграничного сотрудничества; доступность и реалистичность использования управленческого опыта зарубежного партнера; согласованность принимаемых управленческих решений в процессе создания и функционирования совместного предприятия
3. Административно-правовые	Административные барьеры в организации совместного производства; различия между законодательствами стран-партнеров; экологические ограничения на территории принимающих стран
4. Институциональные [10]	Наличие приграничных таможенных переходов; наличие инфраструктуры санитарно-эпидемиологического контроля сырьевых ресурсов и продукции
5. Культурологические [11]	Схожесть национальных систем традиций и обычаев; отсутствие языковых барьеров

Источник: сост. автором.

Приведенные в табл. 3 факторы на протяжении многих лет формировали благоприятные условия для развития совместного предпринимательства в приграничных регионах Дальнего Востока, позитивно влияя на социально-экономические параметры жизни местного населения.

К числу благоприятных предпосылок динамичного развития этих процессов автор с учетом собственного опыта работы в российско-китайском совместном лечебно-оздоровительном предприятии в г. Владивостоке относит следующие:

- географическое соседство: многие дальневосточные регионы России имеют прямую границу с Китаем, что способствует более тесному экономическому и культурному межстрановому сотрудничеству на региональном уровне;

- интеграционные процессы: существование многосторонних и двусторонних соглашений (ШОС и АТЭС) укрепляет экономические связи между Россией и Китаем и создает благоприятные условия для развития предпринимательства, в том числе социального;

- экономические инициативы: специальные экономические зоны, территории опережающего развития и портово-логистические комплексы в дальневосточных регионах привлекают инвестиции и технологии, что может способствовать развитию социального бизнеса с участием китайских партнеров;

- демографические и социальные проблемы: дальневосточные регионы России характеризуются высоким уровнем эмиграции и сокращением населения. Социальное предпринимательство может стать одним из инструментов решения этих проблем, создавая рабочие места и повышая качество жизни местного населения;

- развитие инфраструктуры: строительство транспортных коридоров, в том числе железнодорожных магистралей и автодорог, связывающих Китай с российскими портами на Тихом океане, открытие большого количества авиамаршрутов из региональных центров Дальнего Востока во многие города КНР;

- культурный обмен: рост туризма и обмена культурным опытом между Россией и Китаем может стимулировать такие сферы социального бизнеса, как образовательные и культурные инициативы;

- низкий уровень доступности к высокотехнологичному лечению сердечно-сосудистой, опорно-двигательной систем человеческого организма, онкологических заболеваний, а также организации рекреационно-оздоровительного летнего отдыха в дальневосточных регионах;

- эффективный менеджмент организации приема, лечения, отдыха, экскурсионного и гостинично-ресторанного обслуживания жителей дальневосточных регионов в морских курортно-оздоровительных комплексах КНР при невысоких ценах по сравнению с южными районами России.

К сожалению, прошедший период пандемии при значительном ограничении выездных зарубежных лечебно-оздоровительных услуг, а также новые ограничения, обусловленные санкциями к России со стороны многих стран, в том числе Юго-Восточной Азии, существенным образом повлияли и будут влиять на

динамику развития и географическую структуру международного социального предпринимательства в дальневосточных регионах. Ожидаемым следствием этого процесса в последнее время стал возрастающий интерес предпринимательского сообщества КНР, а в перспективе и других стран в выходе на российский и, в частности, дальневосточный рынок с созданием здесь совместных предприятий различного профиля, что актуализировало проблему оценки и обеспечения их конкурентного потенциала относительно как национального, так и зарубежных рынков товаров, работ и услуг. При этом две страны, подписав целый ряд документов в 2018 г., укрепили правовую составляющую своего сотрудничества. В ряде таких документов: Соглашение о международном автомобильном сообщении; Меморандум о совершенствовании таможенного регулирования электронной торговли и о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области торговли услугами; План развития сельского хозяйства на российском Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, на северо-востоке Китая и т.д. Чтобы расширить всестороннее сотрудничество КНР и Россией, были сформированы новые институты: Российско-китайский региональный форум по торгово-экономическому сотрудничеству, Российско-китайский международный центр передачи технологий, Российско-китайский Союз инновационного развития традиционной китайской медицины, Деловой Совет Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР.

Заключение

Благодаря проводимой двумя странами политике в последние годы и особенно в 2022–2023 гг. устойчиво и высокими темпами развивается российско-китайское сотрудничество в ведущих отраслях экономики, науке, образовании и здравоохранении. На протяжении последних лет в условиях сохраняющегося в российских дальневосточных регионах неудовлетворённого спроса населения на качественные лечебно-оздоровительные услуги именно эта сфера сотрудничества приобретает высокую востребованность и адекватную динамику развития международного социального предпринимательства. Осознание взаимной выгоды в повышении результативности данного перспективного направления определяет теоретическую и практическую значимость обоснования новой парадигмы управления этим весьма специфичным и пока ещё малоизученным процессом.

Список источников

1. Кокушкина И.В. Совместное предпринимательство как фактор развития экономики субъектов Российской Федерации // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2010. № 3. С. 151–155.
2. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / под общ. ред. В.Н. Баранова, П.А. Дульнева, И.В. Бочарникова; Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2-е изд., испр. Москва, 2022. 210 с.
3. Число предприятий с участием иностранного капитала (включая микропредприятия). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42990> (дата обращения: 04.02.2024).

4. Елисеева М.В. Перспективы развития торгового сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии и Китаем // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 9. С. 33–40. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2022> (дата обращения: 06.02.2024).
5. Zanfanga P., Farber M., Bamford J. Decision making in 50^50 joint ventures // *Water Street partners*. 2020. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2020/11/13/decision-making-in-5050-joint-ventures/> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Деваева Е.И., Норин В.Г. Современные тенденции внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 1996. № 6. С. 45–55.
7. Деятельность совместных предприятий // Сайт Росстата: [сайт]. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/tab-opi2.htm (дата обращения: 08.02.2024).
8. В России на 40 % сократилось число компаний с иностранным участием // Официальный сайт Контур Фокус. URL: <https://kontur.ru/focus/news/7809> (дата обращения: 08.02.2024).
9. Китайский турпоток в Россию в 2019 году вырос на 12 %, в Москву и Петербург – на 23 % // Интерфакс. 11.02.2020. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/66492/> (дата обращения: 08.02.2024).
10. 2020 и 2021 объявлены годами научно-технического сотрудничества России и КНР // Русский мир. 24.12.2019. URL: <https://russkiymir.ru/news/266957/> (дата обращения: 08.02.2024).
11. Годы молодежных обменов расширили связи РФ и КНР в сферах образования, науки, культуры, спорта, туризма // Российская газета. 11.12.2015. URL: <https://rg.ru/2015/12/11/obmen.html> (дата обращения: 08.02.2024).

References

1. Kokushkina I.V. Joint entrepreneurship as a factor in the development of economic entities of the Russian Federation. *Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhova*. 2010; (3): 151–155.
2. Ukrainian crisis in the context of the transformation of the modern world order: ten-days of development, threats and challenges for Russia / Academy of Military Sciences, Research Center for National Security Problems; under the general editor V.N. Baranova, P.A. Dulneva, I.V. Vocharnikova. 2nd ed., Rev. Moscow; 2022. 210 p.
3. Number of enterprises involving foreign capital (including micro-property). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42990> (accessed date: 04.02.2024).
4. Eliseeva M.V. Prospects for the development of trade cooperation between Russia and the countries of Southeast Asia and China. *Society: politics, economy, law*. 2022; (9). 33–40. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2022> (accessed date: 06.02.2024) .
5. Zanfanga P., Farber M., Bamford J. Decision making in 50^50 joint ventures. *Water Street partners*. 2020. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2020/11/13/decision-making-in-5050-joint-ventures/> (accessed date: 08.02.2024).
6. Devaeva E.I., Norin V.G. Modern trends of foreign economic co-labor of the Far East. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 1996; (6): 45–55.
7. Activities of joint ventures. *Rosstat website: [website]*. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/tab-opi2.htm (accessed date: 08.02.2024).
8. In Russia, the number of companies with foreign participation has decreased by 40 %. *Con-tour Focus official website*. URL: <https://kontur.ru/focus/news/7809> (accessed date: 08.02.2024).

9. The Chinese tourist flow to Russia in 2019 increased by 12 %, to Moscow and St. Petersburg – by 23 %. *Interfax*. 11.02.2020. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/66492/> (accessed date: 08.02.2024).
10. 2020 and 2021 announced the years of nauchno-technical cooperation between Russia and the PRC. *Russian world*. 24.12.2019. URL: <https://ruskiymir.ru/news/266957/> (accessed date: 08.02.2024).
11. The years of youth exchanges have expanded relations between the Russian Federation and the PRC in the fields of education, science, culture, sports, tourism. *Rossiyskaya Gazeta*. 11.12.2015 URL: <https://rg.ru/2015/12/11/obmen.html> (accessed date: 08.02.2024).

Информация об авторе:

Ли Сяотао, преподаватель, Лоянский профессионально-технический институт, г. Лоян, КНР, 1615922017@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/039-051>

Дата поступления:
06.02.2024

Одобрена после рецензирования:
15.02.2024

Принята к публикации:
22.02.2024

Научная статья

УДК 338.242.2

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/052-074>

Стратегическое управление как основа деятельности региональных некоммерческих организаций: российский и зарубежный опыт

Арнаут Марина Николаевна

Купчик Артем Павлович

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

***Аннотация.** Некоммерческие организации представляют собой активно развивающиеся формы современного «третьего сектора» экономики. Они выступают связующим звеном между населением, бизнесом и властью в общем деле по решению насущных социальных проблем. При относительно глубокой степени изученности функционирования некоммерческих организаций в научном дискурсе недостаточно раскрытым остается аспект стратегического управления данных форм в региональном некоммерческом секторе. Авторами проведен анализ отечественной и зарубежной литературы, чтобы выявить ключевые подходы и модели стратегического управления в некоммерческом секторе, на основании которого сделан вывод о приоритетности учёта финансовых возможностей организации при разработке собственной стратегии развития. Рассмотрены различные аспекты стратегического управления, такие как разработка стратегии, управление ресурсами, оценка эффективности и управление эффективностью. Акцент в работе сделан на важности стратегического управления для достижения целей и устойчивости некоммерческих организаций. По итогам рассмотрения подходов к стратегическому управлению некоммерческими организациями в России, Канаде, Австралии и Нидерландах как стран с наиболее высокими показателями развития «третьего сектора» отмечено, что российские и зарубежные организации функционируют в условиях жесткой отраслевой конкуренции, однако российские некоммерческие организации полагаются в основном на государственную финансовую поддержку, в то время как за рубежом основной вклад в развитие организаций делают сами граждане при активном государственном стимулировании. По мнению авторов, качественное повышение финансового и, соответственно, стратегического успеха некоммерческих организаций требует от них планомерно диверсифицировать стратегии управления получения доходов и комбинировать передовые практики для достижения оптимального результата с учетом своих кадровых и технических возможностей.*

***Ключевые слова:** некоммерческие организации, стратегическое управление, стратегический анализ, диверсификация, финансовая стабильность, стратегии развития.*

***Для цитирования:** Арнаут М.Н., Купчик А.П. Стратегическое управление как основа деятельности региональных некоммерческих организаций: российский и зарубежный опыт // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 52–74. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/052-074>*

© Арнаут М.Н., 2024

© Купчик А.П., 2024

Original article

Strategic management as the basis of the activities of regional non-profit organizations: russian and foreign experience

Marina N. Arnaut

Artem P. Kupchik

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *Non-profit organizations are rapidly developing entities in the third sector of a country's economy. They act as a link between people, businesses, and government in the common cause of solving pressing social issues. Despite the relatively thorough degree of study of the functioning of non-profit organizations in scientific discourse, the aspect of strategic management of these entities in the regional non-profit sector has been disclosed insufficiently. The authors have analyzed Russian and foreign literature to single out key approaches and models of strategic management in the non-profit sector. It has been concluded that when developing a strategy for a non-profit organization, priority should be given to its financial capabilities. Various aspects of strategic management have been covered, such as strategy development, resource management, performance measurement and performance management. The article emphasizes the importance of strategic management for achieving the goals and sustainability of non-profit organizations. The study of approaches to the strategic management of non-profit organizations in Russia, Canada, Australia, and the Netherlands (countries with the highest development of the non-profit sector) has revealed that both Russian and foreign organizations operate in conditions of fierce industry competition, but Russian non-profit organizations rely mainly on state financing, whereas the main contribution to the development of foreign non-profits is made by citizens motivated by their governments through incentives. The authors have concluded that to qualitatively increase their financial and strategic success, non-profit organizations need to systematically diversify their revenue generation strategies and take advantage of the world's best practices to achieve optimal results, given their personnel and technical capabilities.*

Keywords: *non-profit organizations, strategic management, strategic analysis, diversification, financial stability, development strategies.*

For citation: *Arnaut M.N., Kupchik A.P. Strategic management as the basis of the activities of regional non-profit organizations: russian and foreign experience // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1 P. 52–74. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/052-074>*

Введение

На сегодняшний день в Российской Федерации активно развивается «третий сектор» экономики – некоммерческие организации (далее – НКО). Некоммерческий сектор объединяет власть, бизнес-сообщества и жителей в своей местности для решения актуальных социальных задач. Главная особенность НКО – поставка товаров и услуг, которые имеют социальное благо (социальное значение); они не имеют в качестве основной деятельности получение прибыли, а также не распределяют её между участниками [1]. Возрастает роль сопутствующих затрат и усилий, которые направляются на решение проблем, и возникает потребность в стратегическом управлении для НКО. Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, возможностями использования зарубежного и российского опыта стратегического управления для становления НКО финансово-устойчивыми организациями на рынке «третьего сектора». У НКО всегда много задач, но не всегда хватает ресурсов для их решения.

Цель исследования: выявить зарубежный и отечественный опыт, который можно применить к стратегическому управлению деятельностью региональных НКО.

Источниковая база данной работы представлена федеральным законодательством России и зарубежных стран, а также научными публикациями на тему НКО.

Основная часть

Некоммерческие организации – это одна из важнейших групп заинтересованных сторон для социально ответственного бизнеса и власти. В современном мире перед обществом в целом и каждым его субъектом в отдельности ставятся всё усложняющиеся задачи, которые можно решить только совместными усилиями. Осведомленность помогает властям, бизнесу и НКО понять, что они нужны друг другу.

Региональное развитие субъектов РФ на протяжении последних десятилетий существенно ограничивается комплексом социально-экономических факторов. В данной работе акцентируется внимание на социальном измерении стратегических проблем и выдвигается тезис о том, что интенсификация деятельности НКО в плане стратегического управления потенциально выступает механизмом по социально-экономическому развитию. Современные российские НКО отличаются многопрофильностью своих активностей, что оказывает мультипликативный эффект для их общественной пользы. Некоммерческие организации выступают связующим звеном между органами государственного управления и бизнес-структурами в деле построения стабильных и сильных институтов гражданского общества. Проведенная авторами оценка конфигурации социальной сферы показала, что стратегическое управление является одним из ключевых элементов успешной деятельности НКО, в том числе и региональных. Оно позволяет организациям определять свои цели и задачи, разрабатывать стратегию достижения этих целей, а также контролировать выполнение поставленных задач. Государственные меры по поддержке инициатив по большей мере носят краткосрочный характер, не задают существенного стимула для некоммерческих организаций на практике реализовывать свой управленческий потенциал.

Вопросом о том, как создать и развить некоммерческую организацию, задаются всё больше инициативных групп населения. Для стратегического управления некоммерческой организацией необходимо определить программу и стратегию. Сегодня значимыми вопросами для некоммерческих организаций являются выживание и устойчивость.

Начиная с 1990-х гг. XX в. специфика изменений в политической и экономической орбитах России объективно создала благоприятные условия для возникновения множества современных типов и форм юридических понятий. Не стала исключением для российской действительности и категория некоммерческих организаций. Понятие «некоммерческая организация» появилось на законодательном уровне только в 1991 г., когда в ст. 18 Основ гражданского законо-

дательства СССР от 31 мая 1991 г. было закреплено разделение на коммерческие и некоммерческие организации [2]. Особенность подобных некоммерческих организаций заключается в том, что они определяются российским законодательством как организации, не имеющие в качестве главной (приоритетной) цели и своей деятельности извлечение прибыли. Несомненно, сектор услуг составляет основу современной экономики государств, делающей качественные шаги вперед – в сторону развития и совершенствования экономической модели. Вместе с тем небезызвестным фактом является то, что коммерческие организации в своей основе не имеют возможности эффективно работать в тех сферах, в которых получить значительные финансовые результаты оказывается непосильной задачей. В первую очередь это относится к социальной, научной, духовной, образовательной, политической сферам. И тут для «замещения», а также для установления экономического «баланса» выступают некоммерческие организации. В своей основной массе они осуществляют деятельность в указанных сферах.

Деятельность НКО отличается многообразием. Они эффективно реализуют собственные программы, оказывая различного рода «социальные услуги» населению, вносят весомый вклад в решение экологических проблем, организуют серьезную работу по защите гражданских прав и свобод, являются предтечами социальных реабилитаций, организуют помощь инвалидам, детям-сиротам, беженцам, переселенцам, попавшим в крайне опасную ситуацию.

Сегодня также активно развиваются и совершенствуются такие типы некоммерческих организаций, которые осуществляют надзор и контроль за деятельностью государственных служб, институтов власти. Объективно это способствует развитию и многомерному укреплению организационных и функциональных основ формирующегося гражданского общества в России.

Известно, что некоммерческие организации представлены такими неотъемлемыми элементами современной рыночной экономики, как:

- а) товарные (товарно-сырьевые), валютные и фондовые биржи (при установлении соответствующей организационно-правовой формы);
- б) торгово-промышленные палаты;
- в) медицинские, образовательные учреждения;
- г) негосударственные пенсионные фонды.

Основываясь на ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] и положениях Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [1], можно выделить следующие формы НКО в России:

- 1) общественные организации (объединения);
- 2) религиозные организации (объединения);
- 3) государственные корпорации;
- 4) потребительские кооперативы;
- 5) ассоциации;
- 6) учреждения;
- 7) автономные некоммерческие организации;

- 8) фонды;
- 9) товарищества собственников недвижимости;
- 10) общины коренных малочисленных народов Российской Федерации;
- 11) казацкие общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

На рисунке 1 представлена доля указанных форм в некоммерческом секторе России.



Рис. 1. Формы некоммерческих организаций в России

Источник: сост. по [4].

Список организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц указан в статьях 116–123 Гражданского кодекса. Однако он не является полным, поскольку существенно увеличился за счет Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [5].

Помимо этого, федеральным законодательством по особым процедурам [1] могут предусматриваться и другие формы НКО, а именно:

- 1) товарищества собственников жилья;
- 2) территориальное общественное самоуправление;
- 3) благотворительные организации;
- 4) профсоюзы.

На рисунке 2 показана структура представителей НКО на конец 2021 г.



Рис. 2. Структура организационно-правовой формы зарегистрированных НКО за 2021 г.

Источник: сост. по [4].

Использование данных не позднее 2021 г. оправдано тем, что авторы исследования столкнулись с ограничениями в доступе к более свежим данным и с трудностями в их сборе, однако это вызвано тем, что исследование было проведено не так давно – основные выводы и результаты остаются актуальными и не изменились после 2021 г.

Важно отметить, что анализ исследований в области стратегического развития НКО должен быть комплексным и включать как отечественные, так и зарубежные работы (табл. 1). Это позволит получить более полное представление о существующих теоретических подходах и выявить общие тенденции и различия в исследованиях стратегического развития НКО в разных странах. Цель такого анализа заключается в выявлении ключевых идей, концепций и подходов, которые могут быть использованы для разработки стратегий и политик, способствующих стратегическому развитию НКО. Анализ также поможет идентифицировать пробелы и недостатки в существующих исследованиях и предложить направления для дальнейших исследований в данной области.

Рассмотрим приведённый теоретический анализ более подробно. Например, Г.А. Перфильев в диссертационном исследовании «Учет в некоммерческих организациях» говорит о том, что бухгалтерскому учету в некоммерческих организациях присущи свои особенности, так как они не имеют коммерческой цели и могут получать финансирование из различных источников. Основная цель бухгалтерского учета в некоммерческих организациях – обеспечить достоверность и прозрачность финансовой отчетности, а также соблюдение законодательства и стандартов бухгалтерского учета [6].

Таблица 1

**Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований
в области стратегического развития НКО**

№ п/п	Автор	Суть исследования
1	Г.А. Перфильев	Заключается в разработке системы построения форм бухгалтерской отчетности в некоммерческих организациях, позволяющей повысить их аналитические возможности и полезность для внешних пользователей
2	Н.В. Казакова	Заключается в обосновании необходимости применения моделей интерактивного маркетинга сферы услуг в управлении деятельностью НКО
3	М.К. Магомедов	Закключается в выстраивании рациональной системы управления текущим функционированием, перспективным и стратегическим социальным развитием на основе индивидуальности и единства всех видов управления
4	О.В. Ивкова	Закключается в определении допустимого объема предпринимательской деятельности некоммерческих организаций на основе комплексного критерия и стратегического управления
5	А.А. Додонова	Закключается в разграничении процессов управления в некоммерческих организациях от аналогичных процессов в коммерческих компаниях
6	К.Е. Косыгина	Закключается в совершенствовании инструментов некоммерческого сектора региона через активизацию социального партнерства и центров инфраструктурной поддержки организаций некоммерческого сектора на местном уровне
7	Odhiambo Roy Ahawo	Закключается в определении влияния инноваций на эффективность и производительность некоммерческих организаций
8	Rixing Lin	Закключается в определении баланса между экономическими, социальными и экологическими аспектами в социальных предприятиях
9	Sarah Use	Закключается в оценке эффективности по уровню опытности сотрудников и волонтеров, миссии, физиологическому состоянию и убеждениям
10	Iris-Panagiota Efthymiou	Закключается в разработке рекомендаций по инновационным подходам, уделяющим приоритетное внимание сотрудничеству, прозрачности и адаптивности в некоммерческом секторе

Источник: сост. автором по [6–11, 13, 15, 16, 18].

Формирование отчетности в некоммерческих организациях включает составление бухгалтерского баланса, отчета о финансовых результатах, отчета о движении денежных средств и других финансовых отчетов. Важно учитывать все доходы и расходы, включая гранты, пожертвования, зарплаты, аренду и прочие операционные расходы. Основные принципы бухгалтерского учета в некоммерческих организациях: сохранение непрерывности, осторожности, достоверности и раскрытия информации. Важно также отметить, что на основе правильной отчетности можно принимать управленческие решения, которые смогут превратить НКО

в финансово-устойчивую организацию и повысить доверие горожан из-за прозрачности использования бюджетных средств [6].

Н.В. Казакова в работе «Маркетинговая деятельность некоммерческих благотворительных организаций» отмечает, что маркетинг имеет свои особенности, целью которых является привлечение внимания, поддержка и финансирование благотворительных проектов и программ. Основные задачи маркетинговой деятельности в некоммерческом секторе включают: создание осведомленности и привлечение внимания к благотворительной организации и ее миссии; привлечение доноров, спонсоров и других источников финансирования для поддержки благотворительных проектов; установление партнерских отношений с другими организациями и компаниями для совместной реализации проектов и программ; развитие стратегии коммуникации с общественностью для создания позитивного имиджа организации и привлечения поддержки; анализ и изучение потребностей и предпочтений целевой аудитории для адаптации маркетинговых стратегий и повышения эффективности привлечения поддержки. Основные инструменты маркетинговой деятельности в некоммерческом секторе включают использование социальных сетей и цифрового маркетинга, организацию мероприятий и кампаний, создание контента и публичных выступлений, а также работу с СМИ. Важно также учитывать этические аспекты и сохранять прозрачность в маркетинговой деятельности, чтобы поддерживать доверие и лояльность у целевой аудитории, что позволит стратегически развивать организацию [7].

М.К. Магомедов в диссертационном исследовании «Управление развитием некоммерческих организаций социальной сферы» указывает на то, что стратегическое развитие включает в себя планирование, координацию и контроль деятельности организации для достижения ее социальных целей и миссии. Оно охватывает различные аспекты, такие как стратегическое планирование, управление ресурсами, развитие программ и проектов, управление персоналом и партнерствами, а также оценка и мониторинг результатов. Основные принципы управления развитием некоммерческих организаций социальной сферы включают: ориентацию на социальные цели и миссию организации, учет потребностей и интересов целевой аудитории, эффективное использование ресурсов и финансов, развитие партнерства и сотрудничества с другими организациями и заинтересованными сторонами, оценку и мониторинг результатов для обеспечения эффективности и достижения поставленных целей. Успешное управление развитием некоммерческих организаций социальной сферы требует учета специфики организации, анализа внешней среды, гибкости и адаптации к изменениям, а также способности мобилизовать ресурсы и поддержку со стороны широкой общественности [8].

О.В. Ивкова в своей работе «Участие некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности» рассматривает несколько преимуществ коммерческой деятельности для НКО. Во-первых, это может быть способом обеспечения финансовой устойчивости и увеличения доходов организации. Предпринимательская деятельность может помочь НКО получать дополнительные средства для реализации своих социальных целей. Во-вторых, участие в предпринимательской деятельности может способствовать развитию инноваций и новых

решений в социальной сфере. Некоммерческие организации могут использовать свои знания и опыт для создания новых продуктов или услуг, которые решают социальные проблемы или удовлетворяют потребности сообщества. Однако участие НКО в предпринимательской деятельности также может провоцировать определенные риски. Например, организация может столкнуться с конфликтом интересов между своими социальными целями и коммерческими интересами. Требуется умение балансировать между финансовой устойчивостью и сохранением своей некоммерческой природы [9].

А.А. Додонова в исследовании «Интеллектуальные ресурсы некоммерческих организаций как объект управления» говорит о том, что ключевыми аспектами управления интеллектуальными ресурсами являются создание и развитие знаний, защита интеллектуальной собственности, обмен знаниями и опытом, использование информационных технологий и постоянное обучение и развитие. Успешное управление интеллектуальными ресурсами позволяет некоммерческим организациям использовать свои знания и опыт для достижения социальных целей, развития инноваций и обеспечения долгосрочной устойчивости. Это также способствует созданию благоприятной среды для обмена знаниями и опытом с другими организациями и заинтересованными сторонами. Тем не менее управление интеллектуальными ресурсами сопряжено со сложностями, связанными с защитой интеллектуальной собственности, управлением информационными технологиями и сохранением конкурентоспособности. Поэтому важно принимать во внимание эти аспекты и разрабатывать стратегии и меры для эффективного управления интеллектуальными ресурсами в НКО [10].

К.Е. Косыгина в работе «Развитие некоммерческого сектора в экономике региона» отмечает то, что развитие некоммерческого сектора в экономике региона важно для создания благоприятной социальной среды, решения общественных проблем и повышения качества жизни населения. Некоммерческие организации, такие как благотворительные фонды, общественные объединения, социальные предприятия и другие, играют важную роль в предоставлении социальных услуг, поддержке уязвимых групп населения и развитии сообщества. Для развития некоммерческого сектора в экономике региона необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, важно создать благоприятную правовую и финансовую среду, которая будет способствовать деятельности НКО, через упрощение процедур регистрации и получения финансирования, а также предоставление налоговых льгот или других стимулов для развития некоммерческого сектора. Во-вторых, необходимо обеспечить доступ к ресурсам и информации, которые помогут НКО эффективно функционировать и развиваться, в том числе посредством предоставления доступа к образовательным программам, консультационным услугам и информационным системам, которые помогут организациям улучшить свои навыки и знания. В-третьих, важно развивать партнерство и сотрудничество между НКО, государственными органами, бизнесом и другими заинтересованными сторонами. Это позволит объединить ресурсы, опыт и экспертизу для решения сложных социальных проблем и достижения общих целей [11].

Кенийский исследователь И.П. Одиамбо в своей работе «Innovation and Performance of Non-Profit Organizations» пишет о том, что инновации могут оказывать положительное влияние на производительность НКО. Инновации могут представлять собой новые подходы к предоставлению услуг, использование новых технологий или разработку новых программ и проектов. Внедрение инноваций может помочь НКО улучшить эффективность своих операций, оптимизировать использование ресурсов и повысить качество предоставляемых услуг. Например, использование информационных технологий может помочь автоматизировать процессы и улучшить доступность услуг для населения. Однако важно отметить, что успешное внедрение инноваций в некоммерческом секторе требует не только наличия новых идей и технологий, но и готовности организаций к изменениям и адаптации к новым методам работы. Необходимо также учитывать социальные, экономические и культурные особенности конкретного региона, чтобы инновации были успешными и устойчивыми [12].

Шведский ученый Р. Лин в исследовании «Facilitating Organizational Learning in For-Profit Social Enterprises for Sustainability» подчеркивает, что фасилитация организационного обучения играет важную роль в развитии и успешной деятельности социальных предприятий. Она позволяет организациям осваивать новые знания, развивать навыки и адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям. Для эффективной фасилитации организационного обучения в социальных предприятиях необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, важно создать подходящую обучающую среду, которая будет способствовать обмену знаниями, взаимодействию и сотрудничеству между сотрудниками и заинтересованными сторонами. Во-вторых, необходимо разработать и реализовать подходящие программы обучения, которые будут соответствовать потребностям и целям организации. Это может включать использование различных методов и подходов, таких как тренинги, семинары, вебинары или менторство. В-третьих, важно создать систему оценки и мониторинга обучения, чтобы измерить его эффективность и влияние на организацию. Это позволит определить, какие знания и навыки были приобретены и как они могут быть применены в повседневной деятельности. Обучение позволяет организациям развиваться, адаптироваться к изменяющимся условиям и повышать свою эффективность в решении социальных проблем. Для успешной реализации организационного обучения необходимо учитывать особенности организации и разрабатывать подходящие стратегии и меры для обучения и оценки его результатов [13].

Американский исследователь С. Юз в работе «Self-Efficacy and Social Impact in Non-Profit Organizations» говорит о том, что самоэффективность относится к уверенности и способности индивидов и организаций влиять на свою среду и достигать своих целей. Социальное влияние, в свою очередь, подразумевает способность организаций влиять на мнения, поведение и отношения других людей и организаций. Самоэффективность и социальное влияние выступают важными факторами для успешной деятельности НКО. Они могут помочь организациям разрабатывать эффективные стратегии, привлекать поддержку и ресурсы, а также влиять на общественное мнение и поведение. Для успешной ре-

лизации самоэффективности и социального влияния в некоммерческом секторе необходимо учитывать особенности организаций и контекст, а также разрабатывать подходящие стратегии и меры для измерения и повышения этих факторов. Важно также обеспечить поддержку и ресурсы, которые помогут организациям развить свою самоэффективность и социальное влияние. Они могут помочь организациям достигать своих целей, влиять на общественное мнение и поведение, а также привлекать поддержку и ресурсы. Для успешной реализации этих факторов необходимо учитывать особенности организаций и контекст, кроме того, разрабатывать подходящие стратегии и меры для их измерения и повышения [14].

Ученый И.-П. Эфтимеоу из Великобритании отмечает то, что развитие общего видения и миссии между заинтересованными сторонами, создание культуры сотрудничества и прозрачных каналов связи для обеспечения эффективной реализации стратегий развития важны. Кроме того, он подчеркивает значимость измерения влияния программ и услуг некоммерческих организаций, использование данных для принятия решений, первостепенную роль НКО в построении устойчивого и справедливого будущего, а также необходимость постоянного обучения, адаптации и инноваций для удовлетворения меняющихся потребностей сообществ. Исследователь призывает к коллективным действиям и сотрудничеству между заинтересованными сторонами для расширения прав и возможностей некоммерческих организаций и различного содействия социальному воздействию [15].

Исходя из вышеприведенного анализа можно сделать вывод о том, что в «третьем секторе» важно учитывать финансовые возможности организации при разработке стратегии развития НКО. Необходимо определить, сколько ресурсов требуется для реализации поставленных целей и какие источники финансирования можно использовать. Не следует забывать о возможности привлечения грантов и субсидий от государства или частных фондов.

Цель компании – превзойти других участников данного рынка по конкретным показателям эффективности в течение длительного периода времени. Наиболее важным условием, определяющим характер конкурентоспособности организации, являются характеристики ее внешней среды. Одна из характеристик в рыночной среде – наличие ресурсов, таких как капитал, технология, человеческие ресурсы и информация. По мнению В.А. Бариновой, конкурентоспособность состоит из двух основных частей: адаптивности и инноваций [16].

Адаптивность – это способность организации приспосабливаться к текущей ситуации, которую можно понимать как форму взаимоотношений между внешней средой и организацией, а также как процесс внутренней реструктуризации.

Инновационность – это способность оптимизировать и обновлять деятельность в соответствии с такими критериями, как темп, технологичность и минимизация затрат. Для развития НКО в России и за рубежом используются разные подходы и стратегии. При этом, сравнивая отечественный и зарубежный опыт развития НКО, необходимо обратить внимание на те страны, в которых деятельность некоммерческих организаций является развитой на достаточно высоком уровне. Выбранные для анализа зарубежные страны также объединяет фактор высокой социальной ответственности и участия в проводимых некоммерческими организациями благо-

творительных и социальных проектах. Важно отметить, что данное участие культивируется у населения при активной государственной поддержке.

Одним из ключевых этапов развития НКО в России стало принятие Федерального закона «Об общественных организациях» в 1996 г., который определил основные принципы деятельности НКО и их правовой статус.

Сегодня в России зарегистрировано более 200 тыс. НКО, которые занимаются различными видами деятельности. Кроме того, существует множество незарегистрированных организаций, которые также активно работают в социальной сфере. Среди наиболее известных российских НКО необходимо выделить следующие:

- фонд продовольствия «Русь»;
- благотворительный фонд «Дом с маяком»;
- благотворительный фонд помощи социально-незащищенным гражданам «Нужна помощь»;
- благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость»;
- благотворительный фонд помощи социально-незащищенным гражданам «Второе дыхание»;
- благотворительный фонд «География Добра»;
- благотворительный фонд помощи нуждающимся «Алеша».

В России некоммерческий сектор начал активно развиваться в 1990-х гг. после распада СССР. НКО стали играть важную роль в социальной и экономической жизни страны, занимаясь различными вопросами, связанными с образованием, культурой, здравоохранением, экологией и т.д.

Одним из ключевых элементов успешной стратегии развития НКО является анализ конкурентной среды. В рамках создания стратегии развития некоммерческой организации в России компаниям необходимо изучить рынок, выявить сильные и слабые стороны конкурентов, а также свои собственные возможности и ограничения. Это позволит разработать эффективную стратегию, которая будет способствовать достижению поставленных целей.

Основные принципы стратегического управления, которые используются как в российском, так и зарубежном опыте, включают определение миссии и целей организации, анализ внешней среды, разработку стратегии, ее реализацию и мониторинг и контроль выполнения задач.

Зарубежные НКО используют стратегическое управление для решения различных социальных задач, таких как снижение бедности, повышение доступности образования и здравоохранения, защита прав животных и др. Они разрабатывают стратегии, которые позволяют им эффективно использовать ресурсы и достигать поставленных целей. Стратегическое управление является неотъемлемой частью деятельности НКО во всем мире. Оно помогает организациям определять свои цели и задачи, разрабатывать стратегию достижения этих целей и контролировать выполнение поставленных задач. Зарубежный опыт показывает, что стратегическое управление становится все более популярным среди НКО. Например, Международная организация Civic Engagement Global Partnership

(CEGP) разработала методический документ по стратегическому планированию для НКО во всем мире. В этом документе описывается процесс разработки стратегии, ее основные этапы и инструменты.

Еще одним важным элементом стратегии развития НКО является определение целевой аудитории. Необходимо понимать, кто является потенциальным потребителем услуг или продукции организации, какие потребности у них есть и как можно удовлетворить эти потребности. Это поможет сформировать уникальное предложение, которое будет привлекать новых клиентов и удерживать старых.

Рассмотрим зарубежные и отечественные стратегии развития более подробно. Для анализа были выбраны четыре страны с наиболее высокими показателями по развитию НКО: Россия, Канада, Австралия и Нидерланды [17]. Организации, рассматриваемые в рамках проводимого анализа, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Формирование стратегии развития НКО: отечественный и зарубежный практический опыт

Страна	Организации	Особенности формирования стратегии развития
Россия	Фонд продовольствия «Русь»; благотворительный фонд «Дом с маяком»; благотворительный фонд «Нужна помощь»; благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость» и т.д.	Стратегическое развитие достигается за счет использования современных маркетинговых инструментов, помогающих продвигать деятельность НКО и привлекать к ней большое количество людей. Ключевыми элементами успешной стратегии развития НКО являются: анализ конкурентной среды, определение целевой аудитории, эффективное распределение текущих финансовых возможностей и активное привлечение новых. Некоторые организации применяют зарубежный опыт, являясь поставщиками товаров
Канада	Transparent Hands (Открытые руки); Kickstarter; CauseVox; Indiegogo; GoFundMe	НКО Канады активно вовлекают в участие небогатых людей, а также являются производителями товаров и услуг, обеспечивают работой граждан страны. Сектор НКО развит достаточно широко: стимулируется и увеличивается совокупный спрос и совокупное предложение. Стратегическое развитие помогает улучшать качество услуг НКО. Неправительственные организации в стране преобладают, при этом организуется эффективное взаимодействие на всех уровнях: государственном, социальном и экономическом. Стратегическое развитие достигается за счет постоянного улучшения качества услуг и товаров

Страна	Организации	Особенности формирования стратегии развития
Австралия	Child and Family Focus SA (CASA); Association of Children's Welfare Agencies (ACWA); Young Life Australia; ChildFund Australia; Habitat for Humanity	В благотворительных и социально-значимых проектах активно участвуют граждане. Более 60 % населения страны делают пожертвования неправительственным организациям, что является примером высокой гражданской сознательности и активности. Активное социальное участие в благотворительных и социальных проектах дает возможность для развития НКО в стратегическом управлении. Активно применяется государственное стимулирование филантропии и партнерский подход к развитию
Нидерланды	Oxfam Novib; Save the Children; Greenpeace; Amnesty International	Применение современных платформ для привлечения инвестиций в благотворительные организации позволяет совершенствовать социальные и благотворительные проекты, а также открывать новые. Здесь действует платформа, позволяющая объединяться людям, имеющим схожие подходы к решению социально-значимых проблем, и привлекать инвестиции от частных лиц и компаний, желающих вложиться в благотворительные и социальные проекты

Источник: сост. автором.

Россия. Фонд продовольствия «Русь» – это благотворительная организация, основанная в 2003 г., которая занимается сбором и распределением продуктов питания бедным и нуждающимся людям по всей России. Фонд «Русь» работает на некоммерческих началах и полностью зависит от пожертвований и добровольных взносов людей, которые желают помочь тем, кто нуждается в помощи. Организация активно сотрудничает со множеством партнеров и спонсоров, которые помогают ей собирать продукты питания и доставлять их нуждающимся людям. Основной целью фонда «Русь» является обеспечение бедных и нуждающихся людей продуктами питания и помощь им выжить в трудные времена. Организация работает по всей России и имеет множество партнеров и волонтеров, которые помогают ей доставлять продукты туда, где они действительно нужны. Фонд «Русь» проводит множество благотворительных акций и мероприятий, которые позволяют ему собирать продукты питания и деньги на помощь нуждающимся людям. Организация также активно работает над привлечением новых волонтеров и спонсоров, которые могут помочь ей в благородном деле¹.

Благотворительный фонд «Дом с маяком» – это организация, которая помогает людям с ограниченными возможностями, а также детям-сиротам и мало-

¹ Благотворительный фонд «Банк еды «Русь»: [сайт]. URL: <https://foodbankrus.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

обеспеченным семьям. Основная цель фонда – создание условий для полноценной жизни и реабилитации таких людей, оказание психологической и медицинской поддержки. Фонд проводит различные мероприятия, такие как благотворительные концерты, ярмарки, аукционы, сбор средств на медицинские услуги и реабилитацию. «Дом с маяком» также оказывает помощь в организации работы специализированных центров для людей с ограниченными возможностями и организует реабилитационные программы для детей².

Благотворительный фонд помощи социально-незащищенным гражданам «Нужна помощь» – это организация, которая оказывает помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации из-за болезни, бедности, беженства, насилия и других причин. Основная цель деятельности фонда – помощь тем, у кого нет возможности самостоятельно справиться с проблемами. Фонд оказывает разнообразную помощь: от оказания психологической поддержки до предоставления необходимых вещей и продуктов питания. Для реализации проектов фонд проводит различные мероприятия – благотворительные концерты, ярмарки, лекции и другие. Организация также проводит сбор средств на реабилитацию и лечение тех, кто остался без помощи и поддержки³.

Фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость» основан для поддержки людей старшего возраста и людей с ограниченными возможностями. Цель фонда – сделать жизнь таких людей более комфортной, а также предоставить им всю необходимую помощь и поддержку. Фонд «Старость в радость» оказывает различные виды поддержки, включая организацию доставки продуктов и лекарств, сопровождение на медицинские процедуры и приемы, предоставление услуг по уходу за пожилыми людьми и инвалидами. Основные мероприятия фонда включают сбор средств на улучшение условий жизни пожилых людей и людей с ограниченными возможностями, проведение благотворительных концертов, ярмарок и аукционов, организацию встреч и мероприятий для поддержки и общения с людьми, нуждающимися в помощи⁴.

Благотворительный фонд «Второе дыхание» был создан для оказания помощи детям-сиротам, детям из малообеспеченных семей и тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Основная цель фонда – улучшение жизни детей и подростков, помощь им в получении образования и поддержка в решении социальных проблем. Фонд «Второе дыхание» оказывает разнообразную помощь, включая организацию культурных мероприятий для детей, обеспечение детских домов и школ необходимыми материалами и оборудованием, а также финансовую поддержку в лечении и реабилитации больных детей⁵.

² Детский хоспис «Дом с маяком»: [сайт]. URL: <https://mayak.help> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Благотворительный фонд «Нужна помощь»: [сайт]. URL: <https://nuzhnapomosh.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

⁴ Благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость»: [сайт]. URL: <https://starikam.org> (дата обращения: 03.12.2023).

⁵ Благотворительный фонд «Второе дыхание»: [сайт]. URL: <https://vtoroe.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

Благотворительный фонд «География Добра» был создан с целью поддержки групп населения, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах. Фонд предоставляет финансовую, моральную и практическую поддержку тем, кто оказался в трудной ситуации. Фонд «География Добра» проводит множество разнообразных мероприятий, направленных на сбор средств и привлечение внимания к проблемам бедности, бездомности, болезни и другим проблемам, которые затрагивают общество. Кроме того, фонд «География Добра» оказывает помощь детям-сиротам, сиротам войны, детям из многодетных или малообеспеченных семей, а также людям, страдающим от различных болезней⁶.

Благотворительный фонд помощи нуждающимся «Алеша» был создан в 2009 г.; на протяжении многих лет он оказывает помощь людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Основная задача фонда – помочь людям, которые столкнулись с различными проблемами, от бедности до болезней. Фонд «Алеша» помогает людям в различных сферах жизни: оказывает материальную и моральную помощь семьям, где один из родителей является инвалидом, помогает пенсионерам, которые не могут позволить себе купить медикаменты, проводит акции по сбору одежды для нуждающихся, принимает участие в сборе средств на лечение тяжелобольных детей и других нуждающихся людей. Мероприятия, проводимые фондом: благотворительные концерты, ярмарки, аукционы, благотворительные марафоны и другие подобные активности, направленные на привлечение внимания к проблемам, связанным с бедностью, болезнями, бездомностью и прочими социальными проблемами⁷.

Канада. Transparent Hands финансирует лечение и операции для бедных пациентов. С помощью краудфандинга от добровольных доноров многим людям была оказана медицинская помощь. Чтобы обеспечить полную прозрачность, Transparent Hands загружает все документы с успешными историями пациентов, чтобы доноры могли видеть, что их деньги потрачены на правое дело. Миссия фонда – стремиться предоставлять бесплатные операции тем, кто не может это себе позволить.

Transparent Hands решает эту важнейшую проблему с помощью сбора средств через свою уникальную краудфандинговую платформу. Она зарегистрирована в США и освобождена от уплаты налогов. Удобный онлайн-сбор средств работает следующим образом: благотворитель выбирает пациента, операцию которого хочет профинансировать, и способ оплаты. Он жертвует конкретному пациенту и получает освобождение от налогов, а также регулярные обновления информации об этом пациенте до тех пор, пока он полностью не выздоровеет. Организация загружает все больничные счета и другие документы их пациента после успешного проведения операции. Донор может увидеть точную сумму, которую больница взимает с операции этого пациента [18].

⁶ Благотворительный фонд «География Добра»: [сайт]. URL: <https://geografiyadobra.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

⁷ Благотворительный фонд «Алеша»: [сайт]. URL: <https://aleshafond.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

Kickstarter – это глобальное сообщество, построенное вокруг творчества и креативных проектов. Проект был запущен 28 апреля 2009 г. Более 10 млн человек со всех континентов земли поддержали различные проекты на Kickstarter. Некоторые из этих проектов принадлежат таким влиятельным художникам, как De La Soul, Марина Абрамович. В 2015 г. Kickstarter был реорганизован в благотворительную корпорацию⁸. Благотворительные корпорации – это коммерческие компании, которые обязаны учитывать влияние своих решений на общество, а не только на акционеров. Тем самым позитивное воздействие на общество становится частью юридически определенных целей благотворительной корпорации.

CauseVox – это платформа по сбору средств, управляемая сообществом, которой доверяют тысячи команд по сбору средств в некоммерческих организациях, чтобы помочь им активизировать своих сторонников, привлечь новых доноров и собрать больше средств онлайн. Прежде чем основать CauseVox, создатели работали волонтерами в некоммерческих организациях над разнообразными проектами – от внедрения систем до маркетинговых проектов для НКО в ЮАР, Уганде и Индии. С момента создания CauseVox помогла десяткам тысяч людей собрать средства онлайн, обслуживая тысячи некоммерческих организаций каждый год. В настоящее время цель платформы – помогать процветать хорошим делам⁹.

Indiegogo находится на четвертом месте в списке пяти лучших неправительственных организаций Канады. Миллионы людей по всему миру посещают Indiegogo, чтобы найти умные и нетрадиционные способы, которые решают большие и малые повседневные проблемы. Предоставляя предпринимателям во всем мире платформу для запуска новых и новаторских продуктов, Indiegogo помогает внедрять инновации в области технологий, дизайна и многого другого, прежде чем они станут мейнстримом. Сообщество Indiegogo, основанное в 2008 г., помогло воплотить в жизнь более 800 тыс. инновационных идей. Сегодня их группа сторонников насчитывает более 9 млн человек, представляющих 235 стран и территорий¹⁰.

GoFundMe, функционирующая с 2010 г., является крупнейшей в мире социальной платформой по сбору средств; на данный момент собрано более 5 млрд долл. благодаря сообществу, насчитывающему более 50 млн доноров¹¹. Каждый день тысячи людей получают необходимую им помощь от щедрых доноров. Команда специалистов работает день и ночь, чтобы убедиться в том, что средства каждый раз попадают к предполагаемому получателю.

Австралия. Child and Family Focus SA (CASA) – основной руководящий орган для некоммерческих организаций, которые предоставляют различные формы ухода на дому (включая приемную семью и интернатный уход), поддержку семьи и другие услуги по защите детей. НКО представляют собой малые, средние и крупные организации общественного обслуживания, разбросанные по всей Южной Австралии в мегаполисах и сельской местности, и действуют в интере-

⁸ Kickstarter: [сайт]. URL: <https://www.kickstarter.com/> (дата обращения: 03.12.23).

⁹ CauseVox: [сайт]. URL: <https://www.causevox.com/> (дата обращения: 03.12.23).

¹⁰ Indiegogo: [сайт]. URL: <https://www.indiegogo.com> (дата обращения: 03.12.23).

¹¹ GoFundMe: [сайт]. URL: <https://www.gofundme.com/> (дата обращения: 03.12.23).

сах детей, молодежи и их семей. Это достигается с помощью информационно-пропагандистской работы [19].

Association of Children's Welfare Agencies (ACWA) уже более 50 лет представляет голос неправительственных организаций общественного обслуживания Нового Южного Уэльса, которые предоставляют услуги уязвимым детям, молодежи и их семьям. ACWA была основана в 1958 г. с целью поддержки неправительственных учреждений и повышения качества услуг детям и молодежи, которые живут вдали от своих семей¹².

Young Life Australia (YLA) – это одновременно сообщество жертвователей-единомышленников и благотворительная организация. YLA специализируется на поддержке молодежи, в том числе «трудных» подростков. В Young Life работает команда специалистов на местах и волонтеров, преданных делу лидеров молодежных групп; все они прошли отбор, обеспечены ресурсами и прошли подготовку в области лидерства, консультирования и наставничества, ориентированного на молодежь. Значительное число лидеров YLA занимают руководящие позиции в местном школьном самоуправлении¹³.

ChildFund Australia (CFA) – это независимая и нерелигиозная международная организация по развитию, которая работает над сокращением бедности среди детей во многих, наиболее неблагополучных общинах мира. CFA является членом альянса ChildFund Alliance – одного из старейших и наиболее опытных агентств в мире по развитию, ориентированных на детей. Располагая глобальной сетью из 11 организаций, ChildFund Alliance оказывает помощь более чем 14 млн детей и семей более чем в 60 странах¹⁴.

Habitat for Humanity является частью Habitat for Humanity International, международной некоммерческой организации, основанной в американском штате Джорджия в 1976 г.; входит в список 5 лучших неправительственных организаций Австралии. Habitat for Humanity начиналась как массовая инициатива. С тех пор организация выросла и стала ведущей глобальной некоммерческой организацией, работающей более чем в 70 странах. Во всем мире НКО помогла примерно 13,2 млн человек получить безопасное и достойное жилье, а также стабильность и независимость для построения лучшей жизни¹⁵.

В Австралии существуют специальные положения штатов, которые имеют приоритет над федеральным законодательством. Например, Австралийская столичная территория регулируется Законом о корпорациях 1991 г., Новый Южный Уэльс – Законом об ассоциациях 2009 г., Южная Австралия – Законом об ассоциациях 1985 г., Западная Австралия – Законом об ассоциациях 2015 г., а на федеральном уровне принят Закон о некоммерческих организациях 2012 г. [20].

¹² Association of Children's Welfare Agencies: [сайт]. URL: <https://acwa.asn.au> (дата обращения: 03.12.23).

¹³ Young Life Australia: [сайт]. URL: <https://younglife.org.au> (дата обращения: 03.12.23).

¹⁴ ChildFund Australia: [сайт]. URL: <https://www.childfund.org.au/> (дата обращения: 03.12.23).

¹⁵ Habitat for Humanity: [сайт]. URL: <https://www.habitat.org/emea> (дата обращения: 03.12.23).

В Австралии с 2008 г. применяются следующие критерии по оценке деятельности НКО от 1 до 6 баллов, которые представлены в табл. 3.

Таблица 3

Критерии для аккредитации НКО AusAID

Рейтинг критериев	Пояснение
Актуальность	Степень значимости деятельности НКО для местного сообщества
Эффективность	Влияние операционной деятельности НКО на экономическую эффективность организации
Устойчивое развитие	Формирование долгосрочной системы социальной поддержки при помощи краудфандинга, СМИ и диверсификации источников финансирования
Мониторинг и оценка	Позитивные изменения от деятельности НКО в ретроспективе
Гендерное равенство	Степень представленности гендерных и уязвимых групп в организационной структуре НКО

Источник: сост. автором по [19].

Нидерланды. Здесь можно отметить две организации, занимающие ведущие позиции в социальном бизнесе и некоммерческих проектах.

Rapogama – платформа, рассчитанная на три разные целевые группы. Начинающий социальный предприниматель получит помощь в поиске предполагаемых бенефициаров и описании социальной проблемы, с которой он сталкивается. Затем платформа поможет определить возможность решения этой проблемы и разработать социальную бизнес-модель. Платформа предоставляет доступ к команде опытных наставников, которые будут сопровождать предпринимателя на протяжении всего пути. Более того, он может пригласить своих сторонников и экспертов из своей области ознакомиться с бизнес-моделью и прокомментировать ее по мере изучения. Для действующего социального предпринимателя, который хочет привлечь финансирование для запуска, есть возможность использовать эту платформу, чтобы четко изложить свою бизнес-модель и получить отзывы от опытных инвесторов о том, как улучшить кампанию по сбору средств. Более того, через регулярные промежутки времени команда будет выявлять панорамы социальных бизнес-моделей с наибольшим потенциалом и представлять их инвесторам¹⁶.

Компания Presencing Institute – это организация, которая обеспечивает руководство школами по модели U и другими инициативами, поддерживающими изменение систем, основанных на осознанности. Presencing Institute был создан в 2006 г. старшим преподавателем Школы менеджмента Массачусетского технологического института О. Шармером и его коллегами в качестве исследовательской платформы на стыке науки, сознания и глубоких социальных и организа-

¹⁶ International Panorama Council: [сайт]. URL: <https://panoramacouncil.org> (дата обращения: 03.12.23).

ционных изменений. За последние два десятилетия Институт разработал Теорию U как основу для изменений и набор методологий, которые использовались тысячами организаций и сообществ по всему миру для решения самых насущных глобальных проблем: изменение климата, продовольственные системы, неравенство и изоляция, финансы, здравоохранение и образование¹⁷.

Заключение

Таким образом, каждая страна использует собственные стратегии управления и развития НКО. Если в России значительная часть организаций финансируется за счет государства, то за рубежом большой вклад в развитие НКО оказывают сами граждане при активном стимулировании со стороны государства. В России основной акцент делается на выживании в условиях конкуренции, что является, с одной стороны, эффективной стратегией для организаций, умеющих своевременно применять современные инструменты продвижения. С другой стороны, важно обеспечить большее участие граждан в социально-значимых проектах, культивируя благотворительность в стране. НКО также могут являться поставщиками товаров, вырученные средства от реализации которых будут вкладываться в развитие и помощь нуждающимся слоям населения. Стоит отметить, что стратегическое управление и развитие НКО в стране нарастают в результате борьбы за государственную поддержку (получение грантов и финансирования). Это способствует финансированию только значимых проектов с потенциально хорошей отдачей, а также повышает конкуренцию, стимулируя НКО разрабатывать эффективные программы социальной поддержки.

Важно отметить, что зарубежный опыт развития НКО можно применять в условиях стратегического управления среди российских некоммерческих организаций. В частности, эффективным способом развития будет создание платформ, объединяющих некоммерческие организации и инвесторов, а также людей, желающих изменить мир к лучшему за счет организации НКО. Использование стратегического управления в региональной некоммерческой организации позволяет ей эффективно использовать ресурсы и достигать поставленных целей, способствует укреплению доверия и поддержке со стороны жителей региона. Однако стратегическое управление предполагает сотрудничество с другими организациями и государственными структурами, а также высокий уровень ответственности перед обществом и государством. Следовательно, стратегическое управление является ключевым элементом успешной деятельности региональных некоммерческих организаций, но его использование требует учета особенностей каждой организации и ее роли в решении социальных проблем.

Список источников

1. О некоммерческих организациях: Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 1995 г. // Консуль-

¹⁷ Presencing Institute: [сайт]. URL: <https://presencinginstitute.org> (дата обращения: 03.12.23).

- тантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 03.12.2021).
2. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утвержден ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1: в редакции от 26 ноября 2001 г.: утратил силу от 1 января 2008 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972 (дата обращения: 03.12.23).
 3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: текст с изменениями и дополнениями на 16 мая 2023 г.: принят Государственной думой 21 октября 1994 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a585d0351c74adc4c9878b6019d704cdd9d3699/?ysclid=lemcp48zvs345831499 (дата обращения: 15.02.23).
 4. Обзорный дашборд отрасли НКО // Центр инноваций социальной сферы «Атлас НКО»: [сайт]. URL: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=lfno7fjmt0971297063> (дата обращения: 03.12.2023).
 5. О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2006 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27 декабря 2006 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939 (дата обращения: 03.12.23).
 6. Перфильев Г.А. Учет в некоммерческих организациях: автореф. дис. ... д-ра псих. наук / Перфильев Григорий Александрович; Всероссийский заочный финансово-экономический институт. Москва, 2003. 32 с.
 7. Казакова Н.В. Маркетинговая деятельность некоммерческих благотворительных организаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Казакова Наталья Вячеславовна; Санкт-Петербургская государственная академия сервиса и экономики. Москва, 2003. 28 с.
 8. Магомедов М.К. Управление развитием некоммерческих организаций социальной сферы: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Магомедов Магомед Курбанович; Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический институт. Санкт-Петербург, 2003. 20 с.
 9. Ивкова О.В. Участие некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ивкова Ольга Вячеславовна; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2004. 24 с.
 10. Додонова А.А. Интеллектуальные ресурсы некоммерческих организаций как объект управления: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Додонова Анна Александровна; Государственный университет управления. Москва, 2009. 25 с.
 11. Косыгина К.Е. Развитие некоммерческого сектора в экономике региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Косыгина Ксения Евгеньевна; Вологодский научный центр Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2021. 18 с.
 12. Odhiambo I.P. Innovation and performance of nonprofit organizations: Thesis for Master of Science in entrepreneurship and innovations management / University of Nairobi. Nairobi, 2019. 68 p.
 13. Lin R., Gaziyevev M. Facilitating Organizational Learning in For-Profit Social Enterprises for Sustainability: Thesis for Master of Art with a major in leadership and organization / Malmö University. Malmö, 2019. 72 p.
 14. Use S. Self-Efficacy and Social Impact in Non-Profit Organizations: Thesis for Master of Communication / University of Louisiana at Lafayette. Lafayette, 2020. 81 p.

15. Efthymiou I.-P., Efthymiou T.-W. Building a Sustainable Future: Strategies for Empowering Non-Profit Organizations // *Advances in Sociology Research*. Vol. 41 / ed. by J.A. Jaworski. Hauppauge: Nova Science Publishers, 2023. P. 212–268.
16. Анализ факторов конкурентоспособности отечественных высокотехнологичных компаний / В.А. Барина, И.М. Бортник, С.П. Земцов [и др.] // *Инновации*. 2015. № 3 (197). С. 25–31.
17. CAF World Giving Index 2021 // Charities Aid Foundation: [сайт]. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2021/09/WGI2021.pdf> (дата обращения: 03.12.2023).
18. Presence: Human Purpose and the Field of the Future Paperback / P.M. Senge, C.O. Scharmer, J. Jaworski, B.S. Flowers. NY.: Presence, 2008. 304 p.
19. Joint AusAID and USAID Review of Support to Hamlin Fistula Ethiopia (Ethiopia): Final Report // USAID: [сайт]. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacx965.pdf (дата обращения: 03.12.23).
20. Nonprofit Law in Australia Report // International Center for Not-for-Profit Law: [сайт]. URL: <https://cof.org/sites/default/files/2023-02/Nonprofit-Law-in-Australia.pdf> (дата обращения: 03.12.2023).

References

1. On non-profit organizations: Federal Law of the Russian Federation of January 12, 1996 No. 7-FZ: adopted by the State. Dumoy Feder. Sobr. Grew up. Federation December 8, 1995. *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed date: 03.12.2021).
2. The basics of civil legislation of the USSR and the republics: approved by the USSR Armed Forces on May 31, 1991 No. 2211-1: as amended on November 26, 2001: expired on January 1, 2008. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_972 (accessed date: 03.12.23).
3. Civil Code of the Russian Federation. Part one: text with amendments and additions as of May 16, 2023: adopted by the State Duma on October 21, 1994. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a585d0351c74adc4c9878b6019d704cdd9d3699/?ysclid=lemcp48zvs345831499 (accessed date: 15.02.23).
4. Overview dashboard of the NPO industry. *Atlas NPO Social Innovation Center*: [site]. URL: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=lfno7fjmt0971297063> (accessed date: 03.12.2023).
5. On the procedure for the formation and use of the target capital of non-profit organizations: Federal Law of the Russian Federation of December 30, 2006 No. 275-FZ: adopted by the State. Dumoy Feder. Sobr. Grew up. Federations 22 December 2006; approved by the Federation Council Feder. Sobr. Grew up. Federation December 27, 2006. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939 (accessed date: 03.12.23).
6. Perfiliev G.A. Accounting in non-profit organizations: abstract dis.... doc. psycho. sciences / Perfiliev Grigory Alexandrovich; All-Russian Correspondence Financial and Economic Institute. Moscow; 2003. 32 p.
7. Kazakova N.V. Marketing activities of non-profit charitable organizations: abstract dis. ... cand. econ. sciences / Kazakova Natalya Vyacheslavovna; St. Petersburg State Academy of Service and Economics. Moscow; 2003. 28 p.
8. Magomedov M.K. Management of the development of non-profit organizations of the social sphere: autoreferat dis. ... cand. econ. sciences / Magomedov Magomed Kurbanovich; St. Petersburg State Trade and Economic Institute. St. Petersburg; 2003. 20 p.

9. Ivkova O.V. Participation of non-profit organizations in entrepreneurial activity: abstract dis. ... cand. jurid. sciences / Olga Vyacheslavovna Ivkova; St. Petersburg State University. St. Petersburg; 2004. 24 p.
10. Dodonova A.A. Intellectual resources of non-profit organizations as a management object: abstract dis. ... cand. econ. sciences / Anna Aleksandrovna Dodonova; State University of Management. Moscow; 2009. 25 p.
11. Kosygina K.E. Development of the non-profit sector in the economy of the region: abstract dis. ... cand. econ. sciences / Kosygina Ksenia Evgenievna; Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg; 2021. 18 p.
12. Odhiambo I.P. Innovation and performance of nonprofit organizations: Thesis for Master of Science in entrepreneurship and innovations management / University of Nairobi. Nairobi; 2019. 68 p.
13. Lin R., Gaziyeu M. Facilitating Organizational Learning in For-Profit Social Enterprises for Sustainability: Thesis for Master of Art with a major in leadership and organization / Malmö University. Malmö; 2019. 72 p.
14. Use S. Self-Efficacy and Social Impact in Non-Profit Organizations: Thesis for Master of Communication / University of Louisiana at Lafayette. Lafayette; 2020. 81 p.
15. Efthymiou I.-P., Efthymiou T.-W. Building a Sustainable Future: Strategies for Empowering Non-Profit Organizations. *Advances in Sociology Research*. Vol. 41 / ed. by J.A. Jaworski. Hauppauge: Nova Science Publishers; 2023. P. 212–268.
16. Analysis of competitiveness factors of domestic high-tech companies / V.A. Barinova, I.M. Bortnik, S.P. Zemtsov [et al.]. *Innovations*. 2015; 3 (197): 25–31.
17. CAF World Giving Index 2021. *Charities Aid Foundation*: [site]. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2021/09/WGI2021.pdf> (accessed date: 03.12.2023).
18. Presence: Human Purpose and the Field of the Future Paperback / P.M. Senge, C.O. Scharmer, J. Jaworski, B.S. Flowers. NY.: Presence; 2008. 304 p.
19. Joint AusAID and USAID Review of Support to Hamlin Fistula Ethiopia (Ethiopia): Final Report. *USAID*: [site]. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pdacx965.pdf (accessed date: 03.12.23).
20. Nonprofit Law in Australia Report. *International Center for Not-for-Profit Law*: [site]. URL: <https://cof.org/sites/default/files/2023-02/Nonprofit-Law-in-Australia.pdf> (accessed date: 03.12.2023).

Информация об авторах:

Арнаут Марина Николаевна, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Marina.Kulakova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3573-5766>

Купчик Артем Павлович, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Greeman37@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1420-0252>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/052-074>

Дата поступления:
24.01.2024

Одобрена после рецензирования:
06.02.2024

Принята к публикации:
20.02.2024

Научная статья
УДК 332.1:338.439.6
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/075-091>

Продовольственная региональная экономическая система Дальнего Востока в условиях новых внешних вызовов

Латкин Александр Павлович

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

Жуплей Ирина Викторовна

Приморский государственный аграрно-технологический университет
Уссурийск, Россия

Аннотация. В рамках статьи в теоретико-прикладном аспекте изучена проблематика продовольственной региональной системы Дальнего Востока Российской Федерации. Авторами введено понятие продовольственной региональной экономической системы (ПРЭС) и обоснована необходимость введения в экономическую теорию и практику данной дефиниции; акцентировано внимание на необходимости изучения вводимой экономической категории в условиях современных угроз и вызовов, присущих современному этапу развития национальной экономики России и ее регионов. Проанализирована динамика показателей развития продовольственной региональной экономической системы в разрезе ее социально-экономической составляющей и производственного базиса через призму угроз и вызовов в период 2014–2022 гг. На основании результатов этого анализа сделан аргументированный вывод о формировании отрицательных трендов по большей части социально-экономических инфраструктурных показателей ПРЭС макрорегиона. Ввиду влияния на результативность поставленных региональной экономической политикой задач рисков, присущих ПРЭС, авторами представлена классификация рисков продовольственной системы и предложено их оценивать опосредованно через систему показателей (коэффициент фактической обеспеченности продовольствием регионального происхождения с учетом рациональных норм питания (является авторским конструктом), интенсивность и направленность структурных сдвигов в ресурсах продовольствия). Анализ величин коэффициента фактической обеспеченности продовольствием, найденных авторами в целом для макрорегиона, а также для ряда субъектов Российской Федерации в его составе (для Амурской области, Приморского и Хабаровского краев), показал наличие проблемных зон практически по всем рассматриваемым продовольственным группам (мясо, молоко, овощи, фрукты и ягоды). Сделан общий вывод о том, что настоящее состояние ПРЭС Дальнего Востока имеет спектр проблемных зон, для которых велика вероятность возникновения рисков, в связи с чем государственным органам совместно с частным бизнесом необходимо осуществлять регулирующие воздействия.

Ключевые слова: Дальний Восток, продовольственная региональная экономическая система, продовольственная обеспеченность, инфраструктурные элементы пищевой цепи, рисковое поле, структурные деформации.

Для цитирования: Латкин А.П., Жуплей И.В. Продовольственная региональная экономическая система Дальнего Востока в условиях новых внешних вызовов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/075-091>

Original article

Food regional economic system of the Far East in the face of new external challenges

Alexander P. Latkin

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Irina V. Zhupley

Primorsky State Agrarian-Technological University
Ussuriysk, Russia

Abstract. *This article studies the problems of the food regional system of the Far East of the Russian Federation in the theoretical and applied aspect. The authors introduced the concept of food regional economic system (FRES) and substantiated the need to introduce this definition into economic theory and practice; they emphasized the need to study the introduced economic category in the context of modern threats and challenges inherent in the current stage of development of the national economy of Russia and its regions. The dynamics of the food regional economic system development indicators in the context of its socio-economic component and production base through the prism of threats and challenges in the period 2014–2022 was analyzed. Based on the results of this analysis, a reasoned conclusion is made about the formation of negative trends in most of the socio-economic infrastructure indicators of the macro-region's PRES. Due to the influence of risks inherent in the regional economic policy on the effectiveness of the tasks set by the regional economic policy, the authors present a classification of risks of the food system and propose to assess them indirectly through a system of indicators (the coefficient of actual food availability of regional origin with regard to rational nutrition standards (is the author's construct), the intensity and direction of structural shifts in food resources). The analysis of the values of the coefficient of actual food security found by the authors for the macro-region as a whole, as well as for a number of subjects of the Russian Federation within it (for Primorsky and Khabarovsk Krai and Amur Oblast), showed the presence of problem areas for almost all food groups under consideration (meat, milk, vegetables, fruits and berries). The general conclusion was made that the current state of the Far East food industry has a range of problem areas, for which there is a high probability of risks, in connection with which the state authorities together with private business need to exercise regulatory influence.*

Keywords: *Far East, food regional economic system, food security, infrastructural elements of the food chain, risk field, structural deformations.*

For citation: *Latkin A.P., Zhupley I.V. Food regional economic system of the Far East in the face of new external challenges // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1 P. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/075-091>*

Введение

Государственная политика социально-экономического развития государства и его регионов на современном этапе решает множество задач, обусловленных современной геополитической обстановкой, экономическими и политическими антироссийскими санкциями, участием Российской Федерации в специальной военной операции. Особое место среди них занимает задача продовольственной обеспеченности населения дальневосточных регионов с относительно низким природно-климатическим потенциалом эффективного развития сельскохозяйственного производства. Сложность ее успешного решения, по нашему мнению, заключается в том, что моноцелевая ориентация экономики территории на развитие секторов национального хозяйства с более высокой эффективностью (по сравнению с внерегиональными производствами) неизбежно приводит к струк-

турным деформациям как в социальной, так и производственной сферах; усилению межрегионального неравенства; расширению и углублению рискованного поля продовольственного снабжения проживающего на ней населения.

С учетом этого диверсификация региональной «продовольственной корзины», формируемой в том числе и за счет продуктов внутреннего происхождения, является важным фактором устойчивого к внешним угрозам и вызовам регионального развития. Ряд авторов обращают внимание на наличие обширного пространства периферии «без реальных шансов на преодоление отставания в экономическом развитии» вследствие значительной концентрации «производства и финансов в сравнительно небольшом перечне российских регионов» [1]. Таким образом, при формировании приоритетных направлений социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, направленных в том числе на снижение межрегионального неравенства, нельзя исключать из рассмотрения уровень региональной продуктово-производственной специализации, развитость транспортно-логистической, торгово-распределительной структур и состояние региональных продовольственных систем.

В данном исследовании объектом изучения является состояние продовольственной региональной экономической системы Дальнего Востока Российской Федерации, а предметом – организационно-экономические отношения и механизмы, направленные на ее формирование и устойчивое развитие при минимизации существующих рисков и угроз.

В этой связи следует апеллировать к советскому опыту хозяйствования на дальневосточных территориях, свидетельствующему о том, что отдельные подотрасли сельского хозяйства (например, плодоводство), в настоящее время практически уничтоженные или считающиеся стабильно убыточными (дотационными), в тот период показывали достаточную результативность и позволяли обеспечивать население свежими фруктами регионального происхождения. Следует также отметить, что стремление к экспортной моноориентации дальневосточной экономики (например, на рыболовстве и рыбоводстве, выращивании сои) инициирует расширение рискованного поля продовольственной региональной экономической системы, сопряженное со структурными деформациями социально-экономического развития макрорегиона, с углублением демографических проблем, негативными структурными сдвигами в производстве продукции сельского хозяйства, расширением ареала социальных проблем (безработица, снижение численности населения (особенно в сельской местности) и пр.).

Основная часть

Базовые условия формирования и функционирования продовольственных региональных экономических систем и продовольственной обеспеченности субъектов Российской Федерации различаются (порой существенно) по климатическим условиям, наличию природных, финансовых, трудовых ресурсов, развитию транспортной инфраструктуры, территориально-отраслевой специализации, степени концентрации частного бизнеса в инфраструктурных звеньях пищевой цепи и др. Этим обусловлена необходимость изучения именно регионального компонента экономических продовольственных систем.

В современной экономической литературе отсутствует строгая дефиниция термина «продовольственная региональная экономическая система». А.Н. Митин и Б.А. Воронин используют понятие «экономика продовольствия», понимая под ней «систему организаций, структур, логистических потоков, обеспечивающих производство и реализацию продовольствия для удовлетворения потребностей населения в продуктах питания» [2]. Н.А. Киреева применяет термин «продовольственная система» [3], выделяя в качестве ее основных элементов следующие: отечественное производство продуктов питания, формирующее предложение на внутреннем рынке; международную торговлю продовольствием; вывоз и ввоз капитала, технологий, связанных с агробизнесом; производственную, рыночную инфраструктуру; научные исследования и подготовку кадров; институты межнациональных торговых соглашений. А.К. Марков и Р.Г. Мумладзе сектор экономики, связанный с воспроизводством ресурсов продовольственного назначения, называют «системой продовольственного обеспечения» [4].

В настоящем исследовании авторы предлагают ввести понятие «продовольственная региональная экономическая система», объединяющее в себе ценность региональных экономических и продовольственных систем в следующей редакции: «Продовольственная региональная экономическая система (ПРЭС) – это функциональная подсистема региональной экономической системы, обладающая необходимой совокупностью ресурсов (природных, трудовых, производственных) для реализации задач продовольственной обеспеченности региона и содействующая повышению качества жизни населения». Полагаем, что в структуру продовольственной региональной экономической системы необходимо включить кроме производственного базиса (отвечающего за производство продовольствия – агропроизводственный и рыбопромышленный сектора экономики и пр.) транспортно-логистическую, торгово-распределительную составляющие; региональные отраслевые научно-исследовательские организации; высшие и средние профессиональные образовательные учреждения, готовящие кадры для региональной продовольственной системы.

В рамках данного исследования был выполнен анализ ПРЭС Дальнего Востока Российской Федерации в разрезе социально-экономической инфраструктурной составляющей пищевой цепи и ее производственного базиса в динамике за 2014–2022 гг. с фиксацией периодов нарастания угроз и вызовов российской экономике в целом и продовольственной системе макрорегиона в частности: 2014 г. – первая волна масштабных антироссийских санкций; 2018 г. – политика импортозамещения как ответ на санкционное давление; 2020 г. – расширение пандемии коронавируса; 2021 и 2022 гг. – углубление антироссийских санкций.

Как следует из табл. 1, большинство социально-экономических инфраструктурных показателей продовольственной региональной экономической системы Дальнего Востока Российской Федерации в течение анализируемого периода характеризуются отрицательными трендами.

Таблица 1

**Динамика показателей развития социально-экономической
(инфраструктурной) составляющей продовольственной региональной
экономической системы Дальнего Востока Российской Федерации**

Показатель	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г., % (раз), к 2014 г.
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	8283,9	8205,6	8009,9	7966,6	7903,9	95,4
Численность сельского населения, тыс. чел.	2286,02	2223,7	2130,6	2103,2	2078,7	90,9
Приведенный* ВРП в расчете на душу населения, тыс. руб.	438,8	356,4	312,2	331,7	314,6**	71,7
Численность работников сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, тыс. чел.	444,6	299,4	266,0	259,2	252,6	56,8
Приведенная* выручка сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, млрд руб.	240,0	154,1	120,3	151,5	130,3	54,3
Приведенные* инвестиции в основной капитал организаций продовольственной системы, млн руб.	13 377,2	16 306,7	25 659,5	23 430,9	27 398,6	В 2,05 раза
Индекс цен на продовольствие	1,142	1,044	1,066	1,092	1,123	98,3
Коэффициент соотношения «экспорт продовольствия / импорт продовольствия»	1,552	3,388	5,421	6,784	6,995	В 4,5 раза
Структура товарооборота розничной торговли пищевыми продуктами, %	49,7	51,1	53,6	51,8	52,9	106,4
Приведенный* оборот общественного питания, млн руб.	7124,3	6822,9	4938,9	5840,3	6292,7	88,3
Плотность железнодорожных путей на конец года (путей, км, на 10 000 км ² территории)	17	17	35	35	35	В 2,1 раза
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на конец года (путей, км, на 1000 км ² территории)	11,4	12	12	12	12	105,3

* – при норме дисконта 15,5 %;

** – данные расчетные.

Источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Так, в 2022 г. среднегодовая численность населения и численность сельского населения составили соответственно 95,4 и 90,9 % от уровня 2014 г.; приведенный валовой региональный продукт в расчете на душу населения уменьшился на 28,3 %, а оборот общественного питания сократился за период на 11,7 %.

К числу положительных тенденций данного периода следует отнести более чем двукратный рост инвестиций в ПРЭС, снижение на 1,7 % индекса цен на продовольствие и увеличение в 2,1 раза плотности железнодорожных путей. Значительно, в 4,5 раза (как адекватный ответ на санкции и развитие импортозамещающих производств пищевой цепи), возрос коэффициент соотношения «экспорт продовольствия / импорт продовольствия».

Производственным базисом ПРЭС Дальнего Востока являются сельскохозяйственное и рыбохозяйственное производства, которые в условиях кризисных явлений 2014–2022 гг. (несмотря на реализацию с 2018 г. программы импортозамещения) характеризуются снижением основных показателей (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика показателей развития производственного базиса
продовольственной региональной экономической системы
Дальнего Востока Российской Федерации**

Показатель	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение 2022 г. от 2014 г.	
						абсолютное (±), ед. изм.	отно- си- тель- ное, %
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	8,7	7,4	6,8	6,6	6,4	-2,3	X
Число организаций отрасли сельского хозяйства, ед.	8988	8269	7345	7014	4396	-4592,0	48,9
Число организаций отрасли рыболовства и рыбоводства, ед.	2889	2700	2636	2515	2433	-456,0	84,2
Среднегодовая численность работников отрасли рыболовства и рыбоводства, чел.	21 093	33 202	34 728	34 927	36 487	15 394,0	173,0
Посевная площадь, тыс. га	2124	2445	2155	2085	2191	67,0	103,2
Улов рыбы и добыча водных биоресурсов, тыс. т	3853	3613	3671	3686	3662	-191,0	95,0

Окончание табл. 2

Показатель	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение 2022 г. от 2014 г.	
						абсолютное (±), ед. изм.	относительное, %
Вклад Дальнего Востока в обеспечение рыбой России в целом, %	79	71	74	73	74	-5,0	X
Индекс объема производства, %:							
– продовольствие, всего	115,2	97,3	102,5	106,2	110,5	X	X
– зерновые культуры	150,5	109,7	107,7	122,2	111,8	X	X
– овощи	143,1	93,7	99,0	102,2	104,2	X	X
– бобы соевые	236,1	89,9	107,6	115,1	135,8	X	X
– молоко	96,6	98,2	99,2	100,3	98,4	X	X
– мясо	95,9	95,8	104,9	110,1	116,0	X	X
– рыба	95,7	93,8	101,6	100,4	99,4	X	X

Источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Так, доля занятых в сельскохозяйственном производстве макрорегиона имеет устойчивую тенденцию к снижению: от 8,7% в 2014 г. до 6,4% в 2022 г. На основании данного тренда, сопряженного с трендом сокращения численности сельского населения и увеличения занятых в рыболовстве и рыбоводстве, авторы могут сделать вывод о возможном углублении в ближайшей перспективе структурных проблем на Дальнем Востоке. Количество предприятий ПРЭС макрорегиона к концу периода сократилось, наиболее существенно для ее сельскохозяйственной составляющей (на 51%). Улов рыбы и добыча водных биоресурсов уменьшились на 5%.

Удельный вес макрорегиона в «рыбной корзине» страны в целом варьируется от 71 до 79%, что позволяет властным структурам декларировать тезис о сверхнормативной обеспеченности населения Дальнего Востока рыбной продукцией. По мнению авторов, ввиду высоких цен на морепродукты в субъектах Российской Федерации в составе макрорегиона, превышающих по ряду ассортиментных позиций среднероссийские показатели, региональная экономическая политика в части обеспечения макрорегиона морепродуктами (в первую очередь, рыбой) требует корректировки.

Важно обратить внимание на высокие индексы роста производства сои: в 2,4 раза в 2014 г., на 22,2 % в 2021 г., на 11,8 % в 2022 г. Постоянное увеличение производства сои объясняется ее экспортной ориентацией. Не умаляя значения роста объемов экспорта для экономики региона, авторы обращают внимание на структурные деформации в посевах при нарушении рациональных севооборотов и снижение плодородия сельскохозяйственных земель.

Достижение целевых ориентиров проводимой государством политики социально-экономического развития, в том числе и в части продовольственной обеспеченности, зависит от уровня влияния на продовольственную систему региона совокупности имманентных рисков продовольственной региональной экономической системы.

Представим авторскую классификацию рисков продовольственной системы, построенную на основе обобщения типологий рисков, сформированных разными авторами [5–7], и расширяющую приведенный в Доктрине продовольственной безопасности (в редакции 2020 г.) [8] состав рисков за счет включения институциональных, структурных и инвестиционных рисков (рис. 1).

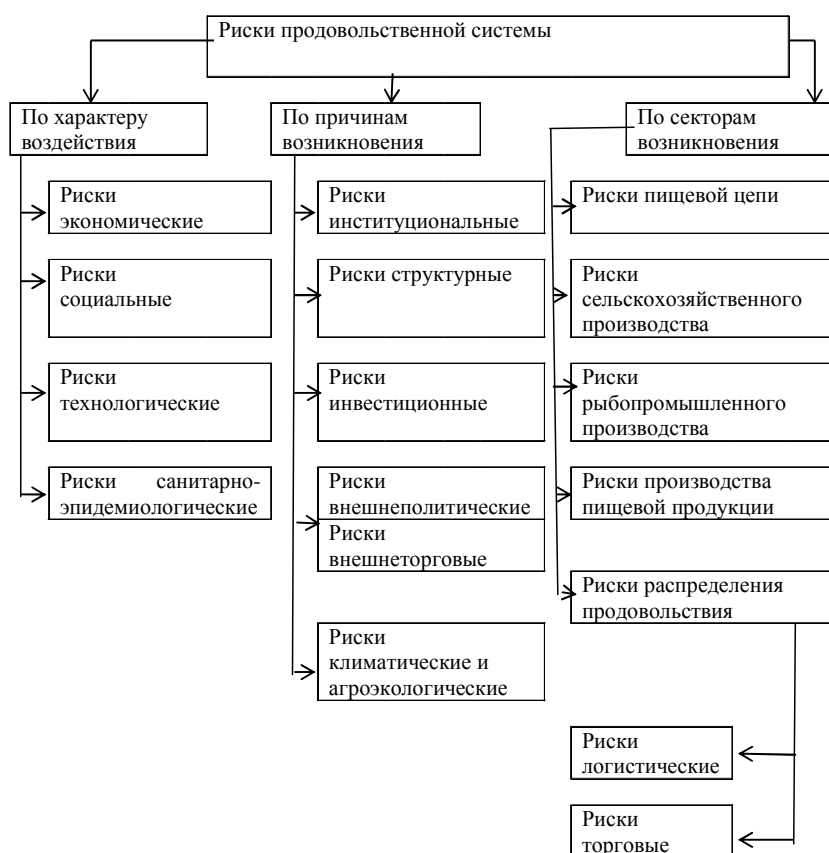


Рис. 1. Классификация рисков продовольственной региональной экономической системы

Примечание: сост. авторами.

Ввиду достаточно сложной процедуры прямого определения вероятности наступления рисков события авторы считают возможным опосредованное исследование рисков продовольственной системы с использованием следующих показателей:

1. Коэффициент фактической обеспеченности продовольствием регионального происхождения с учетом рациональных норм питания (конструкт авторов данной статьи):

$$K = \frac{Q}{N \cdot R_{\text{норма}}}, \quad (1)$$

где Q – объем выпуска продукции в регионе (в натуральных измерителях); N – численность населения региона; $R_{\text{норма}}$ – рациональная (рекомендуемая) норма потребления продукции. Критериальное значение показателя: $K \rightarrow 1$. Чем ближе величина коэффициента к единице, тем она ближе к нормативной обеспеченности населения региона продовольствием.

2. Интенсивность структурных сдвигов в ресурсах продовольствия (запасы ресурса, его региональное производство, ввоз по различным каналам), показывающая степень изменения массы структурного сдвига за период и отражающая нелинейность развития сдвигов в структуре продовольственной системы [9]:

$$S_{c/c}^t = \sum_{i=1}^n |W_i^t - W_i^0|, \quad (2)$$

где W_i^t и W_i^0 – удельные веса i -го индикатора соответственно в последнем и начальном годах анализируемого периода.

3. Направленность структурных сдвигов в ресурсах продовольствия, характеризующая монотонность соответствующих структурных сдвигов за период и позволяющая оценить степень позитивности (негативности) структурных изменений в продовольственной системе [10]:

$$M_{c/c \text{ период}}^t = \frac{C_{\text{период}}^t}{S^t}, \quad (3)$$

где $C_{\text{период}}^t$ – сумма всех компонент, для которых разности $(W_i^t - W_i^0)$ имеют одинаковые знаки; S^t , W_i^t и W_i^0 имеют тот же смысл, что и в формуле (2).

Анализ коэффициентов фактической обеспеченности продовольствием регионального происхождения с учетом рациональных норм питания выполнен для трех южных приграничных дальневосточных регионов (Амурской области, Приморского и Хабаровского краев), выбор которых обусловлен следующими особенностями:

– на фоне более благоприятных (по сравнению с другими территориями макрорегиона) природно-климатических условий для развития сельскохозяйственного производства как основы пищевой цепи региональной ПРЭС отмечаются угрозы, связанные с климатическими, агроэкологическими, санитарно-эпидемиологическими рисками, а также с рисками сельскохозяйственного производства и рисками пищевой цепи;

– высокий производственный потенциал экспорто-ориентированных производств сельскохозяйственного и рыбопромышленного секторов экономики, сопровождающийся угрозами развития структурных, институциональных и экономических рисков;

– наличие внешних границ с Китайской Народной Республикой, что не только позволяет использовать экспортный потенциал ПРЭС макрорегиона, но и содержит угрозу логистических, внешнеполитических и внешнеторговых рисков, углубляя уязвимость продовольственной системы региона из-за опасности экспансии продовольственного рынка высококонкурентными китайскими производителями продуктов питания;

– обладание более высоким ресурсным трудовым потенциалом среди регионов Дальнего Востока, так как здесь проживает порядка 66% всего населения макрорегиона (в Приморском крае – 31%, в Хабаровском крае – 22%, в Амурской области – 13%), при этом имеет место высокая вероятность развития социальных рисков и рисков распределения продовольствия.

По расчетам авторов, коэффициент обеспеченности молоком, мясом и овощами в целом по Дальнему Востоку в 2022 г. составил соответственно 0,288, 0,382 и 0,336 (при максимально возможном значении показателя, равном 1). В качестве позитивной тенденции отметим устойчивое увеличение по годам анализируемого периода данного показателя. Но среднегодовая скорость этого роста крайне мала и не соответствует задачам, стоящим перед продовольственной системой Дальнего Востока и решением задач импортозамещения.

В Приморском крае коэффициент самообеспеченности мясом и мясопродуктами к 2022 г. сложился на уровне 0,606 при среднегодовой скорости роста 0,116%, но показатель по молоку составил в конце периода только 0,226. В Хабаровском крае отмечен понижающий тренд коэффициента для мяса и молока со скоростью падения, соответственно равной 0,143 и 0,059%. Самый высокий показатель по молоку наблюдался в Амурской области – 0,586 (табл. 3).

Таблица 3

**Коэффициент фактической обеспеченности продовольствием
регионального происхождения Дальнего Востока Российской Федерации***

Продовольственная группа	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение 2022 г. от 2014 г.		Среднегодовая скорость изменения за 2014–2022 гг.
						абсол., ед. изм.	относит., %	
Дальний Восток Российской Федерации								
Мясо и мясопродукты	0,287	0,289	0,290	0,297	0,382	0,095	133,062	0,036
Молоко и молокопродукты	0,257	0,259	0,275	0,285	0,288	0,031	112,108	0,014

Продолжение табл. 3

Продовольственная группа	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение 2022 г. от 2014 г.		Среднегодовая скорость изменения за 2014–2022 гг.
						абсол., ед. изм.	относит., %	
Яйцо и яйцо-продукты	0,741	0,736	0,754	0,778	0,759	0,018	102,437	0,003
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	0,441	0,356	0,324	0,341	0,336	–0,105	76,121	–0,034
Картофель	1,656	1,432	1,186	1,146	1,292	–0,363	78,062	–0,030
Свежие фрукты и ягоды	0,054	0,065	0,055	0,054	0,051	–0,003	94,337	–0,007
Приморский край								
Мясо и мясо-продукты	0,253	0,296	0,265	0,307	0,606	0,353	239,8	0,116
Молоко и молокопродукты	0,190	0,195	0,208	0,231	0,226	0,035	118,7	0,022
Яйцо и яйцо-продукты	0,601	0,595	0,562	0,572	0,586	–0,015	97,6	–0,003
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	0,635	0,396	0,377	0,420	0,378	–0,257	59,5	–0,063
Картофель	1,833	1,369	1,143	1,076	1,260	–0,573	68,7	–0,046
Свежие фрукты и ягоды	0,029	0,042	0,030	0,029	0,030	0,000	100,7	0,001
Хабаровский край								
Мясо и мясо-продукты	0,219	0,102	0,104	0,078	0,064	–0,155	29,2	–0,143
Молоко и молокопродукты	0,093	0,062	0,056	0,055	0,057	–0,036	61,3	–0,059
Яйцо и яйцо-продукты	0,903	0,886	0,982	1,001	0,904	0,001	100,1	0,000

Окончание табл. 3

Продовольственная группа	2014 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение 2022 г. от 2014 г.		Средне-годовая скорость изменения за 2014–2022 гг.
						абсол., ед. изм.	относит., %	
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	0,287	0,275	0,208	0,277	0,227	–0,060	79,0	–0,029
Картофель	1,262	0,988	0,724	0,752	0,664	–0,598	52,6	–0,077
Свежие фрукты и ягоды	0,068	0,070	0,063	0,063	0,052	–0,016	76,5	–0,033
Амурская область								
Мясо и мясопродукты	0,692	0,718	0,722	0,717	0,658	–0,034	95,1	–0,006
Молоко и молокопродукты	0,483	0,501	0,548	0,569	0,586	0,103	121,4	0,025
Яйцо и яйцопродукты	1,139	0,972	0,964	0,991	1,021	–0,118	89,6	–0,014
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	0,462	0,454	0,294	0,342	0,467	0,005	101,2	0,001
Картофель	2,991	2,805	2,126	2,106	2,840	–0,151	94,9	–0,006
Свежие фрукты и ягоды	0,038	0,048	0,053	0,051	0,043	0,005	113,6	0,016

* – вычислено из расчета рациональной годовой нормы потребления продовольственной группы: $Norma_{\text{мясо}} = 74 \text{ кг}$, $Norma_{\text{молоко}} = 322 \text{ кг}$, $Norma_{\text{яйцо}} = 260 \text{ шт.}$, $Norma_{\text{овощи}} = 140$, $Norma_{\text{картофель}} = 90$, $Norma_{\text{фрукты}} = 100$ [11].

Примечание: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Для полноты решения поставленных в исследовании задач выполним анализ показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия макрорегиона (табл. 4). (Вычисления проведены по формулам (2) и (3).)

Таблица 4

Расчет показателей интенсивности и направленности структурных сдвигов в ресурсах продовольствия ПРЭС Дальнего Востока Российской Федерации

Продовольственная группа	Удельный вес вида ресурса, %		$d^{2022} - d^{2014}$
	d^{2014}	d^{2022}	
Запасы продовольствия на начало года			
Картофель	34,66	42,50	7,84
Овощи	20,45	22,40	1,95
Фрукты	11,85	20,10	8,25
Мясо и мясопродукты	9,66	10,20	0,54
Молоко и молокопродукты	2,33	2,93	0,60
Яйцо и яйцопродукты	2,26	3,21	0,95
Интенсивность структурного сдвига, % / направленность структурного сдвига	20,13 / 1		
Производство продовольствия			
Картофель	58,61	48,20	-10,41
Овощи	45,5	31,20	-14,30
Фрукты	7,34	6,63	-0,71
Мясо и мясопродукты	22,25	29,10	6,85
Молоко и молокопродукты	39	50,22	11,22
Яйцо и яйцопродукты	72,7	62,30	-10,40
Интенсивность структурного сдвига, % / направленность структурного сдвига	53,89 / -0,33		
Ввоз продовольствия по всем каналам			
Картофель	6,73	9,30	2,57
Овощи	34,05	46,40	12,35
Фрукты	80,81	73,27	-7,54
Мясо и мясопродукты	68,09	60,70	-7,39
Молоко и молокопродукты	58,67	46,85	-11,82
Яйцо и яйцопродукты	25,04	34,49	9,45
Интенсивность структурного сдвига, % / направленность структурного сдвига	51,12 / -0,05		

Примечание: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

В этой связи обозначим убежденность авторов в экономической узости и социальной недалёковидности позиций отдельных ученых-экономистов, заключающуюся в том, что не нужно стремиться к расширению доли продовольственной обеспеченности продуктами питания дальневосточного производства по причине их низкой эффективности по сравнению с внерегиональными или импортными аналогами. Ученые-аграрники аргументированно, на основании собственного и зарубежного опыта производства сельскохозяйственной продукции в условиях рискованного земледелия, обосновывают возможность эффективного земледелия и животноводства на Дальнем Востоке, лежащих в плоскости правильной технологии обработки почвы (технологические риски), селекции, внедрения цифровизации и пр. [12–14].

До сих пор не восстановлена организационно-экономическая структура сельского хозяйства, разрушенная в 90-х гг. прошлого века. Действительно, если в дореформенный период в макрорегионе функционировала разветвленная структура сельскохозяйственных организаций с различным масштабом деятельности, то современную форму ее развития можно охарактеризовать как локально-очаговую холдингового типа, что не содействует формированию многоукладной экономики и расширяет рисковое поле ПРЭС макрорегиона. Таким образом, задача региональных органов власти состоит в создании рациональных воспроизводственных, макроэкономических, отраслевых, территориальных и социальных пропорций посредством развития комплекса институциональных, экономических и организационных мероприятий, ориентированных на эффективное использование потенциала факторов производства субъекта Российской Федерации.

Расчеты авторов показали, что степень изменения массы структурного сдвига в запасах совокупности важнейших продовольственных групп ПРЭС Дальнего Востока Российской Федерации за 2014–2022 гг., описываемая показателем интенсивности структурных сдвигов, составила 20,13 % при их положительной направленности, равной 1. Это свидетельствует о том, что по всем представленным в исследовании продовольственным группам (картофель, овощи, фрукты, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, яйцо и яйцепродукты) в макрорегионе имеет место стремление к увеличению запасов, вследствие чего имеем положительный структурный сдвиг в продуктовых запасах. При этом к накоплению запасов в продовольственной системе следует относиться осторожно, так как данный процесс способен к дестабилизирующему воздействию на ПРЭС, обусловленному тем, что накопление запасов в ресурсах продовольствия может способствовать росту цен на продукты питания.

Уменьшение в 2022 г. по сравнению с 2014 г. во всех продовольственных группах (за исключением категорий «мясо и мясопродукты», «молоко и молокопродукты») доли продукции регионального происхождения повлияло на формирование отрицательного структурного сдвига в целом по ПРЭС. Действительно, негативная направленность данного сдвига (–0,33) накладывается на его высокую интенсивность (53,89 %) и тем самым позволяет говорить о неудовлетворительных структурных сдвигах в региональном производстве продовольствия.

Интересно, что при сверхнормативной самообеспеченности макрорегиона картофелем и близкой к нормативной самообеспеченности яйцепродуктами (см. табл. 3) доля ввезенных на Дальний Восток данных продуктовых групп в 2022 г. возросла. Объяснение этому может лежать в плоскости попыток региональных органов управления регулировать цену на картофель и яйцепродукты.

Удельный вес ввоза фруктов, мясной молочной продукции в балансе продовольствия ПРЭС снизился, интенсивность совокупного структурного сдвига ввоза продовольствия в макрорегион по всем каналам составила 51,12% при отрицательной направленности (-0,05). Учитывая, что структурный сдвиг в ввозе продовольствия будет иметь для ПРЭС позитивный характер при его отрицательной направленности, можно констатировать формирование положительного структурного сдвига в ввозе продовольствия на Дальний Восток Российской Федерации.

Заключение

Выполненное исследование позволяет авторам сделать следующие выводы.

1. Анализ динамики показателей развития продовольственной системы макрорегиона Дальнего Востока Российской Федерации позволяет охарактеризовать современное ее состояние как требующее регулирующего воздействия со стороны государственных, региональных структур и частного бизнеса.

2. При рассмотрении условий достижения и поддержания продовольственной обеспеченности отдельно взятого региона в рамках продовольственной региональной экономической системы целесообразно также учитывать присущие именно данному региону условия, осуществление которых можно гарантировать своими силами, определив продуктовую нишу для межрегионального и международного обеспечения.

3. Территориально-отраслевая дифференциация продовольственной обеспеченности макрорегиона предопределяет продовольственные группы, обеспечение которыми должно быть приоритетом региональной структурной политики (например, молоко и молокопродукты, овощи защищенного грунта и др.). Поэтому вопросы соотношения в структуре обеспечения продовольствием сегментов «продовольствие регионального / внутривосточного / международного происхождения» лежат в плоскости потенциальной возможности продовольственной экономической региональной системы Дальнего Востока производить определенный вид продовольствия.

4. К числу важнейших направлений регулирования ПРЭС следует отнести меры, ориентированные на ликвидацию внутренних и внешних угроз и минимизацию иницируемых этими угрозами рисков:

- оптимальное сочетание государственного и рыночного регулирования цен на продовольствие;
- регулирование объемов импорта по основным стратегическим видам продовольствия;
- последовательное сокращение ввоза в страну тех продуктов питания, производство которых может быть осуществлено в России / регионе.

Список источников

1. Морошкина М.В., Розанова Л.И., Тишков С.В. Структурный анализ как основа управления экономическими процессами в регионах // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2 (38). С. 2–10.
2. Митин А.Н., Воронин Б.А. Экономика продовольствия // Аграрный вестник Урала. 2017. № 1 (155). С. 18.
3. Киреева Н.А. Продовольственная система России: четверть века трансформации // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 7-2 (26). С. 9–15.
4. Марков А.К., Мумладзе Р.Г. Повышение устойчивости продовольственной системы // Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 368–372.
5. Яшкова Н.В., Чумаков В.Н. Угрозы и риски продовольственной безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 2. С. 245–249.
6. Лысоченко А.А. Условия обеспечения и оценка угроз продовольственной безопасности регионов России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т. 5, № 3 (36). С. 38–42.
7. Сафин У.З. Проблемы продовольственной безопасности России в условиях экономических санкций со стороны США и Европейского союза // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18-1. С. 129–132.
8. Доктрина продовольственной безопасности: [утв. Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398?marker=65A0IQ>.
9. Красильников О.Ю. Взаимосвязь структурных сдвигов и экономического развития России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 127–133. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-2-127-133
10. Шмидт Ю.И. Методика оценки эффективности структуры и структурных сдвигов в аграрном секторе экономики // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3 (56). С. 483–486
11. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.08.2016 № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/>
12. Скрининг генетического разнообразия сои для селекции в экстремальных условиях Среднего Приамурья / О.Л. Шепель, Т.А. Асеева, А.Ю. Кондратьева [и др.] // Достижения науки и техники АПК. 2023. Т. 37, № 6. С. 25–32. DOI 10.53859/02352451_2023_37_6_25
13. Влияние различных приемов агротехнической обработки на плодородие агротемногумусовых глеевых почв в условиях фитомелиоративного опыта / Л.Н. Пуртова, Л.Н. Шапова, А.Н. Емельянов, В.М. Босенко // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2018. № 2 (198). С. 50–55.
14. Синеговская В.Т. Научное обеспечение эффективного развития селекции и семеноводства сои на Дальнем Востоке // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2021. Т. 25, № 4. С. 374–380. DOI 10.18699/VJ21.040

References

1. Moroshkina M.V., Rozanova L.I., Tishkov S.V. Structural analysis as a basis for managing economic processes in the regions. *Regional Economics and Management: an electronic scientific journal*. 2014; 2 (38): 2–10.
2. Mitin A.N., Voronin B.A. Economics of food. *Agrarny vestnik Urala*. 2017; 1 (155): 18.
3. Kireeva N.A. Food system of Russia: a quarter of a century of transformation. *International Research Journal*. 2014; 7-2 (26): 9–15.
4. Markov A.K., Mumladze R.G. Increasing the sustainability of the food system. *Innovations and Investments*. 2019; (11): 368–372.
5. Yashkova N.V., Chumakov V.N. Threats and risks of food security. *Journal of Legal and Economic Research*. 2018; (2): 245–249.
6. Lysochenko A.A. Conditions of provision and assessment of threats to food security of Russian regions. *National interests: priorities and security*. 2009; 3 (36): 38–42.
7. Safin U.Z. Problems of food security of Russia in the conditions of economic sanctions by the United States and the European Union. *Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen*. 2015; (18-1): 129–132.
8. Food Security Doctrine: [Approved by the Decree of the President of the Russian Federation from 21.01.2020 № 20]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161398?marker=65A0IQ>.
9. Krasilnikov O.Yu. Interrelation of structural shifts and economic development of Russia. *Izvestia Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*. 2017; (2): 127–133. DOI 10.18500/1994-2540-2017-17-2-127-133
10. Schmidt Y.I. Methodology for assessing the efficiency of the structure and structural shifts in the agrarian sector of the economy. *Economics and Entrepreneurship*. 2015; 3 (56): 483–486.
11. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation from 19.08.2016 № 614 "On approval of Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements of healthy nutrition". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/>
12. Screening of soybean genetic diversity for breeding in extreme conditions of the Middle Priamurye / O.L. Shepel, T.A. Aseeva, A.Y. Kondratyeva [et al.] *Achievements of science and technology APK*. 2023; (6): 25–32. DOI 10.53859/02352451_2023_37_6_25
13. Influence of different methods of agrotechnical treatment on the fertility of agrotomnopus gley soils under phytomeliorative experience / L.N. Purtova, L.N. Shchapova, F.N. Emelyanov, V.M. Bosenko. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2018; 2 (198): 50–55.
14. Sinegovskaya V.T. Scientific support for the effective development of soybean breeding and seed production in the Far East. *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*. 2021; (4): 374–380. DOI 10.18699/VJ21.040

Информация об авторах:

Латкин Александр Павлович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, aleksandr.latkin@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0024-0229>

Жуплей Ирина Викторовна, канд. экон. наук, доцент, проректор по учебной работе, Приморский государственный аграрно-технологический университет, г. Уссурийск, zirinavik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9177-9720>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/075-091>

Дата поступления:
24.01.2024

Одобрена после рецензирования:
06.02.2024

Принята к публикации:
24.02.2024

Научная статья
УДК 331.108:004
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/092-105>

Организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации

Голованова Ольга Станиславовна

Масюк Наталья Николаевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Цифровизация оказывает глубокое влияние на процессы управления в организациях в различных областях. Адаптивное управление человеческим капиталом в организации позволяет организациям создавать гибкий человеческий капитал, способный принимать изменения, экспериментировать с новыми идеями и меняться в ответ на меняющиеся потребности бизнеса. Оно предполагает постоянную корректировку стратегий, политик и практик для эффективного реагирования на изменяющиеся внутренние и внешние условия, одновременно максимизируя потенциал человеческого капитала. Авторы разделяют позицию тех исследователей, которые доказывают правомочность рассмотрения организации, принявшей стратегию цифровой трансформации, как цифровую экосистему. Убедительно доказано, что в цифровой экосистеме организации могут внедрять различные организационные механизмы для поддержки управленческих решений по управлению человеческим капиталом. Эти механизмы используют технологии, анализ данных и стратегические подходы для улучшения процессов принятия решений. Установлено, что система адаптивного управления человеческим капиталом может рассматриваться как подсистема в цифровой экосистеме организации. В статье представлен авторский экосистемно-компетентностный подход к адаптивному управлению человеческим капиталом, целью которого является развитие гибкого, устойчивого и хорошо оснащенного человеческого капитала для процветания в цифровую эпоху. Авторы доказывают важность согласования компетенций с требованиями цифровой среды, содействия непрерывному обучению и адаптации, а также использования взаимосвязанности цифровой экосистемы организации для стимулирования инноваций и успеха. Кроме того, в статье сформулирована авторская концепция цифровой адаптивности, в рамках которой адаптивные организации активно интегрируют цифровые решения, совершенствуют бизнес-процессы с помощью данных и автоматизации, а также предлагают повышенную гибкость в своих операциях и принятии решений. Центральное место отводится организационному механизму адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации, позиционируемому как основной инструмент управления для поддержки принятия решений в цифровую эпоху.*

***Ключевые слова:** человеческий капитал, адаптивное управление, цифровая адаптивность, цифровизация, организационный механизм, мониторинг.*

***Для цитирования:** Голованова О.С., Масюк Н.Н. Организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/092-105>*

Original article

Organizational mechanism of adaptive human capital management in the digital ecosystem of the organization

Olga S. Golovanova

Natalya N. Masyuk

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. Digitalization has a profound impact on management processes in organizations in various fields. Adaptive management of human capital in an organization allows organizations to create flexible human capital that can embrace change, experiment with new ideas, and change in response to changing business needs. This involves continually adjusting strategies, policies, and practices to effectively respond to changing internal and external conditions while maximizing the potential of human capital. The authors share the position of those researchers who prove the legitimacy of considering an organization with adopted this digital transformation strategy as a digital ecosystem. It was convincingly proved that in the digital ecosystem, organizations can implement various organizational mechanisms to support management decisions on human capital management. These mechanisms use technology, data analytics, and strategic approaches to improve decision-making processes. It was established that the system of adaptive human capital management can be considered as a subsystem of the organization's digital ecosystem. The article presents the author's ecosystem-competency approach to adaptive human capital management, the goal of which is to develop flexible, sustainable, and well-equipped human capital to thrive in the digital era. The authors argue that it is important to align competencies with the demands of the digital environment, promote continuous learning and adaptation, and leverage the interconnectedness of an organization's digital ecosystem to drive innovation and success. In addition, the article articulates the author's concept of digital adaptability, in which adaptive organizations actively integrate digital solutions, improve business processes using data and automation, and offer increased flexibility in their operations and decision-making. Central to this discussion is the organizational mechanism proposed by the authors for adaptive management of human capital in the digital ecosystem of an organization, positioned as the main management tool to support decision-making process in the digital era.

Keywords: human capital, adaptive management, digital adaptability, digitalization, organizational mechanism, monitoring.

For citation: Golovanova O.S., Masyuk N.N. Organizational mechanism of adaptive human capital management in the digital ecosystem of the organization // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1 P. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/092–105>

Введение

Адаптивное управление человеческим капиталом в организации предполагает постоянную корректировку стратегий, политик и практик для эффективного реагирования на изменяющиеся внутренние и внешние условия, одновременно максимизируя потенциал человеческого капитала. Для реализации идеи адаптивного управления человеческим капиталом руководству организации необходимо начать с оценки организационных потребностей и целей, а также разработать гибкую политику и практику управления персоналом, которые смогут адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и возникающим тенденциям. Для этих целей может быть использован анализ данных и показатели человеческого капитала для мониторинга ключевых показателей эффективности, связанных с управлением человеческим капиталом.

Прежде чем перейти к основной теме, вначале следует изложить авторский взгляд на управление человеческим капиталом в организации. В данном исследовании

довании мы исходим из справедливого утверждения некоторых авторов о том, что любая организация, вставшая на путь внедрения цифровых технологий, превращается в цифровую экосистему [1–4]. Тогда система адаптивного управления человеческим капиталом в такой организации может рассматриваться как подсистема в общей цифровой экосистеме управления организацией [5, 6].

В исследовании использованы методы анализа и синтеза, литературного обзора и контент-анализа, логико-системный, ситуационный и экосистемно-компетентностный подходы, а также принципы адаптивного и цифрового управления.

Основная часть

Существует множество подходов к управлению человеческим капиталом в организации, поэтому выбор теоретико-методологического подхода определяет в дальнейшем функционирование организационного механизма управления [7].

Организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации относится к процессам, структурам и стратегиям, которые обеспечивают эффективное использование, развитие и удержание человеческих ресурсов в контексте все более оцифрованных рабочих мест.

В общем виде организационный механизм призван решать ряд задач, непосредственно связанных с цифровизацией: определение новых требований к цифровым навыкам; оценка существующих пробелов в навыках; разработка стратегии привлечения талантов; разработка программ и организация непрерывного обучения и т.д. [8; 9]

Рассмотрим вариант авторского алгоритма реализации организационного механизма адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации (рис. 1).

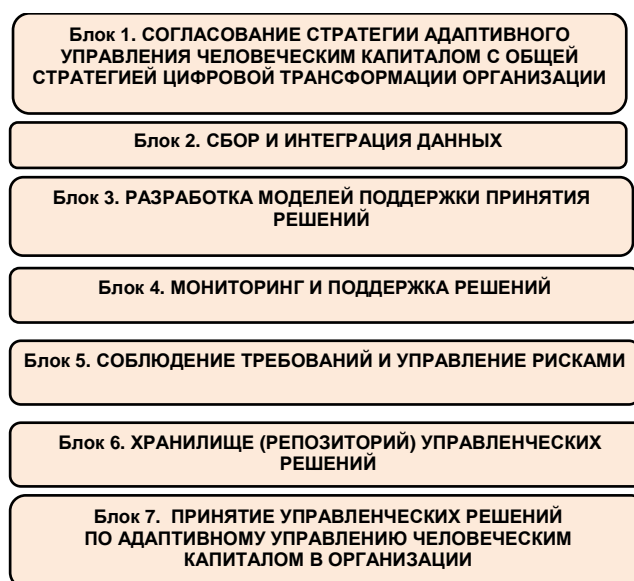


Рис. 1. Алгоритм реализации организационного механизма адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации

Блок 1. Согласование стратегии адаптивного управления человеческим капиталом с общей стратегией цифровой трансформации организации.

Для начала остановимся на основных составляющих экосистемно-компетентностного подхода, в рамках которого авторами производятся все теоретические построения.

Экосистемно-компетентностный подход к адаптивному управлению человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации подчеркивает интеграцию экономико-экологических принципов и компетентностных подходов для эффективного управления и развития человеческого капитала в цифровой среде.

Первое, с чего рекомендуется начинать, – это необходимо выработать экосистемное мышление, т.е. принять концепцию экосистемы внутри организации, рассматривая ее как динамическую и взаимосвязанную систему, в которой отдельные лица, команды, отделы и внешние заинтересованные стороны взаимодействуют и влияют друг на друга. При этом изменения в одной части экосистемы могут иметь волновой эффект по всей организации.

Далее необходимо сформировать структуру компетенций для определения знаний, навыков и способностей, необходимых для успеха в цифровой экосистеме, определить основные компетенции, которые соответствуют стратегическим целям организации и требованиям цифрового ландшафта, такие как цифровая грамотность, анализ данных, решение проблем и навыки совместной работы.

На этой же стадии необходимо обратить внимание на принципы управления человеческим капиталом, которые в условиях внедрения цифровых преобразований также трансформируются [10].

В данной статье предлагается следовать комплексу принципов, сформированных авторами и состоящих из двух групп (рис. 2):

- а) принципов адаптивного управления: принцип необходимого разнообразия, принцип дуального управления и принцип обратной связи;
- б) цифровых принципов: принцип цифровой грамотности, принцип цифровой доступности и принцип цифровой адаптивности.

При этом принцип цифровой адаптивности является основополагающим при формировании данного организационного механизма.

Авторы под *цифровой адаптивностью* предлагают понимать способность организации или человека эффективно адаптироваться к быстро меняющимся цифровым технологиям, возможностям и требованиям в цифровой эпохе. Цифровая адаптивность включает в себя гибкость, готовность к изменениям и способность использовать цифровые инструменты и технологии для достижения успеха в своей деятельности.

Организации, обладающие цифровой адаптивностью, активно внедряют цифровые решения, улучшают свои бизнес-процессы с использованием данных и автоматизации, а также обеспечивают все большую гибкость в работе и принятии решений. Они готовы к новым технологиям и умеют адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка и клиентов.

№ п/п	Название принципа	Как проявляется в управлении человеческим капиталом	Вид
1	Принцип необходимого разнообразия	Основан на понимании того, что разнообразная рабочая сила приносит разнообразие взглядов, навыков и опыта, которые могут способствовать способности организации ориентироваться и процветать в быстро меняющейся среде	Общезвестные принципы
2	Принцип дуального управления	Подчеркивает необходимость сбалансировать эффективное использование ресурсов и достижение бизнес-целей с акцентом на благополучие, развитие и вовлеченность человеческого капитала	
3	Принцип обратной связи	Подчеркивает важность создания эффективных механизмов обратной связи для постоянной оценки, улучшения и адаптации методов управления человеческим капиталом внутри организации	
4	Принцип цифровой грамотности	Сосредоточен вокруг внедрения технологий, использования данных, обеспечения кибербезопасности, содействия непрерывному обучению и адаптации к развивающемуся цифровому ландшафту для оптимизации человеческого капитала внутри организации	Авторские принципы
5	Принцип цифровой доступности	Подразумевает обеспечение равного доступа к цифровым ресурсам и возможностям для всех лиц внутри организации	
6	<i>Принцип цифровой адаптивности</i>	<i>Означает способность отдельных лиц, команд и всей организации охватить и эффективно использовать цифровые технологии и инструменты для повышения производительности и общего успеха</i>	

Рис. 2. Комплекс принципов адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации

Источник: сост. авторами.

В цифровой эпохе цифровая адаптивность становится важным конкурентным преимуществом.

Важно определить точки интеграции стратегии управления человеческим капиталом с общей стратегией цифровой трансформации организации.

Блок 2. Сбор и интеграция данных.

Сбор и интеграция данных в подсистеме адаптивного управления человеческим капиталом имеют решающее значение для эффективного понимания, оптимизации и использования рабочей силы организации в динамичной и меняющейся среде.

Определим источники данных, которые имеют отношение к управлению человеческим капиталом внутри организации. Это могут быть базы данных кадровых ресурсов, системы управления производительностью, системы управления обучением, опросы сотрудников, платформы подбора персонала и внешние источники, такие как отраслевые показатели и данные рынка труда.

Определим ключевые показатели и индикаторы, соответствующие стратегическим целям и задачам организации. Они могут включать меры, связанные с вовлечением, удержанием сотрудников, производительностью, развитием навыков, разнообразием и инклюзивностью. При этом необходимо убедиться в том, что эти показатели поддаются количественной оценке, релевантны и действенны.

Внедрим системы и процессы для сбора данных из различных источников внутри организации. Следует обратить внимание на качество и согласованность данных, чтобы гарантировать, что собранная информация является точной, надежной и актуальной, внедрить проверки достоверности данных, регулярные аудиты и методы управления данными для обеспечения целостности и надежности данных.

Интегрируя данные из разрозненных систем и источников, можно создать единое представление о человеческом капитале внутри организации. Могут быть использованы инструменты интеграции данных, интерфейсы прикладного программирования (application programming interfaces – API) и хранилища данных для консолидации данных из HR, финансов, операций и других соответствующих систем в централизованное хранилище.

Для анализа и интерпретации данных можно применять методы анализа данных для анализа и интерпретации собранных данных, использовать описательную, диагностическую, прогнозирующую и предписывающую аналитику, чтобы выявить идеи, тенденции и закономерности, связанные с управлением человеческим капиталом.

Эффективно собирая и интегрируя данные в подсистеме адаптивного управления человеческим капиталом, организации могут получать ценную информацию о своем человеческом капитале, принимать обоснованные решения и обеспечивать устойчивую производительность и успех.

Блок 3. Разработка моделей поддержки принятия решений.

На данном этапе необходимо разработать цифровые профили компетенций сотрудников, создать прогнозные модели для прогнозирования кадрового потенциала, привлечения талантов, производительности сотрудников и риска увольнения, а также разработать методику операционного мониторинга HR-операций и ключевых показателей эффективности в режиме реального времени.

Блок 4. Мониторинг и поддержка решений.

Мониторинг и поддержка принятия решений являются важными компонентами адаптивного управления человеческим капиталом. Они включают в себя постоянное отслеживание ключевых показателей и предоставление действенной информа-

ции для принятия стратегических решений внутри организации. Наладить операционный мониторинг эффективности можно с помощью последующих шагов:

- определить ключевые показатели эффективности, которые соответствуют стратегическим целям организации и целям адаптивного управления человеческим капиталом. Они могут включать показатели, связанные с вовлеченностью сотрудников, уровнем текучести кадров, развитием навыков, производительностью, разнообразием и др.;

- настроить системы и процессы для мониторинга и отслеживания выявленных ключевых показателей эффективности в режиме реального времени или на регулярной основе. Сюда может входить использование информационных систем управления персоналом (human resource information systems – HRIS), программного обеспечения для управления производительностью, опросов сотрудников и других механизмов сбора данных;

- проанализировать собранные данные, чтобы выявить тенденции, закономерности и идеи, связанные с управлением человеческим капиталом;

- настроить визуализацию принятия решений с помощью панели HR-дашборд для предоставления информации в режиме реального времени. Здесь могут использоваться различные методы визуализации данных, такие как диаграммы, графики и др., чтобы представить основные выводы в четком и практичном формате;

- настроить оповещения и уведомления для превентивного выявления потенциальных проблем или возможностей на основе заранее определенных пороговых значений или критериев;

- обеспечить доступ к соответствующим данным, аналитике и знаниям для поддержки стратегического планирования и реализации. Это позволяет лицам, принимающим решения, своевременно решать возникающие проблемы или извлекать выгоду из благоприятных тенденций.

Внедряя надежные механизмы мониторинга и поддержки принятия решений в адаптивном управлении человеческим капиталом, организации могут эффективно отслеживать производительность, выявлять возможности, снижать риски и принимать решения на основе данных по инвестированию для оптимизации использования и развития своего человеческого капитала [11].

Блок 5. Соблюдение требований и управление рисками.

На данном этапе предлагается разработать матрицы соответствия компетенций сотрудников требуемым / желаемым значениям, которые позволяют организациям:

- оценить пробелы в компетентности: определить пробелы между навыками и способностями, которыми сотрудники в настоящее время обладают, и теми, которые необходимы для достижения организационных целей. Сравнивая компетенции сотрудников с желаемыми ценностями, организации могут определить области, где может потребоваться дополнительное обучение или развитие;

- использовать информацию, полученную из матриц соответствия компетенций, для разработки целевых программ обучения и развития. Сосредото-

чив внимание на тех областях, где компетенции не соответствуют желаемым значениям, организации могут адаптировать учебные мероприятия для устранения конкретных пробелов в навыках и повышения производительности сотрудников;

– оценить готовность сотрудников взять на себя новые роли или обязанности на основе соответствия их компетенции. Эта информация может помочь в планировании преемственности путем выявления кандидатов с высоким потенциалом, которым может потребоваться дополнительное развитие для подготовки к будущим руководящим должностям;

– использовать матрицы в качестве основы для оценки производительности и процессов постановки целей. Сопоставляя ожидания производительности с необходимыми компетенциями, организации могут предоставить сотрудникам четкие цели и обратную связь, чтобы помочь им добиться успеха на своих должностях;

– использовать матрицы соответствия компетенций для оценки пригодности кандидатов в процессе найма и отбора. Сравнивая компетенции кандидатов с желаемыми ценностями, организации могут принимать более обоснованные решения о найме и определять кандидатов, которые лучше всего подходят для этой должности;

– использовать данные из матриц соответствия компетенций для выявления тенденций и закономерностей в наборах навыков и компетенций сотрудников. Эта информация может служить основой для стратегических решений, связанных с организационной реструктуризацией, планированием рабочей силы и инициативами по управлению талантами;

– обеспечить соблюдение нормативных требований, убедиться в том, что сотрудники обладают необходимыми компетенциями для соблюдения нормативных требований и отраслевых стандартов. Регулярно оценивая соответствие компетенций, организации могут снизить риски, связанные с несоблюдением требований, и поддержать культуру добросовестности и подотчетности.

Здесь же необходимо выбрать инструменты для снижения рисков, связанных с человеческим капиталом. Снижение кадровых рисков предполагает реализацию стратегий и использование инструментов для смягчения потенциальных проблем, связанных с поведением, производительностью и соблюдением требований сотрудников. Предлагается использовать следующие варианты действий:

– провести проверку биографических данных, истории трудоустройства, судимости и другой соответствующей биографической информации соискателей работы. Это помогает организациям выявить потенциальные тревожные сигналы и снизить риск найма лиц с историей неэтичного поведения или преступной деятельности;

– оценить навыки, способности, личностные качества и культурное соответствие кандидатов. Эти оценки могут помочь выявить кандидатов, которые хорошо подходят для этой роли и организации, снизить риск плохой работы или текучести кадров;

– внедрить программное обеспечение для мониторинга сотрудников, чтобы отслеживать их деятельность, уровень производительности и соблюдение политик и процедур компании. Этот инструмент может помочь обнаружить потенциальные неправомерные действия, нарушения безопасности или нормативных требований, снизить риск мошенничества, утечки данных или несоблюдения нормативных требований;

– создать горячие линии для информаторов или механизмы анонимного сообщения, чтобы побудить сотрудников сообщать о неэтичном, неправомерном поведении или нарушениях нормативных требований. Создание культуры прозрачности и подотчетности может помочь выявить и устранить кадровые риски до того, как они обострятся;

– создать программы помощи сотрудникам, чтобы обеспечить поддержку и ресурсы для сотрудников, сталкивающихся с личными или профессиональными проблемами. Эти программы могут помочь снизить риск прогулов, конфликтов на рабочем месте и проблем с психическим здоровьем, которые могут повлиять на производительность и благополучие сотрудников;

– провести собеседования при увольнении и следовать стандартным процедурам увольнения, когда сотрудники покидают организацию. Сбор отзывов от увольняющихся сотрудников может помочь выявить основные проблемы, улучшить усилия по удержанию сотрудников и снизить риск негативных отзывов или юридических споров.

Используя данные инструменты и стратегии, организации могут активно выявлять, устранять и смягчать кадровые риски, создавая более безопасную, продуктивную и соответствующую требованиям рабочую среду.

В целом матрицы соответствия компетенций сотрудников требуемым или желаемым ценностям позволяют организациям привести свою рабочую силу в соответствие со стратегическими целями, повысить производительность и создать кадровый резерв, способный обеспечить долгосрочный успех.

Блок 6. Хранилище (репозиторий) управленческих решений.

Организация сбора управленческих решений в хранилище (репозитории) предполагает создание структурированного цифрового пространства для хранения, доступа и управления информацией, связанной с решениями, в едином пространстве.

Для этого необходимо четко определить цели и объем хранилища решений, определить, какие типы решений будут включены, кто будет иметь доступ к хранилищу и каковы предполагаемые результаты.

Затем выбирается подходящая цифровая платформа для хранилища решений. Это может быть система управления документами, облачное решение для хранения данных, инструмент управления проектами или специальное программное обеспечение для управления принятием решений. Выбранная платформа должна соответствовать потребностям организации в безопасности, доступности и масштабируемости.

Для организации информации, связанной с принятием решений, желательно создать иерархическую структуру. Эта структура может быть основана на таких категориях, как отдел, проект, тип решения, дата и др.

Для обеспечения последовательности и ясности необходимо внедрить стандартизированные соглашения об именах для документов решений, чтобы обеспечить последовательность и ясность. В имя файла документа должны быть включены соответствующие сведения: название решения, дата, лицо, принимающее решение, и отдел. Это облегчает выявление и нахождение конкретных решений.

Далее необходимо определить поля метаданных для сбора ключевой информации о каждом решении, что облегчит поиск и фильтрацию в репозитории. Сюда могут входить метаданные, такие как дата решения, лицо, принимающее решение, тип решения, статус, затронутые отделы, а также соответствующие документы или ссылки.

Немаловажным аспектом мониторинга является внедрение мер безопасности и средств контроля доступа для защиты конфиденциальной информации, связанной с принятием решений, определение должностей и разрешений, чтобы гарантировать, что только авторизованные лица будут иметь доступ к хранилищу и конкретным документам решений.

Хранилище решений необходимо регулярно проверять и обновлять, чтобы гарантировать, что информация, связанная с решениями, остается точной и актуальной, а также архивировать устаревшие решения, обновлять метаданные и удалять устаревшие документы по мере необходимости для поддержания целостности репозитория.

Следуя этим шагам, организации могут создать хорошо организованное и эффективное хранилище для сбора и управления управленческими решениями, что позволит заинтересованным сторонам эффективно получать доступ к информации, связанной с принятием решений, и принимать обоснованные решения на основе всестороннего и хорошо документированного обоснования.

Блок 7. Принятие управленческих решений по адаптивному управлению человеческим капиталом в организации.

Управленческие решения, принятые ранее, необходимо оценить с точки зрения их эффективности. Оценка эффективности адаптивного управления человеческим капиталом в соответствии со стратегией цифровой трансформации организации предполагает оценку того, насколько хорошо сотрудники подготовлены, вовлечены и оснащены для поддержки цифровых целей и задач организации. Для этого предлагается следующая последовательность действий:

– определить ключевые показатели эффективности, которые соответствуют как стратегии цифровой трансформации организации, так и ее целям управления человеческим капиталом. Они могут включать такие показатели, как владение цифровыми навыками сотрудников, способность адаптироваться к изменениям, вовлеченность сотрудников, уровень удержания талантов, время заполнения критически важных должностей и удовлетворенность сотрудников возможностями обучения и развития и др.;

– собрать данные из различных источников для измерения выявленных КРІ. Это может включать опросы сотрудников, обзоры производительности, записи об обучении, показатели текучести кадров, показатели набора персонала и механизмы обратной связи с сотрудниками;

– проанализировать собранные данные, чтобы оценить эффективность адаптивных инициатив человеческого капитала в поддержке стратегии цифровой трансформации организации, найти тенденции, закономерности и корреляции, которые показывают, насколько хорошо сотрудники адаптируются к цифровым изменениям, приобретают новые навыки и вносят вклад в цифровые инициативы;

– сравнить данные с заранее определенными целями, задачами и контрольными показателями, установленными в рамках стратегии цифровой трансформации организации; оценить, соответствует ли человеческий капитал ожиданиям или превосходит их с точки зрения цифровой готовности, производительности и вовлеченности;

– провести качественные оценки, такие как интервью, фокус-группы и сессии обратной связи, чтобы получить представление о восприятии, опыте и проблемах сотрудников, связанных с адаптивным управлением человеческим капиталом и цифровой трансформацией; использовать качественные данные, чтобы дополнить количественные показатели и обеспечить более полное понимание эффективности;

– оценить эффективность программ обучения и развития, направленных на повышение цифровых навыков и компетенций сотрудников;

– пересмотреть методы управления талантами, включая подбор персонала, управление производительностью, планирование преемственности и процессы развития карьеры, чтобы обеспечить соответствие целям цифровой трансформации; оценить, эффективно ли эти методы выявляют, развивают и удерживают таланты с необходимыми цифровыми возможностями;

– отследить уровень вовлеченности и удовлетворенности сотрудников, чтобы оценить, насколько хорошо сотрудники реагируют на адаптивные инициативы в управлении человеческим капиталом, и усилия по цифровой трансформации; оценить такие факторы, как удовлетворенность работой, моральный дух, мотивация и готовность принять изменения;

– использовать информацию, полученную в процессе оценки, для определения областей, требующих улучшения и доработки в методах адаптивного управления человеческим капиталом; постоянно совершенствовать стратегии, программы и процессы, чтобы повысить их эффективность в поддержке процесса цифровой трансформации организации.

На основании такой оценки руководству необходимо принять решение о необходимости корректировки механизма, выявить потребности в обучении и развитии, а также потребности в замене сотрудников и объявлении вакансии.

В данном исследовании авторами разработано 18 протоколов корректировки управленческих решений. Каждый протокол представляет собой варианты действий руководства в той или иной ситуации (рис. 3).



Рис. 3. Протоколы корректировки управленческих решений в адаптивном управлении человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации

Следуя указанным шагам, организации смогут оценить эффективность адаптивного управления человеческим капиталом в соответствии со своей стратегией цифровой трансформации, определить возможности для улучшения и принять обоснованные решения по оптимизации своего человеческого капитала для достижения цифрового успеха.

Интегрируя все вышеперечисленные элементы организационного механизма, организация может создать надежную основу для поддержки управленческих решений по управлению человеческим капиталом в рамках цифровой экосистемы. Такой подход позволяет принимать решения на основе данных, способствует вовлечению сотрудников и общей гибкости и конкурентоспособности организации.

Заключение

В статье изложен авторский экосистемно-компетентностный подход к адаптивному управлению человеческим капиталом, следуя которому организации могут вырастить гибкий, устойчивый и хорошо подготовленный человеческий капитал для процветания в эпоху цифровых технологий. Этот подход подчеркивает важность согласования компетенций с требованиями цифровой экосистемы, содействия непрерывному обучению и адаптации, а также использования взаимосвязанности экосистемы организации для стимулирования инноваций и успеха.

В работе сформулировано авторское определение цифровой адаптивности. Показано, что организации, обладающие цифровой адаптивностью, активно внедряют цифровые решения, улучшают свои бизнес-процессы с использованием данных и автоматизации, а также обеспечивают все большую гибкость в работе и принятии решений.

Акцент сделан на авторский организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации как один из основных управленческих инструментов поддержки решений в цифровой эпохе.

В целом организационный механизм адаптивного управления человеческим капиталом в цифровой экосистеме организации вращается вокруг согласования стратегии управления человеческим капиталом с цифровыми целями организации, приобретения и развития цифровых навыков, а также использования процессов принятия решений на основе данных. Приняв эти механизмы, организации смогут эффективно управлять своим человеческим капиталом и процветать в цифровую эпоху. Такой подход позволяет принимать решения на основе данных, способствует вовлечению сотрудников и общей гибкости и конкурентоспособности организации.

Внедряя адаптивное управление человеческим капиталом, организации могут создать гибкую, устойчивую и высокопроизводительную рабочую силу, способную процветать в постоянно меняющейся бизнес-среде. Этот подход делает упор на гибкость, инновации, непрерывное обучение и расширение прав и возможностей сотрудников для обеспечения успеха и конкурентоспособности организации.

Список источников

1. Каленов О.Е. Цифровые экосистемы организаций // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. Т. 19, № 1 (121). С. 139–147.
2. Взгляд на концепцию экономических экосистем в контексте цифровых трансформаций / А.А. Герасимова, О.С. Голованова, А.А. Богомолов, Н.Н. Масюк // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 93–99.
3. Масленников В.В., Ляндау Ю.В., Калинина И.А. Формирование системы цифрового управления организацией // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 6. С. 116–123.
4. Морозов М.А., Морозова Н.С. Цифровые экосистемы как инновационный формат организации бизнеса // Концепции и модели интенсификации предпринимательской деятельности: мировые, национальные и региональные тренды: матер. IX Междунар. науч. конгресса. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2021. С. 280–287.
5. Голованова О.С. Цифровая экосистема управления человеческим капиталом // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2021. Т. 17, № 3 (66). С. 17–20.
6. Кельчевская Н.Р., Ширинкина Е.В. Региональные детерминанты эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 2. С. 465–482.
7. Масюк Н.Н., Голованова О.С. Теоретико-методический подход к управлению человеческим капиталом в контексте требований цифровой эпохи // Теоретическая экономика. 2021. Т. 82, № 10. С. 71–84.
8. Staff recruitment in the digital Era / N.N. Masyuk, O.S. Pankova, M.A. Bushueva, A.E. Kiryanov // Proceedings of the 35th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Granada, Spain. 2 April. 2020.
9. Recruitment Software. URL: <https://www.getapp.com/hr-employee-management-software/recruitment/> (дата обращения: 28.08.2023).

10. Ширинкина Е.В. Трансформация принципов управления человеческим капиталом в условиях развития цифровой экономики // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29, № 1. С. 55–61.
11. Анализ развития регионального человеческого капитала за счет процесса инвестирования / Л.С. Мазелис, Е.Д. Емцева, К.И. Лавренюк, А.А. Красько // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 180–184.

References

1. Kalenov O.E. Digital ecosystems of organizations. *Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*. 2022; 19 (1 (121)): 139–147.
2. A look at the concept of economic ecosystems in the context of digital transformations / A.A. Gerasimova, O.S. Golovanova, A.A. Bogomolov, N.N. Masyuk. *Natural and Humanitarian Studies*. 2023; 6 (50): 93–99.
3. Maslennikov V.V., Lyandau Yu.V., Kalinina I.A. Formation of a digital management system for an organization. *Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*. 2019; (6): 116–123.
4. Morozov M.A., Morozova N.S. Digital ecosystems as an innovative format for business organization. *Concepts and models of intensification of entrepreneurial activity: global, national and regional trends: materials of the IX International Scientific Congress. Financial University under the Government of the Russian Federation*. Moscow; 2021. P. 280–287.
5. Golovanova O.S. Digital ecosystem of human capital management. *Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics*. 2021; 17 (3 (66)): 17–20.
6. Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V. Regional determinants of the effective use of human capital in the digital economy. *Economy of the Region*. 2019; 15 (2): 465–482.
7. Masyuk N.N., Golovanova O.S. Theoretical and methodological approach to human capital management in the context of the requirements of the digital era. *Theoretical Economics*. 2021; 82 (10): 71–84.
8. Staff recruitment in the digital Era / N.N. Masyuk, O.S. Pankova, M.A. Bushueva, A.E. Kiryanov. *Proceedings of the 35th International Business Information Management Association Conference (IBIMA)*. Granada, Spain. April 2. 2020.
9. Recruitment Software. URL: <https://www.getapp.com/hr-employee-management-software/recruitment/> (accessed date: 08.28.2023).
10. Shirinkina E.V. Transformation of the principles of human capital management in the context of the development of the digital economy. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2019; 29 (1): 55–61.
11. Analysis of the development of regional human capital through the investment process / L.S. Mazelis, E.D. Emtseva, K.I. Lavrenyuk, A.A. Krasko. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018; 7 (3 (24)): 180–184.

Информация об авторах:

Голованова Ольга Станиславовна, аспирант каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, mpp_s@mail.ru

Масюк Наталья Николаевна, д-р экон. наук, профессор, профессор каф. экономики и управления, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, masyukn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8055-8597>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/092-105>

Дата поступления:
20.02.2024

Одобрена после рецензирования:
20.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья

УДК 316.723

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/106-118>

Организационное поле присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке*

Соколова Дарья Андреевна

Резник Елена Валентиновна

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретической трактовки совокупности южнокорейских компаний, реализующих экономическую деятельность в Дальневосточном федеральном округе. Недостаточная изученность организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса в пространстве российского дальневосточного рынка не позволяет разработать мероприятия, направленные на его структуризацию, повышение эффективности южнокорейского предпринимательства в интересах дальневосточной экономики России. Цель исследования заключается в уточнении основных характеристик организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке на основе эмпирического анализа в рамках структурно-интеракционистской концепции теории полей. В результате исследования: 1) установлены факторы формирования и развития организационного поля южнокорейского бизнеса на Дальнем Востоке России; 2) определены основные структурные элементы поля; 3) уточнена степень сформированности организационного поля южнокорейского бизнеса и выявлены факторы его дальнейшей гомогенизации.

Ключевые слова: теория полей, организационное поле, южнокорейский бизнес, российский дальневосточный рынок.

Для цитирования: Соколова Д.А., Резник Е.В. Организационное поле присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/106-118>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке: корейского фонда «Korean Foundation» (This work was supported by Korean Foundation (Policy-Oriented Research Program, 2022)); Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZNS-2023-0016 «Устойчивое развитие региона: эффективные экономические механизмы организации рынков и предпринимательские компетенции населения в условиях неопределенности (баланс безопасности и риска)» (The study was funded by the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation, project number FZNS-2023-0016 "Sustainable Regional Development: Efficient Economic Mechanisms for Organizing Markets and Entrepreneurial Competencies of the Population under Uncertainty (Balancing Security and Risk)").

© Соколова Д.А., 2024

© Резник Е.В., 2024

Original article

Organizational field of the South Korean companies' presence in the Russian Far eastern market

Daria A. Sokolova

Elena V. Reznik

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The study is highly relevant as it provides a theoretical interpretation of South Korean companies' economic activities in the Far Eastern Federal District. By providing a comprehensive analysis, this study will contribute to the development of effective strategies for South Korean businesses in the region. Insufficient knowledge of the organizational field of South Korean businesses in the Russian Far Eastern market prevents the development of measures aimed at structuring it and increases the efficiency of South Korean entrepreneurship in the interests of the Far Eastern Russian economy. The study clarifies the main characteristics of the organizational field of South Korean businesses in the Russian Far Eastern market through empirical analysis within the framework of structural-interactionist concepts of field theory. The study results: 1) the factors for the formation and development of the organizational field of South Korean business in the Far East of Russia were established; 2) the main structural elements of the field were determined; 3) the degree of formation of the organization and the factors for further homogenization were clarified.*

Keywords: *the theory of fields, organizational field, the South Korean business, Russian Far Eastern market.*

For citation: *Sokolova D.A., Reznik E.V. Organizational field of the South Korean companies' presence in the Russian Far eastern market // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16. № 1. P. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/106-118>*

Введение

Экономика Республики Кореи – экономика «открытого рынка», позволяющая свободно инвестировать в зарубежные проекты, проводить активную географическую экспансию бизнеса, поэтому совместное предпринимательство с южнокорейским бизнесом рассматривается как одно из приоритетных направлений развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) [1]. В связи с этим особое значение приобретают исследования, направленные на изучение организационных форм присутствия южнокорейского бизнеса в российском дальневосточном бизнес-пространстве.

В качестве единицы анализа будем рассматривать организационное поле, формирующееся в процессе интернационализации южнокорейского бизнеса, территориально ограниченное рамками Приморского края. Исследование направлено на анализ проблемы теоретического обоснования и эмпирического подтверждения возможности применения теории полей применительно к процессам интернационализации бизнеса с целью повышения эффективности функционирования южнокорейских компаний на российском рынке. Представляет интерес как гносеологическая, так и предметная составляющие исследовательской проблемы. Предметная составляющая может быть сформулирована следующим образом. Недостаточная изученность организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке не позволяет понять закономерности его развития и разработать мероприятия, направ-

ленные на его структуризацию с целью повышения эффективности южнокорейского предпринимательства в интересах дальневосточной экономики России. Гносеологический аспект исследования направлен на оценку возможности применения теории полей для анализа процесса интернационализации иностранных компаний.

Цель исследования – эмпирическое подтверждение основных положений теории полей применительно к новому объекту – процессу интернационализации бизнеса и уточнение основных характеристик организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке в рамках структурной и интеракционистской концепции теории полей. Для достижения поставленной цели определен круг исследовательских задач: необходимо: 1) установить факторы формирования и развития организационного поля южнокорейского бизнеса на Дальнем Востоке России; 2) определить основные структурные элементы поля; 3) уточнить степень сформированности организационного поля южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке и выявить факторы его дальнейшей гомогенизации.

Итак, актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью теоретической трактовки совокупности южнокорейских компаний, реализующих экономическую деятельность в пространстве российского дальневосточного рынка, как организационного поля, а с другой – необходимостью эмпирического уточнения основных положений теории поля применительно к интернационализации бизнеса.

В основе исследования лежит метод case-study – интервьюирования топ-менеджеров и руководителей среднего звена ряда южнокорейских компаний, осуществляющих предпринимательскую деятельность в Дальневосточном федеральном округе.

Формирующееся организационное поле присутствия южнокорейского бизнеса на дальневосточном рынке будет рассмотрено в рамках теоретических основ экономической социологии в категориях мезоэкономики, актуализация которой отмечается на фоне господствующей до недавнего времени дихотомической парадигмы микро- и макроэкономики [2–8]. Как правило, феномен «мезоэкономика» используется как методологический инструмент для описания и моделирования процессов институционализации среды. Применительно к экономическим исследованиям существуют близкие по значению трактовки понятия мезоуровня, предлагаемые швейцарским профессором экономики К. Допфером [9, 10], немецким экономистом В. Элснером [11], канадским ученым К. Менардом [12]. Следуя трактовке К. Менарда, значимость мезоинституциональных структур, встраиваемых в более широкий контекст целостной институциональной среды в пространстве экономической деятельности, определяется необходимостью преодоления противоречий между «нисходящими» макроэкономическими стратегиями и «восходящими», устоявшимися неформальными нормами и правилами на микроуровне [12, с. 8].

В последние годы актуальность к проблематике организационных полей бизнес-взаимодействия резко возросла, о чем свидетельствует ряд публикаций

[13–23]. В своих исследованиях будем придерживаться интеракционистской концепции поля, где именно стратегии взаимодействия, а не объем и структура капитала, являются главным структурирующим фактором. Согласно данной концепции рассмотрим феномен поля:

– как «сконструированный социальный порядок мезоуровня», в котором коллективные акторы «взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых пониманий о предназначении данного поля» [23, с. 65];

– как «институционализированные арены взаимодействия, на которых акторы с различными организационными возможностями выстраивают своё поведение по отношению друг к другу» [21], где экономические агенты становятся полноправными акторами, которые «не только формируют структуру данного поля и создают правила его функционирования, а порождают другие поля» [17, с. 382];

– как «способ структурирования и институциализации» среды взаимодействия [16, с. 48].

Под взаимодействием понимаем динамические отношения, определяемые как позиционированием агентов в поле, так и непосредственными контактами между ними. Рассмотрим взаимодействие как социальный процесс, где «посредством коммуникативного действия при условии рациональности (экономическое действие) на основе устоявшихся коллективных поведенческих, организационных, управленческих паттернов вырабатываются коллективные смыслы и ценности, в соответствии с которыми актор соотносит и изменяет себя посредством рефлексивного действия» [24, с. 13].

Свои исследования основываем на концепции дуализма действия и структуры П. Бурдьё, на рекурсивном понимании действия Э. Гидденса, где действие может вести как к воспроизводству, так и к трансформации бизнес-сообщества [13, 25]. В рамках институциональной теории исследования организаций придерживаемся утверждения о том, что в условиях неопределенности на организации одного поля действуют силы изоморфизма, обеспечивающие гомогенизацию поля [26, 27].

Придерживаясь теоретических подходов П. Димаджио и У. Пауэлла, Р. Скотта и Д. Мейера, Н. Флигстина, в качестве структурных элементов поля будем анализировать «совокупность всех заинтересованных акторов» (relevant actors) [21, 22, 33], а именно совокупность разнопрофильных южнокорейских компаний, реализующих свой бизнес в дальневосточном бизнес-пространстве России, объединенных общим процессом интернационализации, и организаций, оказывающих содействие им в преодолении проблем адаптации в новых рыночных условиях.

Так как «... поля существуют лишь в той мере, в какой они институционально определены» и «... обнаружены на основе эмпирических исследований» [16, с. 37], для проблемно-ситуационного анализа южнокорейских компаний был применен инструментальный метод конкретных ситуаций (case-study), а именно метод открытых материалов (СМИ, Интернет) и метод описательных кейсов. В качестве анализируемых источников использованы глубинные полуструкту-

рированные интервью топ-менеджеров отделов продаж, маркетинга и руководителей высшего звена 19 южнокорейских компаний, работающих в Приморском крае. Выборка южнокорейских компаний носила целенаправленный характер. На основе общей информации о генеральной совокупности южнокорейских компаний, работающих в ДФО (в 2019–2022 гг. – в то время, когда проводились эмпирические исследования; по информации Корейского Агентства по содействию торговле и привлечению инвестиций (Korea Trade Promotion Agency – KOTRA), в Приморском крае работало порядка 50 компаний с участием южнокорейского капитала [28]), с целью повышения репрезентативности выборки были сформированы следующие требования к отбору анализируемых компаний: компании должны представлять различные сферы деятельности, максимально отражающие спектр южнокорейского бизнеса в ДФО; должны иметь различные способы входа на российский дальневосточный рынок и организационные формы присутствия на нем.

Основная часть

За годы делового сотрудничества сформировались следующие направления южнокорейского бизнеса на дальневосточном рынке России [29–33]: 1) туристский и гостиничный бизнес, где лидерами являются совместная туристская компания «МегаТур» и южнокорейская компания «Лотте Отель Владивосток»; 2) сельское хозяйство, где компания «LOTTE International Mikhailovka», занимающаяся выращиванием сои, овощей, рассады и животноводством, занимает одно из лидирующих мест в регионе; 3) рынок бытовой электроники, оргтехники и сотовых телефонов, где на долю компаний «Samsung», «LG» приходится более четверти объема продаж в Приморском крае; 4) рынок строительных и отделочных материалов; 40 % рынка продаж оконных профилей приходится на южнокорейскую компанию «LG Chem». Южнокорейская компания «LG Metapol Pipe» занимает практически весь рынок продаж металлопластиковых труб Приморского края; 5) рынок сбыта продуктов питания, ассортимент которого представлен более 200 наименованиями компаний «Lotte», «Orion», «Doshirak Food & Beverages», «Ottogi Foods», «CJ. Daesang», «Jin Yang Product», «Joeun Food», «Kukje Confectionary», «OKF», «Ottogi», «Samhwa Hanyang», «Samjin», «Shany», «Youngwoo», «Nong Shim», «Haitai Beverage»; 6) рынок сбыта косметики, товаров для обеспечения здорового образа жизни и бытовой химии «Coreana Cosmetics», «VOV», «LG Household and Healthcare» («LG H&H») и его официальный дистрибьютор во Владивостоке – «Норд-Косметик», водоочистители «Doonam Biotech» и его дистрибьютор компания «Кулмарт»; 7) рынок автотехники, где представлены южнокорейские компании «Hyundai Motor», «Daewoo», «SangYoung Motor» и «Kia», рынок автомобильных шин и автосервисной продукции компаний «Kumho», «Hancock», «Hyundai», «Daewoo», «SangYoung Motor», «Kia».

Южнокорейские компании в основном ориентированы на маркетинг, совместную предпринимательскую деятельность и в меньшей степени – на прямые инвестиции, создание собственных предприятий (рис. 1).



Рис. 1. Доля южнокорейских компаний с различными стратегическими ориентациями на рынке Приморского края

Прежде чем приступить к анализу организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке, необходимо уточнить факторы, способствующие формированию и развитию поля. Под факторами генезиса организационного поля будем понимать не столько совокупность материальных и нематериальных средств достижения экономических результатов, сколько возможности и условия для реализации бизнес-идей, разделив их на стратегические, тактические и эндогенные. Среди стратегических факторов респондентами отмечены следующие: 1) уникальность географического положения дальневосточного региона России, имеющего выход к двум океанам (78 % респондентов); 2) возможность эффективной логистики через северный морской путь, позволяющий значительно сократить «транспортное плечо» (79 %); 3) расположение региона от арктического до субтропического климатических поясов, что дает возможность для реализации широкого спектра бизнес-идей (47 %); 4) наличие огромных запасов ресурсов, большая часть которых еще не освоена, включая и рекреационные (49 %); 5) успешная реализация крупных инфраструктурных проектов (51 %); 6) значительный социально-экономический рост Дальневосточного федерального округа (38 %). Большинство респондентов рассматривают дальневосточный рынок как пробный «заход» на российский рынок, что подтверждается ответами на следующие вопросы: «Предполагаете ли Вы дальнейшее расширение бизнеса на территории Российской Федерации?» (47 % опрошенных ответили утвердительно «да», 38 % – «да», при благоприятных условиях); «Рассматриваете ли Вы дальневосточный рынок как пробный полигон для дальнейшего продвижения бизнеса в России?» (67 % ответили положительно).

К тактическим факторам респонденты относят: 1) эффективную деятельность дальневосточного представительства некоммерческой корейской организации КОТРА (98 %); 2) сложившиеся добрососедские отношения между Россией и Республикой Корея (41 %); 3) активный туристический обмен и надежду на его восстановление в послепандемный период (36 %); 4) значительное влияние

азиатской культуры на население Дальнего Востока России (53 %); 5) признание россиянами высокого качества корейских товаров, что значительно упрощает ведение бизнеса (62 %); 6) созданные благоприятные условия инвестирования и предпринимательства; 7) наличие развитой маркетинговой инфраструктуры в ДФО (27 %); 8) открытое взаимодействие представителей федеральных и региональных органов власти с бизнес-сообществом (21 %). Основным эндогенным фактором, объясняющим географическую экспансию южнокорейского бизнеса, – это рост производственного потенциала, превосходящий емкость национального рынка (49 %). Южнокорейские бизнесмены, как правило, рассматривают российский дальневосточный рынок как стартовый, опытный полигон для дальнейшего «выхода» бизнеса на весь рынок Российской Федерации (63 %).

Ответы респондентов на вопросы «В чем заключаются, на Ваш взгляд, конкурентные преимущества южнокорейских товаров на российском дальневосточном рынке?» и «Заинтересованы ли Вы в долгосрочном сотрудничестве с российскими дальневосточными компаниями?» позволяют утверждать, что основой формирования и развития организационного поля южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке являются конкуренция на основе высокого качества предлагаемой продукции по доступным ценам и кооперация с дальневосточным бизнесом. Все респонденты отмечают важность сетевого взаимодействия с местным бизнес-сообществом, что значительно упрощает процесс культурной и бизнес-адаптации. Сетевое взаимодействие, по мнению респондентов, позволяет получить дополнительные знания о рынке, понять и предсказать поведение потребителя без привлечения дополнительных маркетинговых исследований, а также способствует поиску новых партнеров и заключению более выгодных контрактов, повышает знания юридической и финансовой документации.

Респонденты оценивают российский Дальний Восток как территорию рискованного бизнеса. Практически для всех респондентов (87 %) риск «входа» на дальневосточный рынок ассоциируется с негативным опытом соотечественников, информация о котором быстро и широко распространяется. Южнокорейские предприниматели выбирают бизнес-стратегии, минимизирующие возможные инвестиционные потери, придерживаясь франчайзинговой формы взаимодействия с российскими дальневосточными филиалами. Выбирая франчайзинг бизнес-формата, южнокорейские предприниматели предоставляют права на использование бренда и очень редко – на систему организации и управления дочерней компанией. Как правило, владельцы франшизы сами разрабатывают маркетинговую стратегию (87 %), определяют систему продаж (69 %) и стиль обслуживания клиентов (58 %), принимают участие в выборе помещения (72 %) и подборе персонала (48 %), сопровождают разработку сайта (34 %), проводят обучение (51 %), участвуют в переговорах различного уровня (52 %).

В теории организационных полей значимая роль в процессе гомогенизации и структуризации поля отводится профессиональным и деловым ассоциациям, институтам профессиональной подготовки. В формирующемся поле южнокорейского бизнеса создано несколько коммуникативных площадок (Форум межрегионального сотрудничества, День корейского инвестора) и институтов (Россий-

ско-корейский инновационный центр в Республике Корея, офис Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта в Сеуле, представительство провинции Северной Кенсан во Владивостоке), основная деятельность которых направлена на организацию совместного российско-корейского бизнеса. К сожалению, большинство респондентов не знают об этих организациях (82 %). Среди тех, кто информирован об их существовании, никто не воспользовался их услугами при организации бизнеса на российском Дальнем Востоке. По мнению подавляющего большинства респондентов (94 %), наиболее значимой региональной координационно-информационной структурой является дальневосточное представительство некоммерческой корейской организации КОТРА, выполняющее роль координатора российско-корейского взаимодействия. КОТРА оказывает поддержку при поиске партнеров, периодически организует деловые встречи с представителями органов власти регионального и федерального уровня, помогает в решении ряда организационных вопросов в части подготовки деловой документации и правовой защищенности.

Авторам не удалось найти информацию о профессиональных ассоциациях южнокорейского (совместного российско-южнокорейского) бизнеса в Дальневосточном федеральном округе, возможно, они находятся на стадии формирования. Часть функционала профессиональных ассоциаций успешно выполняет КОТРА, но ее высококвалифицированные немногочисленные сотрудники не могут обеспечить устойчивость и развитие отдельных профессиональных сообществ поля на основе их специфичных организационных паттернов.

Немного лучше обстоит дело с институциями профессиональной подготовки. В Дальневосточном федеральном округе ряд университетов федерального и регионального уровня реализуют программы дополнительного образования, программы подготовки специалистов среднего и высшего управленческого звена в области международного бизнеса: Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Институт международного бизнеса, экономики и управления Владивостокского государственного университета, Международная школа бизнеса Тихоокеанского государственного университета. Анализ образовательных программ подтвердил их нацеленность на формирование специалистов, обладающих универсальными компетенциями, позволяющими компенсировать межкультурные расхождения в стилях ведения бизнеса и формирующими когнитивную основу, которая может быть рассмотрена как один из механизмов гомогенизации организационного поля взаимодействия дальневосточного и южнокорейского бизнеса.

Итак, среди основных коллективных акторов организационного поля южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке выделим:

- профессиональные поля взаимодействия;
- профессиональные и деловые ассоциации;
- центр информационного обеспечения организационного поля;
- институции профессиональной подготовки.

Коллективные акторы объединены единой целью – обеспечение эффективной интернационализации южнокорейского бизнеса на российском дальнево-

сточном рынке. На основе сформировавшегося в процессе исследования представления, подкрепленного теоретическим анализом и эмпирическими данными, была разработана модель организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке, которая была доработана после полученных замечаний и рекомендаций экспертов – сотрудников представительства КОТРА (г. Владивосток), Торгового представительства России в Республике Корея (г. Сеул) и Посольства РФ (г. Сеул).

Заключение

Проведенные эмпирические исследования показали, что теория полей вполне применима для исследования бизнес-взаимодействия в процессе интернационализации компаний. Она показала свою эффективность при структурно-интеракционистском анализе. Организационное поле, формирующееся в процессе интернационализации бизнеса, рассмотрено как взаимодействующая общность: 1) разнопрофильных компаний, реализующих бизнес в едином пространстве, преодолевающих схожие проблемы интернационализации; 2) организаций, оказывающих содействие им в преодолении проблем адаптации в новых рыночных условиях. В качестве одного из механизмов гомогенизации организационного поля, формирующегося в процессе интернационализации компаний, может рассматриваться франчайзинг бизнес-формата, направленный на структурный, процессуальный, поведенческий изоморфизм дочерних компаний.

Анализ организационного поля присутствия южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке позволил установить следующее:

1. Процесс географической экспансии южнокорейского бизнеса на российский дальневосточный рынок носит стратегический характер, где главной целью является закрепление и увеличение доли профильного рынка в надежде на скорую реализацию огромного потенциала Дальнего Востока России. Стремление к интернационализации южнокорейских компаний на российском рынке определяется наличием избыточных бизнес-мощностей в пределах национального рынка и желанием укрепить позиции на дальневосточном рынке как опытном полигоне при дальнейшем расширении бизнеса на весь российский рынок с целью получения дополнительной прибыли, повышения стабильности компании и усиления бренда.

2. В большей степени южнокорейские компании на российском дальневосточном рынке ориентированы на маркетинг, в меньшей степени – на прямые инвестиции и создание собственных предприятий.

3. Южнокорейские предприниматели при работе на дальневосточном рынке предпочитают холдинговую организационную структуру взаимодействия с «дочерними» компаниями, где «материнские» компании владеют большей частью или всем уставным капиталом и осуществляют контроль за деятельностью дочерних компаний.

4. Опираясь на полученные эмпирические данные, можем предположить, что организационное поле южнокорейского бизнеса находится на стадии формирования статусной иерархии, в каждом профессиональном сегменте поля определены компании лидеры, которые со временем могут сформировать статусную группу профессионального поля.

5. Дальнейшая гомогенизация организационного поля южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке будет способствовать его устойчивости и эффективному функционированию. В качестве основных механизмов гомогенизации, направленных на структурный, процессуальный, поведенческий изоморфизм поля, можно выделить следующие:

- широко представленный на дальневосточном рынке франчайзинговый формат взаимодействия с дочерними компаниями;
- дальневосточное представительство некоммерческой корейской организации КОТРА, которая на основе «групповой солидарности» [16] будет способствовать распространению определенных, наиболее эффективных в существующих условиях организационных моделей взаимодействия с российским бизнесом;
- развивающееся сетевое взаимодействие южнокорейских и дальневосточных компаний;
- центры формирования и распространения определенных организационных форм.

6. Отсутствие сформированных и активно функционирующих профессиональных ассоциаций может являться серьезной проблемой дальнейшего стабильного развития организационного поля южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке. Согласно концепции внутренних управленческих единиц Н. Флигстина именно профессиональные ассоциации обеспечивают стабильность и воспроизводство отдельных структурных единиц организационного поля, являются связывающим звеном организационного поля с внешними полями, способствуют разрешению как внешних, так и внутренних конфликтов [33].

В дальнейшем было бы интересно провести следующие исследования: 1) выполнить анализ динамики развития организационного поля; 2) определить критериальные характеристики каждой стадии развития организационного поля; 3) установить и описать механизмы стадийного перехода. Исследование процесса институционализации южнокорейского бизнеса на российском дальневосточном рынке, его взаимодействие с дальневосточными компаниями в аспекте формирования и развития организационного поля послужат основой для дальнейшей разработки инструментов управления бизнес-отношениями, направленными на долгосрочное и эффективное партнерство с южнокорейскими предпринимателями в интересах развития экономики Дальневосточного федерального округа.

Список источников

1. Бордачев Т. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok/> (дата обращения: 28.01.23).
2. Волынский А.И. Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // *Journal of Institutional Studies*. 2017. Т. 9, № 3. С. 36–49.
3. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Journal of Institutional Studies*. 2017. Т. 9, № 3. С. 7–23.
4. Кирдина-Чэндлер С.Г. Мезоэкономика как новое направление в экономической теории: состояние и перспективы. 2020. URL: https://www.inecon.org/docs/2020/Kirdina_Ekaterinburg_2020.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

5. Тарануха Ю.В. Макро- и микроэкономические исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 38, Вып. 2. С. 259–285.
6. Шаститко А.Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 5–25.
7. Круглова М.С. Теория мезоинститутов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 3. С. 49–57.
8. Вольнский А.И. Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама? // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 667–682.
9. Dopfer K. and Potts J. Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique // Journal of Institutional Economics. 2010. No. 6 (3). P. 401–413.
10. Dopfer K., Foster J. and Potts J. Micro-meso-macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. No. 14 (3). P. 263–279.
11. Elsner W. The process and a simple logic of 'meso'. Emergence and the coevolution of institutions and group size // Journal of Evolutionary Economics. 2009. No. 20 (3). P. 445–477.
12. Menard C. Research Frontiers in New Institutional Economics // Management Journal. 2018. No. 53 (1). P. 3–10.
13. Бурдьё П. Поле экономики // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / под ред. Н.А. Шматко. Москва: Изд-во Алетейя, 2005. С. 129–176.
14. Вебер М. Социологические категории хозяйствования // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / под ред. В.В. Радаева. Москва: Изд-во РОССПЭН, 2004. С. 59–81.
15. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / под ред. В.В. Радаева. Москва: Изд-во РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
16. ДиМаджио Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. № 1 (11). С. 34–56.
17. Радаев В.В. Экономическая социология. Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2005.
18. Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 115–128.
19. Радаев В.В. Современные экономико-социологические концепции рынка // В кн.: Радаев В. В., Добрякова М.С. Анализ рынков в современной экономической социологии. Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. С. 21–60.
20. Радаев В.В. Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле // Экономическая социология. 2009. № 10 (1). С. 19–56.
21. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. № 2 (4). С. 28–55.
22. Флигстин Н. Экономическая социология капитализма // Экономическая социология. 2007. Т.8, № 2. С. 41–60.
23. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей // Экономическая социология. 2022. Т. 23, № 1. С. 60–101.
24. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. Санкт-Петербург: Изд-во Наука, 2001.
25. Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2000. № 1. С. 147–179.

26. Scott W.R., Meyer J. The Organization of Societal Sectors. In: Meyer J., Scott W. R. (eds) *Organizational Environments: Ritual and Rationality*. Beverly Hills, CA: SAGE, 1983. P. 129–153.
27. Meyer D., Whittier N. Social Movement Spillover // *Social Problems*. 1994. No. 41 (2). P. 277–298.
28. КОТРА (2020, 2021, 2022). Available at: <http://kotra.ru/centr-podderzhki-korejskix-investorov-vo-vladivostoke> (accessed date: 20.01.23).
29. Центр развития региональной политики. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44055026-eksperty-sostavili-reyting-potentsiala-regionov-dfo> (дата обращения: 20.04.23).
30. Дальневосточное таможенное управление. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).
31. Деловой еженедельник «Конкурент». URL: www.konkurent.ru/ (дата обращения: 17.11.2023).
32. Деловой еженедельник «Эксперт». URL: www.expert.ru/ (дата обращения: 17.11.2023).
33. Флигстин Н. *Архитектура рынков. Экономическая социология капиталистических обществ XXI века*. Москва: Изд-во ГУ Высшей школы экономики, 2013.

References

1. Bordachev T. Russia's turn to the East: between choice and necessity. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok/> (accessed date: 28.01.23).
2. Volynsky A.I. Mezroven as a research object in the economic literature of modern Russia. *Journal of Institutional Studies*. 2017; 9 (3): 36–49.
3. Kirdina-Chandler S.G., Maevsky V.I. Methodological questions of meso-level analysis in economics. *Journal of Institutional Studies*. 2017; 9 (3): 7–23.
4. Kirdina-Chandler S.G. Meso-economics as a new direction in economic theory: state and perspectives. 2020. URL: https://www.inecon.org/docs/2020/Kirdina_Ekaterinburg_2020.pdf (accessed date: 20.09.2023).
5. Taranukha Yu.V. Macro- and microeconomic research. *Bulletin of St. Petersburg University. Series: Economics*. 2022; 38 (2): 259–285.
6. Shastitko A.E. Mesoinstituts: multiplication of entities or development of the economic research program? *Economic issues*. 2019; (5): 5–25.
7. Kruglova M.S. The theory of mesoinstituts by Claude Menard and its use in institutional design. *Journal of Institutional Research*. 2018; 10 (3): 49–57.
8. Volynsky A.I. Mesoreven in economic research: the need or future victim of Occam's razor? *Actual problems of economics and law*. 2020; 14 (4): 667–682.
9. Dopfer K. and Potts J. Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique. *Journal of Institutional Economics*. 2010; 6 (3): 401–413.
10. Dopfer K., Foster J. и Potts J. Micro-meso-macro. *Journal of Evolutionary Economics*. 2004; 14 (3): 263–279.
11. Elsner V. Process and simple logic of "meso". Emergence and coevolution of institutions and group size. *Journal of Evolutionary Economics*. 2009; 20 (3): 445–477.
12. Menard S. Boundaries of research in the new institutional economy. *Journal of Management*. 2018; 53 (1): 3–10.
13. Bourdieu P. Field of Economics // Bourdieu P. Social space: fields and practices / ed. N.A. Shmatko. Moscow: Publishing House of Aleteya; 2005. P. 129–176.
14. Weber M. Sociological categories of management. *Western economic sociology: a text-book of modern classics / edited by V.V. Radaev*. Moscow: ROSSPEN Publishing House; 2004. P. 59–81.

15. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of rootedness. *Western economic sociology: a textbook of modern classics / edited by V.V. Radaev*. Moscow: ROSSPEN Publishing House; 2004. P. 131–158.
16. DiMaggio J., Powell W.W. New view of the "iron cell": institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Economic sociology*. 2010; 1 (11): 34–56.
17. Radaev V.V. Economic sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2005.
18. Radaev V.V. What is the market: economic and sociological approach. *Social sciences and modernity*. 2007; (3): 115–128.
19. Radaev V.V. Modern economic and sociological concepts of the market. In book: Radaev V.V., Dobryakova M.S. Market analysis in modern economic sociology. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2007. P. 21–60.
20. Radaev V.V. Economic struggle and social ties: the structure of competitive relations in the new Russian retail. *Economic sociology*. 2009; 10 (1): 19–56.
21. Outstee N. Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends. *Economic sociology*. 2001; 2 (4): 28–55.
22. Outstee N. Economic sociology of capitalism. *Economic sociology*. 2007; 8 (2): 41–60.
23. Fligstee N., Macadam D. Field Theory. *Economic Sociology*. 2022; 23 (1): 60–101.
24. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / trans. From German under. ed. D.V. Sklyadneva. St. Petersburg: Publishing House Science; 2001.
25. Klimov I.A. Sociological concept of Anthony Giddens. *Sociological journal*. 2000; (1): 147–179.
26. Scott W.R., Meyer J. The Organization of Societal Sectors. In: Meyer J., Scott W.R. (eds) Organizational Environments: Ritual and Rationality. Beverly Hills, CA: SAGE; 1983. P. 129–153.
27. Meyer D., Whittier N. Social Movement Spillover. *Social Problems*. 1994; 41 (2): 277–298.
28. KOTRA (2020, 2021, 2022). Available at: <http://kotra.ru/centr-podderzhki-korejskix-investorov-vo-vladivostoke> (accessed date: 20.01.23).
29. Regional Policy Development Center. URL: <https://finance.rambler.ru/other/44055026-eksperty-sostavili-reyting-potentsiala-regionov-dfo> (accessed date: 20.04.23).
30. Far Eastern Customs Administration. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (accessed date: 10.12.2023).
31. Business weekly "Competitor". URL: www.konkurent.ru/ (accessed date: 17.11.2023).
32. Business weekly "Expert". URL: www.expert.ru/ (accessed date: 17.11.2023).
33. Outstee N. Market architecture. Economic sociology of capitalist societies of the 21st century. Moscow: Publishing House of the State University of the Higher School of Economics; 2013.

Информация об авторах:

Соколова Дарья Андреевна, канд. социол. наук, доцент, доцент департамента Менеджмента и предпринимательства, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, sokolova.dand@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2941-7937>

Резник Елена Валентиновна, канд. экон. наук, доцент, доцент департамента Менеджмента и предпринимательства, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, reznik.eva@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2444-0524>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/106-118>

Дата поступления:
28.02.2024

Одобрена после рецензирования:
01.03.2024

Принята к публикации:
05.03.2024

.....

Юридические науки

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 119–131
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 119–131

Научная статья
УДК 347.61/64
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/119-131>

Правовая природа функционирования бэби-боксов в России и мире

Пурге Анна Роландовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Предметом изучения в настоящей статье является значение применения бэби-боксов в контексте реализации конституционного права ребенка на жизнь. В Конвенции о правах ребенка 1989 г. закреплена обязанность каждого государства, являющегося ее членом, по обеспечению максимально возможной степени выживания детей на их территории. Россия, будучи по сей день участником данной Конвенции, а также иных международно-правовых актов, приняла на себя обязательства привести свое национальное законодательство в соответствие с международными принципами и предписаниями в сфере защиты прав и интересов ребенка. Целью работы можно сформулировать проведение анализа основных технических и юридических принципов функционирования бэби-боксов в различных государствах мира, включая Россию. Методологическая основа исследования представлена совокупностью таких методов научного познания объективной правовой действительности, примененных в ходе подготовки и написания, как: всеобщий диалектический, логический, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический. Результатом работы выступают представленные критерии обоснования технических и юридических условий применения и функционирования бэби-боксов. Полученные выводы с учетом анализа исторического и сравнительного развития рассматриваемых отношений могут послужить основанием для внесения изменений в действующее российское законодательство.*

***Ключевые слова:** ребенок, право на жизнь, родитель, анонимность, бэби-бокс, убийство новорожденного, усыновление, приемная семья, функционирование, применение, законодательство.*

***Для цитирования:** Пурге А.Р. Правовая природа функционирования бэби-боксов в России и мире // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 119–131. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/119-131>*

.....

Law sciences

.....

Original article

The legal nature of the functioning of the baby box in Russia and in the world

Anna R. Purge

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

© Пурге А.Р., 2024

Abstract. *The subject of the study in the article is the significance of the use of baby box in the context of the realization of the constitutional right of the child to life. The 1989 Convention on the Rights of the Child establishes the obligation of each member State to ensure the maximum possible degree of children survival on their territory. Russia, being to this day a party to this Convention, as well as other international legal acts, has undertaken obligations to bring its national legislation into line with international principles and regulations in the field of protection of the rights and interests of the child. The purpose of the work is to analyse the basic technical and legal principles of the functioning of baby boxes in various countries of the world, including Russia. The methodological basis of this study is represented by a set of such methods of scientific cognition of objective legal reality, applied during preparation and writing, as: universal dialectical, logical, statistical, comparative legal and formal legal. The result of the work is the presented criteria for justification the technical and legal conditions of application and functioning of baby boxes. The conclusions obtained, taking into account the analysis of the historical and comparative development of the relations under consideration, can serve as a basis for making changes to the current Russian legislation.*

Keywords: *child, right to life, parent, anonymity, baby box, newborn murder, adoption, foster family, functioning, application, legislation.*

For citation: *Purge A.R. The legal nature of the functioning of the baby box in Russia and in the world // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 119–131. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/119-131>*

Введение

Вопрос о понятии бэби-бокса как юридической категории остается на сегодняшний день малоразработанным в отечественной и зарубежной правовой доктрине, несмотря на то, что сам механизм отказа родителей от ребенка и своих родительских прав в отношении него не является чем-то принципиально новым для объективной правовой действительности. История практики внедрения и функционирования бэби-боксов в России и мире достаточно длительна.

Так, в науке распространена позиция о том, что впервые прообраз современных бэби-боксов, предназначенный для приема новорожденных детей, подкинутых их родителями, был установлен еще на базе госпиталя Святого Духа, расположенного на территории Ватикана в 1198 г. [1, с. 332]. Незадолго до этого Папа Римский Иннокентий III узнал, что рыбаки часто вытаскивают сетями из реки Тибр тела убитых новорожденных детей, и поэтому по его решению на базе указанного госпиталя было организовано специальное отделение на 600 мест для новорожденных детей, родители которых хотели от них отказаться. Прообраз бэби-боксов, функционирующий в рассматриваемый период времени, получил название «коляска для подкидыша» («foundling wheel»); представлял собой специальное устройство в виде колыбели, вмонтированной в наружную стену госпиталя Святого Духа. Когда родитель ребенка опускал в такую колыбель новорожденного младенца, под тяжестью его веса она поворачивалась внутрь помещения госпиталя, после чего звонил звонок, который уведомлял медицинский персонал о том, что в колыбель был помещен новорожденный младенец. Несколько позднее аналогичными специальными устройствами были также оборудованы и многие церкви в Ватикане. За счет функционирования таких «колясок для подкидышей» одновременно обеспечивалось право женщины на тайну частной жизни (в рассматриваемый период времени это было крайне важным, так как, например, рождение ребенка вне брачной связи считалось позором и нака-

зывалось жестокими физическими наказаниями), а также сохранялась жизнь новорожденного ребенка [1, с. 333].

В XVIII в. в различных странах Западной Европы и России стали открываться воспитательные дома, на базе которых родители могли анонимно оставить новорожденного ребенка, в том случае, если в силу тяжелых жизненных обстоятельств они не могли самостоятельно его воспитывать и содержать. Так, например, при Императорском московском воспитательном доме был создан Секретно-родильный госпиталь, где обездоленным женщинам на условиях сохранения полной анонимности оказывалась помощь во время родов, если это требовалось, а также дозволялось оставить младенца в специально оборудованной колыбели, опять же без раскрытия информации о своей личности (обратим внимание, что размер колыбели позволял оставить младенца в возрасте до двух лет). Новорожденный младенец, помещенный в колыбель, в последующем попадал в специально созданное отделение под названием «Крестовое отделение», выполняющее по сути функции приемного покоя детей, где он осматривался, омывался, передавался на попечение няням-кормилицам. В последующем ребенок воспитывался на базе Императорского московского воспитательного дома до 16 лет, осваивал школьную грамоту и в дальнейшем получал медицинское образование. На протяжении всего периода пребывания на базе Императорского московского воспитательного дома подкинутый ребенок не должен был знать о своих биологических родителях, даже если они не стали сохранять анонимность. Аналогичные учреждения от имени государства функционировали в рассматриваемый период времени не только на территории ряда стран Западной Европы (в частности, Германии, Италии), но и на других континентах мира, в том числе в Америке, континентальной Африке, Азии [2, с. 21, 22].

Так, например, в Германии подобное специально оборудованное устройство было установлено на базе детского приюта, территориально расположенного в г. Гамбурге, в 1709 г., однако уже в 1712 г. руководство приюта было вынуждено отказаться от его использования, поскольку число спасенных за счет помещения в него новорожденных детей значительно превышало количество свободных мест на его базе [2, с. 23].

Во Франции специально оборудованные устройства получили наименование «вертушки для подкидышей» («tours d'abandon, abandonment wheel»). Фактически они стали функционировать на базе приютов с 1638 г., но узаконены были только в 1811 г. Однако уже в 1863 г. в силу нестабильности экономики государства руководство Франции было вынуждено принять решение о их повсеместной ликвидации. Практика использования так называемых «вертушек для подкидышей» начиная с лета 1904 г. была заменена на практику функционирования специальных приемных отделений, созданных на базе государственных родительных домов, где женщина, сохраняя свою анонимность, может родить ребенка и отказаться от своих родительских прав в отношении него, оставив ребенка там же [2, с. 24].

На территории Бразилии и Португалии специально оборудованные устройства получили название «вертушки для брошенных на произвол судьбы» («roda dos expostos») и стали широко применяться с мая 1783 г., после того как королева

Мария I своим указом объявила об обязательном создании в каждом городе госпиталя для беспризорных детей (именно на их базе и функционировали данные устройства). Практика применения данных госпиталей была упразднена лишь в июне 1949 г., после того как было решено, что их использование противоречит международным принципам защиты прав детей и является неэтичным [2, с. 25].

Основная часть

История практики функционирования бэби-боксов в различных странах мира, в том числе и в России, наглядно демонстрирует, что их работа осуществлялась с учетом приблизительно одних и тех же правовых принципов и технических характеристик самого устройства. В свою очередь, в некоторых странах и в настоящее время на базе государственных медицинских учреждений детского профиля и на базе государственных учреждений, предназначенных для пребывания детей (речь идет о так называемых детских домах, реабилитационных центрах), устанавливаются и функционируют специально оборудованные устройства, позволяющие женщинам (да и мужчинам) при условии сохранения своей полной анонимности и обеспечении безопасности жизни и здоровья новорожденного ребенка оставить последнего в нем. Технически алгоритм работы таких устройств в различных странах мира, включая Россию, один и тот же. С учетом анализа научной литературы [3, с. 110–116; 4, с. 1138–1141; 5, с. 67–70; 6, с. 531–533] специально оборудованное устройство и его принцип функционирования можно представить следующим образом:

- может иметь различную конструкцию: либо некий «сейф» с двумя дверцами с разных сторон (со стороны улицы и со стороны учреждения), с вентиляцией и благоприятной для тела новорожденного ребенка температурой внутри, либо некий «аквариум», имеющий лишь одну дверцу-приемник для ребенка со стороны улицы;

- месторасположение должно быть либо на базе государственного (применительно к России – также на базе муниципального) медицинского учреждения, предназначенного для лечения детей, либо на базе государственного (применительно к России – также на базе муниципального) учреждения, предназначенного для пребывания детей (например, детского дома, приюта, реабилитационного центра), при условии постоянного, непрерывного присутствия в нем медицинского сотрудника;

- должно быть расположено со стороны здания соответствующего учреждения, где отсутствует видеонаблюдение или же окна, в целях обеспечения сохранности анонимности и конфиденциальности лица, принесшего ребенка и оставившего его в бэби-боксе, для исключения любой малейшей возможности привлечения последнего к юридической ответственности;

- рядом должны быть размещены информационные стенды, плакаты, содержащие сведения о том, где женщина, мать ребенка, попавшая в тяжелую жизненную ситуацию, может получить юридическую помощь, финансово-материальную помощь;

- через 30 с с момента помещения ребенка в бэби-бокс и закрытия дверцы происходит ее блокировка, в виду чего со стороны улицы ее больше нельзя открыть. Незамедлительно после этого на пульт дежурного врача поступает сигнал о том, что в приемнике бэби-бокса находится ребенок. Дежурный врач немед-

ленно спускается в приемное отделение и регистрирует факт поступления ребенка в медицинское или иное учреждение;

– при поступлении новорожденного ребенка через бэби-бокс в медицинское или иное учреждение его осматривают высококвалифицированные специалисты на предмет наличия у него каких-либо телесных повреждений, травм, а также в целях диагностики общего состояния здоровья;

– при поступлении новорожденного ребенка через бэби-бокс в медицинское или иное учреждение направляется соответствующая телефонограмма в территориальный отдел полиции, территориальный отдел органов опеки и попечительства (или их аналоги, если речь идет о зарубежных странах);

– национальным законодательством того государства, на территории которого применяется бэби-бокс, должна быть гарантирована возможность матери или отца восстановить свои родительские права в отношении новорожденного ребенка по результатам проведенной генетической экспертизы (ДНК-экспертизы) до момента его усыновления приемными родителями.

Несмотря на то, что и сегодня основные технические и юридические принципы функционирования бэби-боксов в различных государствах мира, включая Россию, весьма схожи, единообразного взгляда ученых-правоведов по вопросу определения понятия «бэби-бокс» нет по сей день. Например, Р.М. Саттаров под бэби-боксами (автор еще именуется их «окнами жизни») предлагает понимать «приемник детей, предназначенный для матерей, которые в силу различных причин не могут позаботиться о ребенке и хотят сохранить свою анонимность» [7, с. 1236]. Однако, на наш взгляд, в такой авторской формулировке определение понятия «бэби-бокс» не охватывает его специфические технические характеристики (нет точного описания самого специально оборудованного устройства, алгоритма его работы), а также не отражает его юридико-социальное предназначение (нет указания на обеспечение охраны и защиты конституционно провозглашенного права каждого ребенка на жизнь, на обеспечение охраны и защиты права биологических матерей на их частную жизнь). Представляется, что в такой формулировке определение искомой категории не может быть рекомендовано к закреплению на легальном уровне.

В свою очередь, Т.О. Арчакова под термином «бэби-бокс» предлагает понимать «инкубатор, встроенный в стену здания, как правило, больницы, который мать открывает снаружи в целях анонимного помещения своего новорожденного ребенка, а персонал – изнутри» [8, с. 105]. По нашему мнению, в приведенном автором определении понятия «бэби-бокс» его существенные технические характеристики описаны лишь частично, а указание на юридико-социальное предназначение данного специально оборудованного устройства и вовсе отсутствует. Полагаем, что и в такой формулировке понятие «бэби-бокс» не может быть рекомендовано к закреплению на законодательном уровне.

А.Д. Махнина определяет понятие «бэби-бокс» как «специально оборудованное место для анонимного отказа от ребенка и передачи его на попечительство государственным службам и органам» [9, с. 38]. Очевидно, что автор лишь обобщенно указала в определении на непосредственно технические характеристики бэби-боксов, не раскрыв их, а также крайне узко обозначила его юридико-

социальное предназначение: в действительности оно не исчерпывается лишь процессом передачи новорожденного ребенка от матери, не желающей его более воспитывать, под опеку государства, а охватывает собой множество и иных целей (например, профилактику детоубийств новорожденных их матерями, профилактику жестокого обращения родителей с нежеланными и нелюбимыми детьми в процессе их воспитания). Соответственно, и это авторское определение понятия «бэби-бокс» нельзя назвать полным и точным.

В целом отметим, что разрозненность авторских взглядов по данному вопросу предопределена отчасти и отсутствием легального определения понятия «бэби-бокс» в национальном законодательстве различных государств. Более того, специально оборудованное устройство в юридической практике разных стран именуется по-разному. Так, как правило, специально оборудованное устройство именуется «бэби-бокс» (например, в Латвии, Чехии) или «бэбиклаппэ» (например, в Германии), или «бэби-хатч» (например, в Австрии, Венгрии), однако есть и другие варианты, в частности «электронная колыбель» (например, в Индии), «колыбель аиста» (например, в Японии), «безопасное гнездо» (например, в Словакии), «бэби-контейнер» (например, в странах Африки) [10, с. 56]. Технически все это представляет собой одно и то же специально оборудованное устройство, имеющее особое юридико-социальное предназначение, выраженное, собственно, в следующем:

1. Обеспечение охраны и защиты конституционно провозглашённого права ребенка на жизнь. Профилактика и предупреждение совершения детоубийств новорожденных со стороны их матерей.

Конституции практически всех стран мира, включая Россию, провозглашают право каждого человека, в том числе и каждого ребенка, на жизнь, а государство, в свою очередь, обязано предпринимать всевозможные меры, направленные на его обеспечение, охрану и защиту. Одной из таких мер и выступает легализованная в ряде стран (или прямо не запрещенная, как в России) возможность анонимного оставления матерью своего новорожденного ребенка в бэби-боксах, если она в силу тяжелых жизненных обстоятельств не может самостоятельно осуществлять обязанности по содержанию и воспитанию своего ребенка. Именно такая возможность в нынешних реалиях зачастую становится единственной альтернативой убийству новорожденного ребенка или оставлению его в опасности (например, в мусорном баке, на улице, в подъезде), так как психоэмоциональное состояние матери в период новорожденности ребенка (в российской медицинской практике этот срок составляет 4 недели (28 суток) с момента его рождения [11, с. 53]) крайне нестабильно и, как отмечает В.А. Якупова, может привести к возникновению реактивной послеродовой депрессии [12, с. 12].

В медицине подчеркивается, что реактивное развитие послеродовой депрессии (как неконтролируемого биохимического (гормонального) процесса) у матери может спровоцировать совершение ею самоубийства, убийства новорожденного ребенка или сподвигнуть на иные импульсивные поступки (например, отказаться от ребенка, оставить его в опасности) [13, с. 294–299], что учитывается рядом законодателей мира при уголовно-правовой квалификации ее действий в рассматриваемый период времени. Так, например, российский законодатель, учи-

тывая подавленное психическое и эмоциональное состояние матери, недавно родившей ребенка, совершенное ею убийство новорожденного с позиции уголовно-правовой квалификации расценивает как привилегированный состав преступления (ст. 106 УК РФ) [14], что позволяет привлекать мать к менее строгой уголовной ответственности (максимально допустимое законом наказание – лишение свободы сроком до 5 лет). Аналогичные правила квалификации убийства матерью своего новорожденного ребёнка предусмотрены в положениях действующего уголовного законодательства ряда других государств мира, в частности: в ст. 149 Уголовного кодекса Польши (максимально допустимое законом наказание – лишение свободы сроком до 5 лет) [15], в ст. 100 Уголовного кодекса Республики Казахстан (максимально допустимое наказание – лишение свободы сроком до 4 лет) [16].

Соответственно, бэби-бокс при пребывании матери новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации может стать единственным возможным способом удержать ее от совершения радикальных действий по отношению к своему ребенку, которые могут привести к его летальному исходу. Специально оборудованное устройство в силу собственных технических характеристик является абсолютно безопасным и комфортным для краткосрочного пребывания в нем младенца (они оснащены современной вентиляционной системой, в них поддерживается необходимая температура, само место является мягким и удобным), что исключает малейшую угрозу жизни и здоровью ребенка. Разумеется, использование бэби-боксов, к сожалению, не может полностью нивелировать существующую во всем мире проблему детоубийств матерями новорожденных в силу неконтролируемых процессов, происходящих в этот период времени в психике матери, дестабилизирующих ее поведение. Однако, даже если их применение позволит спасти хотя бы одну детскую жизнь, их повсеместное внедрение в России и иных странах видится нам целесообразным и необходимым, тем более что статистика во всем мире свидетельствует о том, что бэби-боксы за годы своего использования помогли сохранить не одну детскую жизнь. Так, например, к 2019 г. в России было спасено 200 детей [17], а в Чехии – 260 младенцев [18], к 2023 г. в Латвии – 56 [19], к 2017 г. в Японии – 130 [20].

2. Профилактика и предупреждение совершения жестокого обращения со стороны родителей в отношении нежеланных и нелюбимых детей.

Рождение нежеланного и нелюбимого ребенка в тяжелых жизненных обстоятельствах зачастую провоцирует родителей на жестокое обращение с ним. Так, по статистическим данным Комитета ООН по правам ребенка, опубликованным в отчетном докладе в 2020 г., ежегодно каждый второй ребенок в мире (т.е. приблизительно 1 млрд детей) подвергается домашнему насилию [21]. В свою очередь, согласно статистическим данным, собранным на базе Следственного комитета РФ, только за минувший 2022 г. в российские суды было направлено 10 745 уголовных дел о преступлениях насильственного характера, совершенных в отношении несовершеннолетних [22]. В той же Японии по состоянию на конец 2016 г., согласно отчетным статистическим данным, от жестокого обращения со стороны родителей в стране погибло 44 ребёнка (среди них 27 детей в возрасте до одного года, или 61,4 %) [20].

При этом жестокое обращение может быть связано не только непосредственно с физическими наказаниями, но и с иными действиями, подрывающими здоровье ребенка и его психологическое состояние, например: выставление голым на мороз, отсутствие теплой одежды по сезону, наказание голодом, постоянные оскорбления и унижения. Так, например, в Карпинске Свердловской области мать морила новорожденную дочь голодом, держала закрытой в шкафу на протяжении нескольких месяцев, о чем стало известно только в октябре 2020 г. Причиной для такого жестокого обращения с ребенком со стороны матери стал уход его отца из семьи и тяжелое финансовое положение [23]. В другом случае, Мурашинский районный суд Кировской области установил, что несовершеннолетний ребенок, помимо систематических избиений, также подвергался со стороны матери и дяди унижениям в виде оскорблений [24].

Соответственно, бэби-бокс при пребывании матери новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей и тяжелой жизненной ситуации может стать единственным возможным способом избавить его в дальнейшем от жестокого обращения с ее стороны и со стороны его отца. Более того, новорожденный ребенок, помещенный в бэби-бокс, в последующем может быть усыновлен благополучной приемной семьей, мечтавшей стать родителями, способной обеспечить ему достойный уровень жизни, образования, обеспечить атмосферу любви и заботу, что является, безусловно, полезным для его психологического и физиологического развития.

3. Обеспечение охраны и защиты права биологической матери новорожденного ребенка на частную жизнь.

Безусловно, мать, находящаяся в тяжелой жизненной ситуации или в условиях психотравмирующего стресса, испытывает стыд и страх перед общественным порицанием даже за самую мысль о желании оставить ребенка. В особенности это касается несовершеннолетних матерей, которые всячески стремятся скрыть факт беременности и родов как от учителей и родителей, так и от сверстников. Так, например, в 2019 г. в Ростове-на-Дону шестнадцатилетняя девочка, чьи родители не были осведомлены о факте ее беременности, так как она скрывала ее за мешковатой одеждой, родив ребенка, выбросила его в унитаз, в результате чего ребенок погиб [25]. Полагаем, что аналогичных случаев можно было бы избежать за счет расширения практики использования бэби-боксов, поскольку любая женщина, родившая ребенка, в том числе и та, что не достигла совершеннолетнего возраста, может анонимно, не разглашая данных о собственной личности, оставить своего новорожденного ребенка в бэби-боксе, что существенно отличается от процедуры «официального» отказа от родительских прав в отношении ребенка, регламентированной в национальном законодательстве различных стран мира, при которой личность матери должна быть установлена (в частности, ст. 69–70 Семейного кодекса РФ [26], § 871 Гражданского кодекса Чехии [27] и др.). Сохранение анонимности матери (родителя) позволяет обеспечить сохранность тайны ее частной жизни и, как следствие, избежать общественного осуждения, которому очень часто подвергается родитель, находящийся в тяжелой жизненной ситуации, принявший решение передать ребенка под опеку государства. Это является крайне важным, так как, и без того нахо-

дьясь в условиях психотравмирующей ситуации, мать новорожденного ребенка, столкнувшись с осуждением общества, может принять опростраченное и импульсивное решение о суициде, а законом она не лишена возможности передумать и вернуть себе ребенка при условии установления родственной связи по результатам проведения генетической ДНК-экспертизы.

4. Предоставление реальной возможности усыновления (удочерения) новорожденных детей, оставленных в бэби-боксах, семьям, желающим стать родителями, но не способным в силу болезней репродуктивной системы зачать и родить ребенка естественным путем.

Согласно экспертным оценкам, основанным на анализе отчетных, статистических данных, в мире сегодня проживает около 48,5 млн бесплодных пар. В России около 15% супружеских пар не могут иметь детей в силу болезней репродуктивной системы; аналогичные показатели характерны и для Америки [28]. При этом многие из бесплодных семейных пар решаются на усыновление (удочерение), однако в подавляющем большинстве взять в приемную семью хотят или новорожденного ребенка, или младенца в возрасте до трех лет, при этом, согласно отчетным данным, в 2021 г. только 34% семей в России, стоящих на учете в органах опеки и попечительства как желающие усыновить (удочерить) ребенка, сделали это, так как количество таких семей превышает число новорожденных и годовалых детей [29]. Спасение жизни нежеланных новорожденных детей за счет помещения их матерями в бэби-боксы приведет к увеличению численности новорожденных детей, поступающих на пребывание в государственные учреждения, что поможет лицам, готовящимся усыновить (удочерить) ребенка, значительно быстрее стать родителями.

Заключение

История практики применения бэби-боксов в мире берет свое начало с 1198 г., когда на базе госпиталя Святого Духа в г. Ватикан была создана и функционировала специальная «колыбель для подкидышей». В последующем более усовершенствованные «колыбели для подкидышей» были легализованы и стали применяться на практике в XVIII в. в ряде стран Западной Европы (например, Германии, Франции, Бразилии и Португалии) на базе религиозных учреждений, детских приютов, госпиталей, а также в России на базе Императорского московского воспитательного дома. Между тем, несмотря на достаточно давнюю историю появления прообразов современных бэби-боксов в мире, единообразного взгляда ученых-правоведов относительно определения понятия «бэби-бокс» в настоящее время нет. Отчасти это может быть обусловлено и отсутствием легального определения понятия «бэби-бокс» в национальном законодательстве тех стран мира, где их функционирование разрешено или прямо не запрещено.

Проведенный нами научный анализ существующих авторских определений бэби-боксов показал их несовершенство и несостоятельность. Так, в формулировке некоторых из них не учитываются технические характеристики бэби-боксов как специально оборудованных устройств, в других – их юридико-социальное предназначение, выраженное в обеспечении охраны и защиты конституционно провозглашенного права ребенка на жизнь, права биологической матери ребенка на сохранность тайны частной жизни, профилактики и предупреждения дето-

убийства и жестокого обращения родителей с детьми, а также в обеспечении интересов потенциальных усыновителей.

В этой связи были сформулированы критерии понятия «бэби-бокс», согласно которым: бэби-бокс – это специальное устройство, технически представляющее собой некую конструкцию (коробку), оснащенную двумя дверцами с разных сторон (со стороны улицы и внутри со стороны медицинского/иногo государственного учреждения, предназначенного для временного пребывания и содержания детей), с вентиляцией и благоприятной для тела новорожденного ребенка температурой внутри, полностью безопасное для его жизни и здоровья, оборудованное сигналом оповещения медицинского персонала о помещении новорожденного ребенка, обязанного его осмотреть и уведомить органы полиции о его поступлении, расположенное со стороны здания соответствующего учреждения вне зоны видеонаблюдения, предназначенное для обеспечения возможности анонимного оставления матерью своего новорожденного ребенка в целях последующей передачи его государственным органам опеки и попечительства, функционирование которого направлено на охрану и защиту конституционно провозглашенного права ребенка на жизнь, права биологической матери на неприкосновенность частной жизни, на профилактику детоубийства и жестокого обращения родителей с детьми, а также на обеспечение интересов потенциальных усыновителей. С учетом сформулированных критериев целесообразно внести в российское законодательство нормы, посвященные правовому регулированию функционирования бэби-бокса.

Список источников

1. Chapman C. Italy introduces baby boxes to save the lives of abandoned newborn babies // *Journal Br. Med.* 2020. № 332 (75). P. 332–335.
2. Альбицкий В.Ю. Императорский московский воспитательный дом как центр охраны здоровья детей в Российской Империи (1813–1917 гг.). Москва, 2011. 207 с.
3. Данилова И.С. Применение системы «беби-боксов» в Российской Федерации: теория и практика правоприменения // *Мудрый юрист.* 2023. № 12. С. 110–116.
4. Карелина Е.М. К вопросу об использовании бэби-боксов в России // *Экономика и социум.* 2017. № 5-2 (36). С. 1138–1141.
5. Кондрашова М.А. Институт «Бэби-боксов» для новорожденных как один из способов осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2016. № 3 (110). С. 67–70.
6. Ролдугин А.В. «Бэби-боксы» («Окна жизни») как один из подходов к спасению детей в трудных жизненных ситуациях: опыт России // *Молодой ученый.* 2017. № 7 (141). С. 531–533.
7. Сатгаров Р.М. Правовые и этические аспекты мировой практики использования беби-боксов // *Актуальные проблемы современной медицины и фармации.* 2023. № 43. С. 1235–1239.
8. Арчакова Т.О. Практики анонимного оставления новорожденного ребенка в Европе и США: многообразие подходов // *Социальная психология и общество.* 2012. № 4. С. 103–115.
9. Махнина А.Д. Правовые аспекты применения «бэби-бокс» на территории Российской Федерации // *Вестник Курганского государственного университета.* 2020. № 21. С. 38, 39.

10. Устинова Н.В. Международный опыт профилактики жестокого обращения с новорожденными детьми // Российский педиатрический журнал. 2019. № 1. С. 55–60.
11. Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2021. 136 с.
12. Якупова В.А. Роль психологических и физиологических условий материнства в развитии послеродовой депрессии // Российский психологический журнал. 2018. № 1. С. 8–23.
13. Захарова И.Н. Влияет ли послеродовая депрессия матери на здоровье и развитие ребенка? // Педиатрия. Приложение к журналу Consilium Medicum. 2022. № 4. С. 294–299.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред. от 25.12.2023 № 641-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lsaxy9b39254375387
15. Уголовный кодекс Республики Польша: Закон Республики Польша от 06.06.1997 (посл. ред. от 01.08.2001). URL: <https://constitutions.ru/?p=29233&ysclid=lsay7gvf4274734471>
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (посл. ред. от 23.12.23 № 50-VIII). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252
17. Оксана Пушкина рассказала, сколько детей были спасены благодаря бэби-боксам. URL: <https://ria.ru/20191107/1560683927.html?ysclid=ls8btx4rno342038665>
18. Чехия: уже 260-й ребенок помещен в бэби-боксы для нежеланных детей. URL: <https://www.voiceofeurope.com/ru/%D1%87%D0%B5%D1%85%D0%B8%D1%8F>
19. С 2009 года в бэби-боксах в Латвии оставлено 56 детей. URL: <https://nasha.la.lv/s-2009-goda-v-bebi-boksah-ostavleno-56-detey>
20. Приёмник для подкидышей в Кумамото: итоги 10 лет существования. URL: <https://rvs.su/statia/priyomnik-dlya-podkidyshey-v-kumamoto-itogi-10-let-sushchestvovaniya?ysclid=lsaza9ty2u173449945>
21. О положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год: доклад Комитета ООН по правам ребенка от 25.06.2020. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/violence-prevention/global-status-report-on-violence-against-children-2020>
22. Следственный комитет РФ: в России выросло число преступлений против детей. URL: <https://rg.ru/2022/12/07/opasnaia-rodnia.html?ysclid=ls9uhtia2c3389276>
23. Сестренка из кладовки. Мать полгода прятала новорожденную дочку в шкафу и морила голодом. URL: <https://www.kp.ru/daily/217193.5/4302171/?ysclid=lsb0iqeocp295547485>
24. Приговор Мурашинского районного суда Кировской области № 1-3/2023 1-76/2022 от 21 декабря 2022 г. по делу № 1-3/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/c2hRuAavDvbd/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=
25. В Ростове-на-Дону 16-летняя девушка родила ребенка и выбросила его в туалете. URL: <https://rg.ru/2019/03/22/reg-ufo/na-donu-16-letniaia-devushka-rodila-rebenka-i-vybrosila-ego-v-tualete.html?ysclid=lsb1epdqpo197528832>
26. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2023 № 407-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=ls8a5pkdgi12013691
27. Гражданский кодекс Республики Чехии: Закон Республики Чехии от 03.02.2012 № 89/2012. URL: <https://constitutions.ru/?p=29224&ysclid=lsb1paiuy1159989421>

28. Бесплодие в России и в мире. URL: <https://reprobank.ru/novosti/stati/besplodie-v-rossii>
29. Российское сиротство в цифрах исследования. URL: <https://irsu.info/2022/06/20-stat/?ysclid=lsb2tl3zz7414624516>

References

1. Chapman C. Italy introduces baby boxes to save the lives of abandoned newborn babies. *Journal Br. Med.* 2020; 332 (75): 332–335.
2. Albitsky V.Yu. The Imperial Moscow Orphanage as a center for child health protection in the Russian Empire (1813–1917). Moscow; 2011. 207 p.
3. Danilova I.S. Application of the "baby boxes" system in the Russian Federation: theory and practice of law enforcement. *Wise Lawyer.* 2023; (12): 110–116.
4. Karelina E.M. On the use of baby boxes in Russia. *Economics and society.* 2017; 5-2 (36): 1138–1141.
5. Kondrashova M.A. The Institute of "Baby boxes" for newborns as one of the ways to exercise family rights and fulfill duties. *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2016; 3 (110): 67–70.
6. Roldugin, A.V. "Baby boxes" ("Windows of life") as one of the approaches to saving children in difficult life situations: the experience of Russia. *Young Scientist.* 2017; 7 (141): 531–533.
7. Sattarov R.M. Legal and ethical aspects of the world practice of using baby boxes. *Actual problems of modern medicine and pharmacy.* 2023; (43): 1235–1239.
8. Archakova T.O. The practice of anonymous abandonment of a newborn child in Europe and the USA: a variety of approaches. *Social psychology and society.* 2012; (4): 103–115.
9. Makhnina A.D. Legal aspects of the use of "baby box" on the territory of the Russian Federation. *Bulletin of the Kurgan State University.* 2020; (21): 38, 39.
10. Ustinova N.V. International experience in the prevention of abuse of newborn children. *Russian Pediatric Journal.* 2019; (1): 55–60.
11. Popov A.N. Criminal and legal characteristics of the crime provided for in Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation "Murder by the mother of a newborn child": textbook. St. Petersburg; 2021. 136 p.
12. Yakupova V.A. The role of psychological and physiological conditions of motherhood in the development of postpartum depression. *Russian Psychological Journal.* 2018; (1): 8–23.
13. Zakharova I.N. Does postpartum depression of the mother affect the health and development of the child? *Pediatrics. Appendix to the journal Consilium Medicum.* 2022; (4): 294–299.
14. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 06.13.1996 (post-ed. dated 12.25.2023 No. 641-FZ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lsaxy9b39254375387
15. Criminal Code of the Republic of Poland: The Law of the Republic of Poland dated 06.06.1997 (post-ed. dated 01.08.2001). URL: <https://constitutions.ru/?p=29233&ysclid=lsay7gvf4274734471>
16. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Law of the Republic of Kazakhstan dated 07.03.2014 No. 226-V (post-ed. dated December 23, 23 No. 50-VIII). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252
17. Oksana Pushkina told how many children were saved thanks to baby boxes. URL: <https://ria.ru/20191107/1560683927.html?ysclid=ls8bt4rno342038665>
18. Czech Republic: The 260th child has already been placed in baby boxes for unwanted children. URL: <https://www.voiceofeurope.com/ru/%D1%87%D0%B5%D1%85%D0%B8%D1%8F>

19. Since 2009, 56 children have been left in baby boxes in Latvia. URL: <https://nasha.la.lv/s-2009-goda-v-bebi-boksah-ostavleno-56-detey>
20. Foundling receiver in Kumamoto: the results of 10 years of existence. URL: <https://rvs.su/statia/priyomnik-dlya-podkidyshey-v-kumamoto-itogi-10-let-sushchestvovaniya?ysclid=lsaza9ty2u173449945>
21. On the state of affairs in the world in the field of violence against children in 2020: report of the UN Committee on the Rights of the Child dated 06.25.2020. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/violence-prevention/global-status-report-on-violence-against-children-2020>
22. Investigative Committee of the Russian Federation: the number of crimes against children has increased in Russia. URL: <https://rg.ru/2022/12/07/opasnaia-rodnia.html?ysclid=ls9uhtia2c3389276>
23. Little sister from the pantry. The mother hid her newborn daughter in the closet for six months and starved her. URL: <https://www.kp.ru/daily/217193.5/4302171/?ysclid=lsb0iqeocp295547485>
24. Verdict of the Murashinsky district court of the Kirov region No. 1-3/2023 1-76/2022 dated December 21, 2022 in case No. 1-3/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/c2hRuAavDvbd/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=
25. In Rostov-on-Don, a 16-year-old girl gave birth to a child and threw it in the toilet. URL: <https://rg.ru/2019/03/22/reg-ufo/na-donu-16-letniaia-devushka-rodila-rebenka-i-vybrosila-ego-v-tualete.html?ysclid=lsb1epdqpo197528832>
26. The Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ of 12.29.1995 (post-ed. dated 07.31.2023 No. 407-FZ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=ls8a5pkdgj12013691
27. The Civil Code of the Republic of the Czech Republic: Law of the Republic of the Czech Republic dated 02.03.2012 No. 89/2012. – URL: <https://constitutions.ru/?p=29224&ysclid=lsb1pauiy1159989421>
28. Infertility in Russia and in the world. – URL: <https://reprobank.ru/novosti/stati/besplodie-v-rossii>
29. Russian orphanhood in the figures of the study. URL: <https://irsu.info/2022/06/20/-stat/?ysclid=lsb2tl3zz7414624516>

Информация об авторе:

Пурге Анна Роландовна, канд. юрид. наук, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, anna.purge@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/119-131>

Дата поступления:
12.02.2024

Одобрена после рецензирования:
19.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья
УДК 347.61/64
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/132-145>

Генезис развития неустойки как обеспечительной меры в доктрине и праве России: историко-теоретический аспект

Вронская Мария Владимировна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Ретроспективный анализ норм о неустойке свидетельствует о долговременном, поступательном развитии отечественного института неустойки, норм, регулирующих ее использование в качестве обеспечительной меры. Огромным шагом в развитии отечественного института неустойки как способа обеспечения исполнения обязательства стало принятие нового Гражданского кодекса (ГК) РФ 1994 г., а также внесение в него ряда изменений в 2015 г., после чего данный кодифицированный акт представил развернутую, целостную характеристику неустойки как обеспечительной меры, сформулировал ряд принципиально новых, связанных с ней положений и принципов. Несмотря на этот позитивный шаг, научно-теоретические споры относительно правовой природы неустойки остаются неразрешенными, что отягощает ее уяснение и применение на практике, поскольку правовые позиции правоприменителя не устойчивы, нет опоры ни на научность осмысления данного института, ни на законодательные положения. Предметом исследования являются гражданско-правовые нормы источников российского права, научно-теоретические достижения авторов цивилистической мысли в части формулирования учений о юридической природе неустойки. Результатом исследования стали авторские выводы об иной природе неустойки, ее превентивном характере, направленном на обеспечение договорной дисциплины участников гражданских правоотношений. Полученные выводы с учетом анализа исторического и сравнительного развития рассматриваемых отношений могут послужить основанием для внесения изменений в действующее российское законодательство.*

***Ключевые слова:** неустойка, генезис, ретроспектива, обеспечение обязательств, ответственность, договорная дисциплина, превентивная мера, защита кредитора*

***Для цитирования:** Вронская М.В. Генезис развития неустойки как обеспечительной меры в доктрине и праве России: историко-теоретический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1 С. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/132-145>.*

Original article

The genesis of the development of penalties as an interim measure in the doctrine and law of Russia: historical and theoretical aspect

Maria V. Vronskaya

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** A retrospective analysis of the norms of penalties indicates the long-term, progressive development of the domestic institution of penalties and the rules governing its use as an interim measure. A huge step in the development of the domestic institution of penalties as a way of ensuring the*

© Вронская М.В., 2024

fulfillment of an obligation became the adoption of the new Civil Code of the Russian Federation in 1994, as well as the introduction of a number of amendments to it in 2015, after which this codified act presented a detailed, holistic description of the penalty as a provisional measure, formulated a number of fundamentally new guidelines and principles related to it. Despite this positive step, scientific and theoretical disputes regarding the legal nature of the penalty remain unresolved, which makes it difficult to understand and apply it in practice, since the legal positions of the law enforcer are not stable, there is no support either for the scientific understanding of this institution or for legislative provisions. The subject of the research is the civil law norms of the Russian law sources, the scientific and theoretical achievements of the authors of civil law in terms of formulating doctrines about the legal nature of the penalty. The result of the study was the author's conclusions about the different nature of the penalty, its preventive nature, aimed at ensuring contractual discipline of participants in civil legal relations. The conclusions obtained, taking into account the analysis of the historical and comparative development of the relations under consideration, can serve as the basis for making changes to the current Russian legislation.

Keywords: *penalty, genesis, retrospective, securing obligations, liability, contractual discipline, preventive measure, creditor protection.*

For citation: *Vronskaya M.V. The genesis of the development of penalties as an interim measure in the doctrine and law of Russia: historical and theoretical aspect // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/132-145>*

Введение

Изучение истории становления любого правового института позволяет не только определить генезис и поступательность развития, но и предсказать тенденции дальнейшего совершенствования. С точки зрения С.С. Сухорукова, «понимание и знание реальных предпосылок, источников института неустойки дает возможность оценить правильность толкования норм, а также вероятность возникновения неясностей, которые могут послужить основой для построения теорий, разрушающих существо гражданско-правовых отношений, регулируемых нормами ГК РФ» [1, с. 247].

Говоря о недоработках современного законодательства, регулирующего неустойку как обеспечительную меру, считаем необходимым указать на не вполне удачные, с нашей точки зрения, формулировки некоторых норм ГК РФ, о которых упоминается в юридической литературе. Данное обстоятельство, наряду с общетеоретическими проблемами и недостаточностью уяснения исторического пути развития неустойки в российских источниках права, отягощает правоприменение последнего, влечет нарушение баланса имущественных интересов должника и кредитора. Известно, что язык права является языком официального документа, в котором непосредственно выражается воля законодателя по определенным вопросам, имеющим материальное воплощение в печатной форме. Именно способность законодателя грамотно формулировать ту или иную норму позволяет ясно довести волю законодателя до адресата. В сфере юридической деятельности, особенно в сфере правотворчества, эта способность лиц, вовлеченных в процесс нормотворчества, играет немаловажную роль. От точности тех или иных формулировок, их грамотности зависит правоприменительная деятельность, восприятие закона обществом и уяснение цели и смысла законодательного регулирования. Основываясь на подходе специалистов в области юридической техники, на ее законах, думается, действительная формулировка п. 1

ст. 330 ГК РФ, не вполне удачна. Вместо «неустойка подлежит уплате независимо от наличия убытков кредитора» (п. 2 ст. 330 ГК РФ) целесообразнее использовать следующую формулировку: «неустойка не подлежит уплате в отсутствие ответственности должника за нарушение обязательства». Эти и другие проблемы научно-исторического и практико-прикладного характера определили научный интерес к ретроспективному исследованию института неустойки.

Целью исследования выступает определение основ и тенденций развития института неустойки в российских источниках и цивилистических учениях в контексте формулирования новых ценностных подходов к уяснению функциональности неустойки на современном этапе.

Методологической основой научного исследования стали всеобщие (анализ, обобщение) и частноправовые, формально-юридические приемы. Использование исторического метода позволило выявить преемственность регулирования, эволюцию института неустойки. Использование догматического метода (юридического, формально-юридического, формально-логического, юридико-логического, метода толкования права) позволило выявить точное значение правовых норм, регулирующих неустойку в гражданском обороте.

Основная часть

Исследование эволюции института неустойки следует начинать с того, что его зарождение традиционно привязывается к нормам римского права, которые в качестве способов обеспечения исполнения обязательства предусматривали «систему правовых средств, стимулирующих должника к исполнению его прямых обязанностей» [2, с. 70]. В Древнем Риме неустойка именовалась «*stipulatio roepae*». Слово «*roepae*», собственно, обозначало неустойку (от лат. – кара, наказание), а «*stipulatio*» – устную форму, в которой заключалось соглашение. Иначе говоря, под неустойкой в римском праве понималось условное соглашение, которым стороны подразумевали возложение на лицо, которое нарушило обязательство, обязанности по уплате штрафа в пользу пострадавшей стороны. Следует отметить, что требовать и взыскания неустойки, и исполнения обязательства в натуре римский закон запрещал. Не разрешалось требовать одновременно неустойку и возмещение убытков. Об этом писал известный российский ученый-правовед М.Я. Пергамент: «данное правило имело и обратное применение: при требовании исполнения обязательства в натуре кредитор не мог дополнительно требовать взыскание неустойки. Иначе говоря, кредитор всегда стоял перед выбором какого-то одного последствия: или взыскание, или исполнение» [3, с. 108]. Следует заметить, что римское право изначально относилось к принудительному исполнению обязательства не слишком благоприятно, а сама неустойка носила лишь косвенный характер, придавая заключаемым договорам надежность и уверенность в том, что договор будет исполнен. Целью такого договора римские юристы устанавливали меры давления в отношении должника и обеспечение исполнения основного обязательства [4, с. 380]. Важным моментом при определении неустойки и возникновении обязанности по ее уплате являлся установленный факт ответственности должника за нарушение соглашения. Наиболее активно неустойка стала применяться в византийский период развития

римского права. Объясняется это ростом числа нарушений, связанных с исполнением договоров. Со временем в римском праве получил закрепление принцип, согласно которому «договор ничего не значит, если в нем нет условия о штрафе (неустойке)» [1, с. 247].

С течением времени неустойка меняла свою правовую форму, что в значительной мере определялось общественными условиями. На самом раннем этапе становления института неустойки в законе уже имели место конструкции, которые можно назвать предшественниками современной неустойки. С точки зрения Ю.В. Долматовой, в Древние и Средние века исследование источников права не позволяло разграничить сферу действия штрафа и неустойки [5, с. 12]. Чуть позднее неустойка обозначалась уже как способ обеспечения исполнения обязательств и именно в таком виде применялась в российском и европейском законодательстве.

Вообще термин «неустойка» по своему происхождению считается старославянским, произошедшим от глагола «устоять». Еще во времена Древней Руси «устойкой» называли исполнение обещания (обязательства), а неустойкой – его нарушение и последствие нарушения. В таком виде данный термин употреблялся в XVII–XVIII вв. Первые упоминания о пене и штрафе содержатся в своде законов – «Русской Правде», Псковской Судной грамоте, Судебнике 1497 и 1550 гг. и Соборном уложении 1649 г. [1, с. 248].

Отдельным этапом в истории гражданского законодательства о неустойке стало принятие Судебника 1550 г., который впервые закрепил положение о пених и штрафах, исчислявшихся в денежной форме и предусмотренных за неисполнение договоров. Такие пени могли быть взысканы в случае незаконного обогащения должностного лица, причем пеню предписывалось выплатить в трехкратном размере от того, что удалось незаконно получить лихоимцу. Судебники 1497 и 1550 гг. содержали положения, по которым кредитор мог получить денежные средства в размере, определяемом с учетом его принадлежности к тому или иному сословию.

С принятием Соборного уложения 1649 г. пеня и штраф как разновидности неустойки стали применяться весьма широко. Как правило, менее суровым характером обладала пеня, и назначение неустойки в это время носило обеспечительный характер судебных решений.

Зарождение договорного института неустойки приходится на первую треть XVIII в., когда она впервые была применена в торговой практике [6, с. 105, 106]. На этом этапе неустойкой стали именовать факты неисправности должника и последствия, возникшие в связи с неисполнением договорных условий. Развитие рыночных отношений в европейских странах, усложнение договорного права сформировали множество подходов к решению вопроса о применении неустойки. Например, Свод законов Российской Империи 1833 г. придерживался кумулятивной (штрафной) позиции применения неустойки. При этом оплата полной стоимости неустойки не влекла за собой изменение или отмену права кредитора на полное возмещение убытков и сохранение права требования исполнения обязательства. Заметим, в это время не приходится говорить о праве должника на ходатайство перед судом об уменьшении размера неустойки.

Особое внимание изучению неустойки и смежных с ней институтов уделяли выдающиеся отечественные цивилисты, например К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич, И.А. Покровский. Например, «Курс гражданского права» 1896 г. К.П. Победоносцева содержит отдельную главу об обязательствах и об ответственности за их неисполнение, в том числе об институте неустойки, которую автор характеризует как достижение отечественного гражданского права, способствующее решению целого ряда проблем, связанных с возмещением вреда. С точки зрения Г.Ф. Шершеневича, «обязательства, не исполненные надлежащим образом, наносят существенный имущественный вред и должны нивелироваться обеспечительными мерами, в том числе неустойкой, «значение которой в регулировании гражданско-правовых отношений переоценить невозможно» [7, с. 107].

Глобально российское дореволюционное право в делах, связанных с неустойкой, защищало исключительно права кредитора, в то время как должник выплачивал неустойку, которая выполняла исключительно карательную функцию. Такой подход к применению неустойки объяснялся тенденцией закона того времени, который обязывал стороны исполнять договор буквально, не допуская нарушения принятых сторонами обязательств. Законодателя того времени не заботила мысль о балансе интересов сторон или, например, вопросы экономической целесообразности. Гораздо важнее было соблюсти условие соглашения.

В конце XVIII – начале XIX в. на законодательном уровне получила закрепление норма о законной неустойке. Первым ее предусмотрел Устав о банкротях 1800 г. Его нормами должник обязывался выплатить неустойку в размере 3 % от размера всего неоплаченного капитала в случае несвоевременно внесенного по договору платежа.

Важно отметить, что в соотношении с исполнением основного долга неустойка впервые была представлена в проекте Российского гражданского уложения (далее – Проект), который был принят в 1814 г. Обращение к трудам классиков отечественной цивилистики, в частности М.Я. Пергамента, позволяет отметить мысль автора, полагающего, что параграф 45 Проекта в его первоначальном виде был составлен по образцу Французского гражданского кодекса или Прусского земского права (§ 293 и 311), где в соотношении закреплялись нормы о неустойке и основном долге [3, с. 254]. Однако современники исследователя высказывали на этот счет некоторые сомнения, склоняясь к тому, что нормы Проекта о неустойке были заимствованы из австрийского права. Прежде всего, в российское гражданское право из права австрийского перекочевали правила, позволявшие рассмотреть неустойку в соотношении с требованием исполнить главное обязательство по договору. Вплоть до 1832 г. эти требования одновременно не рассматривались, законодатель устанавливал либо обязанность по уплате неустойки, либо по уплате основного долга. Данное кумулятивное требование в России стало использоваться, начиная с 1833 г. Его отмена задумывалась в Гражданском уложении 1905 г., точнее в его проекте (далее – Проект 1905 г.), но оно так и не было принято, хотя в Проекте этого акта имели место несколько норм, разъясняющих данный вопрос.

Статья 1602 Проекта 1905 г. гласит: «Соглашение о неустойке независимо от ее суммы должно быть удостоверено на письме» [8]. Статья 1603 Проекта защищает права должника в том случае, если неисполнение обязательства произошло не по его вине. Статья 1605 Проекта достаточно четко объясняет правила взыскания неустойки или убытков в зависимости от указанных или неуказанных в договоре условий. Например, веритель (кредитор), принявший ненадлежащее исполнение обязательства, должен был признаваться отказавшимся от неустойки. Статья 1606 Проекта устанавливает возможность выбора кредитором или исполнением обязательства, или уплаты неустойки. В отношении вопроса о снижении (уменьшении) неустойки в Проекте содержится указание для суда: «в случае чрезмерного преувеличения суммы, приняв во внимание интересы кредитора, вынести такое решение» (ст. 1607). Следует заметить, что, несмотря на то, что Проект так и не вступил в силу, многие его черты были отражены как в дореволюционном, так и в советском законодательстве. Проект Гражданского уложения 1913 г., в частности ст. 1601, под неустойкой подразумевал денежную сумму, подлежащую уплате должником, который допустил нарушение договорного обязательства. В то же время ряд других статей, а именно ст. 1601 и 1608 данного акта, допускали реализацию неустойки в денежной форме в том случае, если задаток или отступное прописывались в договоре не в денежной сумме.

Обобщая дореволюционный период развития законодательства о неустойке, можно сделать вывод о том, что законодательство о неустойке на данном этапе своего развития имело карательную направленность и не рассматривало баланс интересов сторон или экономическую выгоду. Главным принципом применения неустойки был принцип наказания должника за то, что он не исполнил договор буквально. Надо сказать, такой подход сохранялся в российском гражданском праве до 1917 г. Неустойку субъекты гражданского оборота и суды назначали только в карательных целях [9].

В отношении сочетания неустойки и убытков советское законодательство закрепило право выбора для кредитора. Появился термин «штрафная» неустойка, который подразумевал кумулятивный (совокупный) принцип полного возмещения убытков и неустойки за одно нарушение. Статья 141 ГК РСФСР 1922 г. определяла неустойку как денежную сумму либо другую имущественную ценность, подлежащую передаче одним субъектом договора другому.

Данным законодательным актом предусматривалась альтернативность в отношении убытков и неустойки. Так, в Примечании № 1 к ст. 141 ГК РСФСР 1922 г. было указано: «Одновременное взыскание убытков и неустойки допускается лишь в случаях, особо указанных в законе или договоре». В статье 142 ГК РСФСР 1922 г. также было сказано, что «в случае чрезмерной величины неустойки, по сравнению с реальным ущербом, по просьбе должника суд может снизить неустойку». При этом суд обязан был учитывать любой имущественный или неимущественный интерес кредитора, степень выполнения обязательства и имущественное положение обеих сторон.

Следующим этапом в становлении отечественного законодательства о неустойке стал ГК РСФСР 1964 г. (далее – Кодекс). В отношении вопроса о неустойке

Кодекс копировал соответствующие статьи ГК РСФСР 1922 г., т.е. по Кодексу взыскание неустойки не освобождало должника от исполнения обязательства в натуре. Подавляющее большинство обязательств советских предприятий того времени обеспечивались неустойкой. Характерной особенностью договорных отношений между предприятиями в советское время являлось наличие неустойки как обязательного условия договора под условие ничтожности последнего в случае отсутствия в тексте договора положений о неустойке. В связи с этим есть все основания считать, что в советский период договорные отношения между предприятиями определяла обязанность уплаты неустойки стороной, не исполнившей обязательства либо исполнившей их ненадлежащим образом.

В своих трудах выдающийся цивилист-исследователь О.С. Иоффе, проводя в советские годы исследование понятия и назначения неустойки, отмечал отсутствие легальной дефиниции, при том что неустойка как правовой инструмент подležала применению, однако формально закреплялись лишь ее разновидности (пени и штраф), имеющие только организационное описание, отличающее их по способу расчета [10, с. 542].

Обращение к нормативно-правовым актам, регулировавшим институт неустойки до 1994 г., установило, что на данном временном промежутке, анализируемому институту законодатель не уделял большого внимания, ограничиваясь лишь формальным порядком исчисления в одной статье (ст. 68 Основ гражданского законодательства Союза ССР 1991 г. и союзных республик (далее – Основы) [11]. Надо сказать, что развитие отечественного гражданского законодательства, отраженное в Гражданских кодексах 1922 и 1964 гг., в целом соответствовало тому, как отношения по неустойке развивались в XIX в. в дореволюционном праве. Однако ситуация изменилась с принятием Гражданского кодекса РФ 1994 г., благодаря которому на законодательном уровне получили закрепление: понятие неустойки (ст. 330 ГК РФ); форма соглашения о неустойке, а также последствия ее несоблюдения (ст. 331 ГК РФ); понятие законной неустойки и условия ее применения (ст. 332 ГК РФ); правила уменьшения размера неустойки (ст. 333 ГК РФ).

Вопросы практической реализации норм о неустойке, закрепленных в ст. 330–333 ГК РФ, не составляют предмет настоящей статьи, однако, характеризуя особенности правового регулирования неустойки на современном этапе, нельзя не отметить то, что нормы о неустойке содержатся одновременно в двух главах ГК РФ. Это связано с ее двойственной правовой природой: возможностью служить способом обеспечения исполнения обязательств, следуя нормам ст. 329–333 ГК РФ, и мерой гражданско-правовой ответственности (ст. 394 ГК РФ). Данное свойство неустойки подчеркнуто законодателем, который закрепил статьи о неустойке сразу в 23-й и 25-й главах ГК РФ. Рассматривать неустойку можно и как способ защиты нарушенных прав, т.е. с позиции ст. 12 ГК РФ, и в порядке ст. 207 ГК РФ, определяющей неустойку как дополнительное требование. Непосредственно правовая дефиниция неустойки закреплена в ст. 330 ГК РФ, по смыслу которой неустойкой (штрафом, пеней) является определенная в законе либо договоре денежная сумма, подлежащая к уплате должником креди-

тору за неисполнение или ненадлежащее исполнение первым обязательства, в частности в случае просрочки его исполнения.

Вопрос о правовом регулировании неустойки на современном этапе развития российского гражданского законодательства следует осуществлять с опорой на нормы ст. 330–333 ГК РФ и доктринальные теоретические представления, раскрывающие сущность неустойки. Принимая во внимание то, что неустойка является одной из обеспечительных мер, перечисленных в ст. 329 ГК РФ, считаем необходимым дать общую характеристику этим мерам с позиции доктрины, что позволит составить наиболее четкое представление о ее сущности.

К.А. Кирсанов, Г.Ф. Шершеневич в своих трудах не усматривают двойственного характера неустойки, определяя ее назначение в качестве обеспечительной меры, что, на наш взгляд, согласуется с действовавшим на тот период времени учением о неустойке и порядком ее применения, однако упрощает ее смысл и назначение в современный период [12, с. 106].

Согласно другому подходу, неустойкой следует считать штраф либо пеню, которая исчисляется в известной заранее установленной денежной сумме, обязанность уплатить которую возложена на должника в лице стороны договора, не исполнившего исправно взятые на себя обязательства [13]. Согласно утверждению Д.И. Мейера, неустойка – это не только денежное обязательство, но и передача того или иного вида имущества либо совершение должником в пользу кредитора определенного действия [14, с. 178].

В отличие от легального определения неустойки единого представления о ее правовой природе в науке гражданского права не выработано. Неоднократно подчеркивая двойственность характера неустойки, одни авторы склонны приближать ее к мерам ответственности, а другие – к способу обеспечения исполнения обязательств [15]. Среди цивилистов имеет место мнение о том, что неустойку нельзя понимать иначе, как меру гражданско-правовой ответственности, как санкцию [16, с. 129]. С точки зрения А.В. Степанюка, «по своей природе неустойка – дополнительная санкция, применяемая за неисполнение или недобросовестное исполнение обязательства, помимо общего наказания в виде возмещения причиненного ущерба (убытков) (ст. 393 ГК РФ)» [17, с. 308]. При этом автор делает акцент на том, что у санкций имеются имущественные последствия, которые предполагают возможность заинтересованной стороны путем применения этих санкций уменьшить или же полностью компенсировать потери, которые понес кредитор вследствие неисполнения обязательства должником. Если должник отказался выплатить неустойку добровольно, кредитор вправе обратиться с требованием о ее взыскании в судебные органы.

Автор монографии «Неустойка: теория, практика, законодательство» Д.А. Гришин, подвергший отечественный институт неустойки всестороннему научно-практическому анализу, по поводу двойственного характера неустойки отмечает, что как обеспечительная мера неустойка имеет место лишь до факта самого нарушения [18, с. 83]. Разделяя мнение Д.А. Гришина, В.Ф. Яковлев дополнительно оправдывает многофункциональное назначение неустойки через определение динамики обязательственных правоотношений, непредсказуемый

характер которых определяет выбор участников порядка и назначения неустойки [19, с. 99, 100]. Считаем, что данная точка зрения на правовую природу неустойки подчеркивает ее двойственность, но заслуживает поддержки.

Категоричен в своем выводе о природе неустойки Г.И. Меликов, полагающий, что причисление неустойки к обеспечительным мерам не имеет под собой достаточных юридических оснований, поскольку у нее «отсутствует основной признак способов обеспечения исполнения обязательства – наличие источника исполнения нарушенного обязательства». Сравнивая неустойку с другими способами обеспечения исполнения обязательств (залогом, удержанием, обеспечительным платежом, поручительством и гарантией), автор приходит к выводу о том, что говорить об обеспечительном значении (обеспечительной функции) той или иной меры можно лишь тогда, когда требование кредитора чем-то подкреплено (залогом, поручительством и иными способами обеспечения исполнения обязательства). Отрицая двойственную природу неустойки, Г.И. Меликов подчеркивает наличие у нее всех черт гражданско-правовой ответственности, т.е. правовая природа неустойки, по его мнению, – это «природа гражданско-правовой ответственности, мерой (формой) которой выступает неустойка».

Полагаем, что с таким подходом трудно согласиться, прежде всего, потому что сама цель неустойки в сфере имущественных отношений – обеспечение исполнения основного обязательства – указывает на ее обеспечительную природу. В этом смысле нам близок подход В.В. Куликова, который считает наиболее верным определять правовую природу неустойки, отталкиваясь от ее цели, а не от степени обеспеченности или гарантированности требования о ее взыскании [16, с. 14]. Этот вопрос, по справедливому замечанию автора, остается прерогативой государства, в то время как сторонам договора ничто не мешает обеспечить исполнение по конкретному обязательству посредством использования залога или поручительства.

Анализ научной литературы показал, что в доктрине гражданского права неустойка, как и все остальные (кроме банковской гарантии) способы обеспечения исполнения обязательств, позиционируется как акцессорное (дополнительное) обязательство, из правовой природы которого вытекает его главная цель – служить гарантией обеспечения надлежащего исполнения главного обязательства. На обеспечительную функцию неустойки указывает тот факт, что к неустойке как способу восстановления имущественных прав контрагенты обращаются не после того, как обязательство будет нарушено (как это бывает с мерами ответственности), а задолго до нарушения, что характеризует неустойку именно как обеспечительную меру, подчеркивает ее обеспечительную функцию. Помимо этого, благодаря обеспечительной функции неустойки на момент нарушения обязательства стороны, во-первых, уже имеют представление о размере предполагаемой ответственности, во-вторых, должник эту ответственность нести согласен и, в-третьих, кредитор избавлен от необходимости доказывать размер убытков, которые он понес из-за нарушения обязательства должником. Считаем, что приведенные аргументы не оставляют сомнений в том, что неустойка есть не что иное как способ обеспечения исполнения обязательств, что ее обеспечитель-

ная функция определяется направленностью на побуждение к исполнению основного обязательства.

Согласимся с мнением Б.М. Гонгало, который видит причину неоднозначности в понимании сущности неустойки, а также ее специфику в особенностях закрепления данного института в ГК РФ [20]. Казалось бы, пониманию неустойки как обеспечительной меры способствует ст. 329 ГК РФ, из которой это прямо следует. При этом нельзя не признать и тот факт, что в основе неустойки лежит санкция, устанавливаемая в отношении должника, который нарушил взятое на себя обязательство, а следовательно, неустойка есть мера гражданско-правовой (имущественной) ответственности.

Согласимся с М.И. Брагинским в том, что функцией любой санкции является ее превентивный характер [21, с. 89]. Полагаем, основываясь именно на таком понимании правовой природы неустойки, что законодатель закрепил нормы, регулирующие неустойку одновременно в двух главах ГК РФ, тем самым определив устойчивую правоприменительную практику двойного назначения института неустойки. Соответствующие правовые позиции нашли воплощение в актах судебного толкования высшими судебными инстанциями [22]. Несмотря на это, в последующих правовых позициях высших судебных инстанций прослеживается иное: сущность неустойки определяется как способ обеспечения исполнения обязательств. Стоит отметить, что разрозненность в толковании и формулировании правовой позиции высшими судебными инстанциями [23, 24] в очередной раз подтверждает необходимость научного освещения неустойки с позиции ее смысловых предназначений. При этом Верховный Суд РФ дополнительно разъяснил, что «неустойка является одним из способов обеспечения исполнения обязательств, а ее применение возможно только в установленных законом или договором случаях» [25].

Таким образом, дуализм доктринальных взглядов относительно вопроса юридической сущности неустойки, как нам представляется, не умаляет ее превентивного значения в качестве дисциплинарной меры, обеспечивающей баланс имущественных интересов участников гражданских правоотношений. По факту и неустойка, и иные способы обеспечения исполнения обязательств, и меры гражданско-правовой ответственности служат одной цели – защите прав кредитора в договорном обязательстве. Однако в силу вышеизложенного считаем, что сама по себе правовая конструкция неустойки, ее место в системе обеспечительных мер требуют дальнейшего научного осмысления.

Заключение

Таким образом, сформулируем следующие выводы:

1. Вопрос, касающийся эволюции законодательства о неустойке в качестве обеспечительной меры, а также основные этапы становления анализируемого института в России рассмотрены на сегодняшний день многими авторами. Анализ теоретических источников и ретроспективный анализ института неустойки позволили констатировать, что неустойка – один из древнейших способов обеспечения исполнения обязательств, уходящий своими корнями в римское право, которое изначально не приветствовало неустойку как инструмент принуждения,

отводя ей роль вспомогательного средства обеспечения основного обязательства. Начиная с XVIII в. неустойка прочно вошла в российскую практику и по мере развития рыночных отношений и усложнения договорного права получала все большее распространение, со временем став неотъемлемой составляющей любого гражданско-правового договора. И если на более ранних этапах развития российского гражданского права (в дореволюционный период) действовал кумулятивный (совокупный) принцип полного возмещения убытков и неустойки за одно нарушение (законодательство по отношению к должнику носило карательный характер), то в советское время с принятием ГК РСФСР 1922 г. вступил в силу принцип альтернативности, согласно которому кредитор был обязан выбирать между убытками и неустойкой, а сама неустойка стала подлежать снижению.

2. Ретроспективный анализ норм о неустойке позволил сделать вывод о том, что принятый ГК РФ в 1994 г. существенно изменил юридическую сущность неустойки, придав ей характер обеспечительной меры. Данный кодифицированный акт впервые представил развернутую, целостную характеристику неустойки, сформулировал ряд принципиально новых связанных с ней положений и принципов.

3. В отличие от более ранних этапов развития анализируемого института, особенность современного этапа развития законодательства о неустойке состоит в отходе законодателя от карательного уклона неустойки, что подтверждается закреплением в ст. 333 ГК РФ нормы о возможности снижения ее размера. Очевидно, что при разработке новых норм о неустойке и принятии ряда поправок в ГК РФ в 2015 г. законодателем был учтён накопленный к тому моменту опыт ее регулирования. Все вышеизложенное свидетельствует о долговременном, поступательном развитии отечественного института неустойки, норм, регулирующих ее использование в качестве обеспечительной меры.

4. Позитивность применения неустойки не зависит от ее разновидности или оснований установления, а определяется юридической значимостью. При этом за основу уяснения правовой сущности неустойки следует брать целеполагание ее установления, дисциплинарный характер, побуждающий к добросовестности поведения сторон, а не компенсационный характер и восстановление имущественного положения кредитора. Как показывает практика, неустойка служит гарантией обеспечения надлежащего исполнения главного обязательства. Превентивный характер неустойки определяет достижение договорной дисциплины посредством применения в случае недобросовестного поведения ее участников, имущественного последствия в виде уплаты денежной суммы кредитору.

Список источников

1. Сухоруков С.С. Эволюция и современное состояние института неустойки // Проблемы защиты прав: история и современность: матер. XIV междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. Е.Б. Гоголевская. Самара, 2020. С. 247–251.
2. Бахаев Г.Е. История развития законодательства о неустойке // Проблемы современных интеграционных процессов. Пути реализации инновационных решений: междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2020. С. 69–71.

3. Пергамент М.Я. Договорная неустойка и интерес. 2-е изд., доп. Москва: Изд. кн. магазина И.К. Голубева под фирмою «Правоведение», 1905. 368 с.
4. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. Петроград: Гос. тип., 1916. 657 с.
5. Долматова Ю.В. Неустойка в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 15 с.
6. Федосеева И.В. Развитие законодательства о неустойке в гражданском праве России // X Междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. Уфа, 2023. С. 103–109.
7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Москва: Издание Братьев Башмаковых, 1912. 556 с.
8. Гражданское уложение (проект). Глава II. Договоры / под ред. И.М. Тютрюмова. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_43.html
9. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Москва: Статут, 2003. 218 с.
10. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Москва: Статут, 2010. 776 с.
11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (утратили силу) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>
12. Кирсанов К.А. Гражданское право: учебное пособие. Киров: Астрель, 2020. 141 с.
13. Мандро Н. Неустойка по заемным обязательствам и лихва (Опыт комментария 1583 статьи законодательства гражданского) // Журнал Гражданского и Уголовного права. Санкт-Петербург, 1876. Книжка 6 (ноябрь – декабрь). С. 114–127.
14. Мейер Д.И. Русское гражданское право. 5-е изд. Москва: Книга по требованию, 2012. 454 с.
15. Меликов Г.И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Меликов Георгий Игнатьевич. Москва, 2019. 189 с.
16. Куликов В.В. К вопросу об обеспечительной функции неустойки в российском и зарубежном праве // Новый юридический вестник. 2022. № 4 (37). С. 12–16.
17. Степанюк А.В., Фисенко В.В. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательства // Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». Белгород, 2018. С. 307–310.
18. Гришин Д.А. Неустойка: теория, практика, законодательство: монография. Москва: Статут, 2005. 172 с.
19. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 221 с.
20. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б.М. Гонгалo. 2-е изд. Москва: Статут, 2017. Т. 1. 678 с.
21. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Москва: Статут, 2011. 476 с.
22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 330, п. 1 ст. 333 ГК РФ и абзацем 1 п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей»: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1365-О // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>
23. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 5531/11 по делу № А43–7693/2010 // Электронное правосудие. URL: <https://sudact.ru>
24. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 5467/14 по делу № А53–10062/2013 // Электронное правосудие. URL: <https://sudact.ru>

25. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2002 № 33-В02пр-7 (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>

References

1. Sukhorukov S.S. Evolution and current state of the institution of penalties. In the collection: Problems of protecting rights: history and modernity. Materials of the XIV international scientific and practical conference. Rep. ed. E.B. Gogolevskaya. Samara; 2020. P. 247–251.
2. Bakhaev G.E. History of the development of legislation on penalties. In the collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: "Problems of modern integration processes. Ways to implement innovative solutions". Ufa: Aeterna; 2020. P. 69–71.
3. Parchment M.Ya. Contractual penalty and interest. 2nd ed., add. Moscow: Publishing house. book store I.K. Golubeva under the company Jurisprudence; 1905. 368 p.
4. Grimm D.D. Lectures on the dogma of Roman law: a manual for students. 5th, rev. and additional. Petrograd: State. typ.; 1916. 657 p.
5. Dolmatova Yu.V. Penalty in civil law of the Russian Federation: abstract. dis. ... Ph.D. legal Sciences. Moscow; 2006. 15 p.
6. Fedoseeva I.V. Development of legislation on penalties in Russian civil law. Collection of scientific articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference. Ufa; 2023. P. 103–109.
7. Shershenevich G.F. General theory of law. Moscow: Publishing house of the Bashmakov Brothers; 1912. 556 p.
8. Civil Code (draft). Chapter II. Contracts / ed. THEM. Tyutyumova. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_43.html
9. Pakhman S.V. Common civil law in Russia. Moscow: Statute; 2003. 218 p.
10. Ioffe O.S. Selected works on civil law. Moscow: Statute; 2010. 776 p.
11. Fundamentals of civil legislation of the USSR and union republics (approved by the Supreme Court of the USSR on May 31, 1991 No. 2211-1) (lost force). ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/>
12. Kirsanov K.A. Civil law: textbook. Kirov: Astrel; 2020. 141 p.
13. Mandro N. Penalty for borrowed obligations and interest (Experience of commentary on article 1583 of civil legislation). Journal of Civil and Criminal Law. St. Petersburg; 1876. Book 6 (November – December). P. 114–127.
14. Meyer D.I. Russian civil law. 5th ed. Moscow: Book on demand; 2012. 454 p.
15. Melikov G.I. Penalty: problems of legal nature and use in contractual relations in the light of civil law reform: dis. ... cand. legal sciences: 12.00.03 / Melikov Georgiy Ignatievich. Moscow; 2019. 189 p.
16. Kulikov V.V. On the issue of the security function of penalties in Russian and foreign law. New Legal Bulletin. 2022; 4 (37): 12–16.
17. Stepanyuk A.V., Fisenko V.V. Penalty as a way to ensure the fulfillment of an obligation. Collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Law Institute of the National Research University "BelSU". Belgorod; 2018. P. 307–310.
18. Grishin D.A. Penalty: theory, practice, legislation: monograph. Moscow: Statute; 2005. 172 p.
19. Yakovlev V.F. Russia: economics, civil law (issues of theory and practice). Moscow: RIC ISPI RAS; 2000. 221 p.
20. Civil law: Textbook. In 2 vols / ed. B.M. Gongalo. 2nd ed. Moscow: Statute; 2017. T. 1. 678 p.

21. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book one. General provisions. Moscow: Statute; 2011. 476 p.
22. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nikolai Nikolaevich Novikov about the violation of his constitutional rights, paragraph 1 of Art. 330, paragraph 1, art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 1 of clause 6 of Art. 13 of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 23, 2016 No. 1365-O. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/>
23. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 13, 2011 No. 5531/11 in case No. A43–7693/2010. Electronic justice. URL: <https://sudact.ru>
24. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 15, 2014 No. 5467/14 in case No. A53–10062/2013. Electronic justice. URL: <https://sudact.ru>
25. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/09/2002 No. 33-B02pr-7 (The document was not published). ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/>

Информация об авторе:

Вронская Мария Владимировна, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, m.vronskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5942-1158>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/132-145>

Дата поступления:
19.02.2024

Одобрена после рецензирования:
21.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья
УДК 340.1
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>

Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий

Мордовцева Татьяна Васильевна

Таганрогский институт управления и экономики
Таганрог. Россия

Полякова Евгения Викторовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена изучению трансформации права в эпоху цифровых технологий и перехода к нетипичным формам правоотношений. Предметом исследования выступают коллизии и пробелы, возникающие в результате применения норм позитивного права в сфере регулирования цифрового порядка общественных отношений. Цель исследования определяется необходимостью разрешения сложившегося противоречия между отраслевым подходом к пониманию цифрового права и толкованием его в качестве новой методологии правообразования и правореализации. На основе общенаучных методов анализа, синтеза, сравнения и объяснения были получены основные дедуктивные выводы о неизбежности перехода системы традиционного права в цифровое измерение реальности, лишенной пространственной и территориальной локализации, в которой правовая норма утрачивает свою субъект-объектную направленность и расширяется вплоть до толкования ее как ситуации коммуникативного взаимодействия или обмена данными. Применение научного метода форсайта описывает возможный сценарий будущего статуса цифрового права, регулирующего отношения между квазисубъектами, наделенными разными типами интеллекта – искусственного и естественного. Основные результаты и выводы, полученные в ходе исследования и характеризующие его новизну, заключаются в следующем: во-первых, обоснован междисциплинарный статус цифрового права как нового вида нормативности, регулирующего отношения с нетипичными субъектами и объектами технологической сферы; во-вторых, показана трансформация права во взаимосвязи с изменениями в структуре сознания личности, деперсонификации связей и отношений в условиях виртуальных коммуникаций; в-третьих, выявлено перманентное свойство коллизионности и пробельности нормативного (писаного) права при его переходе к цифровому формату регулирования неприродных, искусственных продуктов когнитивной деятельности машин. Область применения полученных результатов определяется рамками теоретико-правового знания, практикой создания условий для технологической суверенизации России.*

***Ключевые слова:** цифровое право, позитивное право, пробелы, коллизии, искусственный интеллект, цифровые технологии.*

***Для цитирования:** Мордовцева Т.В., Полякова Е.В. Пробелы и коллизии в праве эпохи цифровых технологий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 146–155. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>*

Original article

Gaps and conflicts of law in the digital age

Tatyana V. Mordovtseva

Taganrog Institute of Management and Economics
Taganrog, Russia

Evgenia V. Polyakova

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. *The article is devoted to the study of the transformation of law in the era of digital technologies and the transition to atypical forms of legal relations. The subject of the research is the collisions and gaps that arise as a result of the application of the norms of positive law in the field of regulation of the digital order of social relations. The purpose of the study is determined by the need to resolve the existing contradiction between the sectoral approach to the understanding of digital law and its interpretation as a new methodology of law formation and law enforcement. On the basis of general scientific methods of analysis, synthesis, comparison and explanation, the main deductive conclusions were obtained about the inevitability of the transition of the system of traditional law to the digital dimension of reality, devoid of spatial and territorial localization, in which the legal norm loses its subject-object orientation and expands to the point of interpreting it as a situation of communicative interaction or data exchange. The application of the scientific foresight method describes a possible scenario for the future status of digital law that regulates relations between quasi-entities endowed with different types of intelligence – artificial and natural. The main results and conclusions obtained in the course of the study and characterizing its novelty are as follows: firstly, the interdisciplinary status of digital law as a new type of normativity regulating relations with atypical subjects and objects of the technological sphere is substantiated, secondly, the transformation of law in relation to changes in the structure of personal consciousness, the depersonalization of connections and relations in the context of virtual communications is shown, thirdly, the permanent the property of conflict and gap of normative (written) law during its transition to a digital format of regulation of non-natural, artificial products of cognitive activity of machines. The field of application of the obtained results is determined by the framework of theoretical and legal knowledge, the practice of creating conditions for the technological sovereignty of Russia.*

Keywords: *digital law, positive law, gaps, collisions, artificial intelligence, digital technologies.*

For citation: *Mordovtseva T.V., Polyakova E.V. Gaps and conflicts of law in the digital age // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 146–155. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>*

Введение

Обоснование актуальности темы исследования. Трансформация права в эпоху цифровизации стала продолжением более глубоких и устойчивых процессов, затрагивающих человеческое бытие и сознание в целом. Тот технологический прорыв, который мы наблюдаем в последнюю четверть века, запустил необратимый процесс изменений всех общественных систем и отношений, которые, как это ни странно, сами оказались не готовы к столь стремительному обновлению устоявшихся институциональных связей и регулятивов. Еще не окрепла и не сложилась академическая традиция толкования цифрового права в системе общего права, как уже исследователи вынужденно констатируют постепенную утрату правом своей главной функции регулятора общественных отношений в условиях прорывных технологий [1]. Позитивное (писаное) право не просто не успевает за темпом технологических изменений, оно вообще остается

в стороне от множества явлений цифровой жизни общества, в которых мы уже находимся, но в отношении которых не закреплена ни одна правовая норма.

Соответственно, перед академической наукой в целом и в рамках настоящего исследования в частности возникает необходимость комплексного анализа происходящих трансформаций в праве, возникших в результате перехода общества к цифровой модели развития, что определяет *цель работы и ее задачи*: во-первых, концептуализировать описание цифровых трансформаций правовой реальности и правовой системы в условиях возрастающей неопределенности права и нестабильности закона; во-вторых, раскрыть причину пробелов и коллизий в праве, вызванных процессами цифровизации общественных отношений и связей; в-третьих, выявить основные подходы к пониманию пробелов и коллизий в праве на актуальном уровне развития технологий и общественного прогресса; в-четвертых, определить настоящую роль и перспективы внедрения искусственного интеллекта в юридическую технику, правотворчество и практики правоприменения.

Постановка проблемы. Право и закон, начиная с Римской республики и вплоть до настоящего времени, имели физическую ось своего распространения, определенную юрисдикцией государства, национальной системой права, международным законодательством. Пространственно-временная природа права, заключенная в том, что закон всегда распространяется на субъектов правоотношений, находящихся в условиях конкретного места и времени, в цифровой действительности перестает работать. В технологической сфере, где господствующее положение постепенно занимает не человек, а «призрак» коллективного сознания – искусственный интеллект, не нуждающийся в плоскости физических координат, «право людей» отмирает: перед искусственным интеллектом человеческий индивид предстает как средство обмена данными, в которые по большому счету уже включена не конкретная личность, а ее цифровой двойник. В цифровом праве постепенно происходит смена гравитационного полюса, исключая роль субъекта и объекта в их привычном понимании, нивелирующая социальную природу отношений и устанавливающая вместо них принцип связи контентов. Поэтому перед теоретиками права постепенно возникает непреодолимая проблема – выявить и описать механизм перехода права в новое цифровое измерение, в котором вместо традиционного субъекта появляется новый цифровой участник, созданный человеческим разумом, что не может не породить огромный комплекс пробелов и коллизий [2].

Научные предположения. В настоящее время мы наблюдаем процесс становления и развития новых цифровых сфер правового регулирования тех общественных отношений, которые синхронизируют позитивное и цифровое право, сохраняя за ним его регулирующую функцию, поэтому пробелы в основном вызваны необходимостью дополнить действующие нормы новыми формулировками, но не отменить их вовсе, а возникающие коллизии разрешить с помощью традиционного механизма. Такая попытка сгладить противоречие между двумя формами права (традиционной и цифровой) обусловлена динамической ролью правового мышления, остающегося пока в пределах парадигмы классического

правотворчества и правоприменения. Как утверждает П.П. Баранов, «Говорить о цифровом праве (не в значении соответствующей и только формирующейся отрасли права), как и о цифровом правосознании, как о новых самодостаточных институциональных образованиях, явно преждевременно» [3, с. 29].

Тем не менее процессы цифровизации всех видов общественных отношений и связей идут чрезвычайно стремительно и надеяться на то, что данный технологический прорыв станет менее интенсивным, невозможно, поэтому уже сейчас необходимо начать переосмысление самого предмета и объектов правовой науки и практики. Принципиальная пробельность двух форм права – цифровой и традиционной – заключается в невозможности определить правовой статус большинства цифровых «продуктов» теми средствами, которыми располагает позитивное право, ориентированное на закрепление интересов субъектов правоотношений. Как отмечает В.Н. Синюков: «Чтобы увидеть структурные процессы в праве, необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы. Человекоцентризм права эволюционирует в сторону техноцентризма, не утрачивая приоритета человеческого по отношению к технико-материальным объектам» [4, с. 12]. Очевидно, что позитивное право перестает ограничиваться исключительно сферой «чистого долженствования» и выходит в область нормативности технологий, которые уже создают пространство, объединяющее прежних субъектов правоотношений и нетипичных объектов неживой природы. Поэтому будущая система права, действующая с учетом цифровых закономерностей, окажется регулятором не только общественных отношений, но и процессов неживой природы, в число которых попадет искусственный интеллект.

Методология юридического исследования опирается на систему общенаучных методов, среди которых всегда применяются логический анализ и синтез, сравнение, описание и объяснение, при этом выводы получают дедуктивным способом. В части специальных методов юридические исследования проводятся в соответствии с той общетеоретической концепцией, на которой создаются аргументация и доказательства при достижении поставленных целей и задач. Поскольку в данном исследовании предметная область определяется концептом «цифровых технологий», то выбор информационного подхода обусловлен именно этой категорией междисциплинарного знания.

Информационный подход в качестве методологии юридического исследования реализуется в совокупности методов системного анализа, применимых, в частности, для изучения слабоструктурированных задач, таких как выявление причин пробелов и коллизий в праве, установление факторов возрастающей неопределенности права, прогнозирование рисков внедрения искусственного интеллекта в юридическую технику, правотворчество и практику правоприменения. При этом универсальность метода системного анализа в ходе представленного исследования была обусловлена возможностью структурировать логические элементы процесса цифровизации права на макроуровне как типа правовой культуры и правового порядка и микроуровне как технологии внедрения машинночитаемых текстов для их последующей обработки и тиражирования.

Применение информационного подхода и соответствующего ему метода системного анализа для описания социальных систем и социальных отношений, обусловленных цифровой трансформацией права, выдвигает на первый план изучения те аспекты проблемы, которые существенным образом влияют на ее состояние и развитие. В частности, в настоящей работе это демонстрируют утверждения о появлении новых сетевых способов кодирования, распознавания, осознания содержания правовых норм, о формировании ответного действия и выработке решения при обнаружении пробелов и коллизий, вызванных несоответствием норм позитивного права и права цифрового.

Дополнительным методом юридической оценки рисков и угроз цифровой трансформации права стал принцип сравнения проактивного и реактивного права в условиях неопределенности развития национальных правовых систем.

Основная часть

Пробелы и коллизии в праве как проблема теории права, связанная с изменениями в общественном сознании, правовой культуре и правовом порядке, подлежат комплексной оценке в свете социокультурной динамики [5]. В российской и зарубежной науке [6] такой подход уступает место нормативному, в рамках которого пробелы относятся к несовершенству отраслевого функционирования права. На эту особенность отличительных признаков природы пробелов и коллизий в праве обращает внимание Д.А. Пашенцев, отмечая, что «исследование пробелов в праве в условиях цифровизации имеет в основном два блока. Первый из них представляет собой то теоретическое знание, которое накоплено в юридической доктрине применительно к пробелам в праве. Второй блок связан непосредственно с цифровизацией, с осмыслением ее влияния на правовую сферу общества» [7, с. 33]. Сторонники нормативизма в качестве природы возникновения пробелов, прежде всего, понимают «пустоты» в законодательстве, тогда как сторонники естественно-правовой теории сопоставляют имеющиеся нормы с их идеальными образами, запечатленными в ментальности и правовой культуре общества, поэтому в их понимании пробелы – это несоответствия идеального и реального. Поскольку позитивное и естественное никогда не совпадают, то пробелы, по мнению сторонников каждой из сторон, неизбежны. Для представителей социологии права природа пробелов вызвана несформированностью такого общественного типа поведения, который соответствовал бы действующей норме, поэтому возникает разрыв и часть норм не применяется на практике, что и обуславливает коллизионность.

Наконец, в цифровом измерении правовой действительности отношение к природе пробелов и коллизий совершенно другое. Сторонники теории цифровой трансформации общества признают, что появляются такие типы общественных отношений, которые на данном этапе развития позитивного права не могут быть урегулированы в полном объеме [8]. Поэтому, по их мнению, цифровой механизм конструирования общественных отношений дает «сбой». Сам механизм оказывается несвоевременным и тяжеловесным, не успевающим за стремительными трансформациями. В итоге законотворчество приобретает «догоняющий» характер при низком уровне стабильности законов, а разрыв с практикой умножает коллизии и пробелы.

Одним из способов преодоления данного типа пробельности и коллизионности права в эпоху стремительной трансформации является создание принципиально нового цифрового закона, риски которого пока очень велики [9]. Кроме того, любая попытка уже сейчас спроектировать новый правовой механизм сталкивается с социокультурными противоречиями, вызванными несоответствием новых и старых моральных императивов, поскольку уже сформировалась и новая система ценностей для тех общественных отношений, которых ранее не было, например право на цифровую свободу или на цифровое забвение.

Еще одной причиной нарастающей коллизионности и неопределенности права является сетевая коммуникация, которая формирует новый тип субъектности правоотношений, связанный с переходом от персональной идентичности к сетевому или цифровому «двойнику». Соответственно, цифровизация как новый этап в развитии человеческого общества меняет и человека, и опосредующие его связи, отношения, при которых «старое» мгновенно отмирает; его невозможно оптимизировать или модернизировать, от него возможно только отказаться взамен «нового».

В исследовании М.В. Залоило [9] указывается на то, что в ходе цифровой трансформации общества возрастает законотворческая сингулярность, в результате которой законодатель, будучи носителем естественного разума, имеющего погрешности и ограничения, в сравнении с искусственным интеллектом может оказаться неспособным понять сложившиеся отношения и технологии, что приведет к технологическому сценарию будущего, не подконтрольного человеку.

В настоящее время в силу технологического «несовершенства» искусственного интеллекта его роль опосредована полным контролем со стороны человека и одним из важных направлений его применения является преодоление нормативной пробельности в праве на различных уровнях. Достижение этой технологической цели требует подготовки цифрового «языка» для всех нормативно-правовых актов, что, в частности, выражается в реализации государственных программ по систематизации законодательства в РФ [10]. Перевод всей нормативной базы в машиночитаемый текст позволит искусственному интеллекту выявить и, вероятно, исправить имеющиеся противоречия в нормах, пробелы и коллизии [11]. В этом плане цифровизация выступает удобной технологией, выполняющей вспомогательную роль для человека.

Как считает М.В. Залоило, «В дальнейшем развитие машиночитаемого права может привести к его преобладанию в законодательном массиве над нормами, изложенными на естественном языке» [7, с. 86]. Это, с одной стороны, значительно усовершенствует юридическую технику составления нормативных правовых актов и оптимизирует механизм правового регулирования, но, с другой стороны, существует риск полной смены парадигмы правотворческого процесса, при которой искусственный интеллект станет полноправным субъектом правотворчества, наделенным способностью к самообучению и самосовершенствованию, в результате чего он сможет не только конструировать правовые нормы, необходимые для исполнения человеком, но и создаст собственный правовой язык и правовую реальность с неопределенным для человека итогом. Таким

образом, возникает разрыв между «правом человека» и «машинным правом» вплоть до возникновения таких машиночитаемых норм, которые будут непонятны даже их непосредственному адресату (человеку). Если же искусственный интеллект подчинит себе не только правотворческий процесс, но и правоприменительный, то человек окончательно лишится возможности самостоятельно принимать решения.

Одним из примеров перманентной пробельности и коллизионности позитивного права в условиях цифровизации является неопределенность отраслевого статуса цифрового права, которая согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [12] определяется как часть цифровой экономики государства. Кроме того, большинство действующих в России кодексов содержат нормы, регулирующие применение информационных технологий и сети Интернет. В частности, нормы цифрового права содержатся в действующих АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ (например, нормы о порядке организации веб-конференции). В ГК РФ есть нормы о порядке заключения договоров в электронной форме. В действующем УК РФ предусмотрена ответственность за киберпреступления. В этой связи интерес представляет попытка объединения и интеграции правового регулирования цифровой среды в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [13]. В этом документе активно обсуждается вопрос о возможности и целесообразности рассмотрения цифрового права как самостоятельной правовой отрасли или межотраслевого института, но они оба имеют свои недостатки. Цифровое право не имеет необходимого отраслевого признака – наличие собственного самостоятельного предмета правового регулирования, который отсутствовал бы в иных отраслях.

По этому поводу В.Н. Синюков замечает, что цифровое право, скорее всего, является нормативным правовым механизмом, реализующимся в пространстве цифровой коммуникации субъектов, которые сами определяют для себя границы отношений: для них цифровое право превращается в форму структуризации регулятивного материала [4]. Кроме того, в отличие от других отраслей права цифровое право имеет междисциплинарную природу, обладающую техническим и юридическим измерениями; «оно перемешивает нормы и институты различной отраслевой природы, изменяя структуру права в классических правоотношениях» [4, с. 13, 14]. Поэтому цифровое право соединяет неправовые регуляторы, которые при определенных условиях приобретают правовое качество в тех сферах, которые раньше им не регулировались.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Начавшаяся цифровая трансформация системы права, превосходящая цель регулирования цифровых технологий, постепенно приведет к появлению новой методологии правообразования и правореализации, где техника и технологии станут ее предметом, а представление о норме расширится вплоть до понимания ее как ситуации – скорости передачи информации в определенных условиях пространственной контекстуальности.

2. Попытка выстроить правовой механизм преодоления пробелов и коллизий в праве может быть отчасти успешной лишь в пределах устаревающего традиционного нормативного подхода, в сфере регулирования тех отношений, которые еще не попали под полный цифровой передел, но с переходом к цифровой правовой реальности устранение или восполнение пробелов практически невозможно; для разрешения сложившихся противоречий требуется иная правовая культура, иная правовая нормативность.

3. В эпоху цифровизации нормативное право обречено на перманентную пробельность и коллизийность, которые могут быть преодолены лишь коренным преобразованием структуры правового регулирования, путем отказа от традиционного механизма правотворчества и правоприменения, через уход от узкого толкования нормы как правила. Право цифровой реальности поставит в состояние острого противоречия, диссонанса и неопределенности взаимоотношения человеческого разума и искусственного интеллекта, навсегда преодолев пространственно-временную, территориальную и национальную замкнутость нормообразования.

4. Применение технологий искусственного интеллекта – это принципиально иной переход к трансформации цифрового общества, в котором сознание человека может полностью или частично подчиниться власти (насилию) программ. Проблема заключается именно в аутентичности сознания человека, которое в настоящее время образовано на основе отражения реалистической картины мира. Если сознание человека будет отражать цифровую копию этого мира, то оно уже не будет прежним, а вместе с изменением сознания полностью поменяется человек. Цифровая реальность станет матрицей отождествления де-персонифицированного «Я». Самосознание цифровой личности, как и ее правовое мышление, будет задано технологическими параметрами, а значит, технологии, но не право станут главным регулятором отношений.

Список источников

1. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. 432 с.
2. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва, 2022. 472 с.
3. Баранов П.П. Методологические проблемы правосознания в эпоху правовой цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (44), № 4. С. 26–41.
4. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 9 (154). С. 9–18.
5. Исаев И.А. «Пробелы в праве» как элемент правовой культуры // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2.
6. Лазарев В.В. Вопросы происхождения пробелов в праве // Избранные труды: в 3 т. Москва, 2010. Т. 2.
7. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва, 2022.
8. Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 49–67.

9. Залоило М.В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 1. С. 27–49.
10. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31) // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 13.02.2024).
11. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Vol. 8, № 9. С. 59–69.
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (дата обращения: 13.02.2024).
13. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28.05.2019 № 9). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 13.02.2024).

References

1. Transformation of law in the digital era: monograph / edited by A.A. Vasilyeva. Barnaul: Publishing House of Altai University; 2020. 432 p.
2. Gaps in law in the context of digitalization: Sat. scientific. tr. / Under the general editor D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moscow; 2022. 472 p.
3. Baranov P.P. Methodological problems of legal awareness in the era of legal digitalization. *Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9 ((44) 4): 26–41.
4. Sinyukov V.N. Digital law and the problems of the phased transformation of the Russian legal system. *LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW)*. 2019; 9 (154): 9–18.
5. Isaev I.A. "Gaps in law" as an element of legal culture. *Gaps in Russian legislation*. 2008; (2).
6. Lazarev V.V. Questions of the origin of gaps have the right. *Selected works: in 3 volumes*. Moscow; 2010. Т. 2.
7. Gaps in law in the context of digitalization: Sat. scientific. tr. / Under the general editor D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moscow; 2022.
8. Truntsevsky Yu.V. Law as a code and precision law in the dating view. *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2021; 17 (1): 49–67.
9. Zaloilo M.V. Fragmentation as a modern trend in the development of the legal space. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020; (1): 27–49.
10. The concept of the development of computer-readable law technologies: approved. The Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions (Protocol No. 31 of 15.09.2021). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (accessed date: 13.02.2024).
11. Ponkin I.V. Concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in RegTech, content, ontology and perspectives. *International Journal of Open Information Technologies*. 2020; 8 (9): 59–69.

12. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (accessed date: 13.02.2024).
13. Passport of the federal project "Regulatory regulation of the digital environment": approved the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions (Protocol No. 9 of 28.05.2019). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (accessed date: 13.02.2024).

Информация об авторах:

Мордовцева Татьяна Васильевна, д-р культурологии, профессор, Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, mtvtaganrog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0827-6269>

Полякова Евгения Викторовна, аспирант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, josik1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2663-0361>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/146-155>

Дата поступления:
15.02.2024

Одобрена после рецензирования:
19.02.2024

Принята к публикации:
22.02.2024

Научная статья
УДК 341.1/8
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/156-162>

Стратегическое значение Арктики в приарктических регионах Европы

Бутакова Надежда Александровна

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Санкт-Петербург. Россия

***Аннотация.** Если между Европейским союзом (ЕС) и Россией и есть точки соприкосновения, то это в области энергетики, окружающей среды и миграции. Арктика связывает ЕС с двумя его основными поставщиками энергоносителей – Норвегией и Россией. ЕС, Норвегия и Россия также связаны общими усилиями по защите окружающей среды Арктики. Более того, недавний миграционный кризис в Европе не только пошатнул основы Шенгенского договора, но и усилил напряженность в отношениях между Норвегией и Россией, особенно на их границах. В статье предпринята попытка проанализировать общие позиции этих трех основных действующих лиц по современным арктическим проблемам. Эксплуатация и распределение энергии, охрана окружающей среды и миграционные потоки являются новыми геополитическими элементами европейской Арктики. Геополитический анализ имеет решающее значение для выявления важных основополагающих проблем, которые могут привести к политической, военной или экономической дестабилизации, если их игнорировать. Рассматривается международно-правовое регулирование в арктическом регионе, обосновывается необходимость принятия глобальных международно-правовых решений об осуществлении хозяйственно-экономической деятельности в данном регионе. Статья посвящена определению политического значения арктического региона в приарктических странах, сложность определения которого зависит от использования того или иного подхода, а именно применения к данному району универсальных международно-правовых норм и правил или надления данной территории особым статусом.*

***Ключевые слова:** Арктика, энергетика, окружающая среда, миграция, геополитика, Россия, Норвегия, ЕС.*

***Для цитирования:** Бутакова Н.А. Стратегическое значение Арктики в приарктических регионах Европы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 156–162. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/156-162>*

Original article

The strategic importance of the Arctic in the arctic regions of Europe

Nadezhda A. Butakova

St. Petersburg State Maritime Technical University
St. Petersburg. Russia

***Abstract.** If there are some common interests between the European Union and Russia, they lie in the field of energy, the environment and migration. The Arctic connects the EU to its two main energy suppliers from Norway and Russia. The EU, Norway and Russia are also linked by common efforts to protect the Arctic environment. Moreover, the recent migration crisis in Europe has not only shaken the foundations of the Schengen Agreement, but also increased tension between Norway and Russia, especially at their borders. This article analyzes the common viewpoints of these three main parties on current Arctic issues. Energy exploitation and distribution, environmental protection and migra-*

© Бутакова Н.А., 2024

tion flows are new geopolitical elements of the European Arctic. Geopolitical analysis is crucial to identify important underlying issues that could lead to political, military, or economic destabilization if ignored. The paper considers the international legal regulation in the Arctic region. It also reasons the necessity of making global international legal decisions on the implementation of economic activities in this region. The article determines the political significance of the Arctic region in the Arctic countries. The complexity of this determination depends on the use of one or another approach, namely the application of universal international legal norms and rules to this area or the granting of a special status to this territory.

Keywords: Arctic, energy, environment, migration, geopolitics, Russia, Norway, the EU.

For citation: Butakova N.A. The strategic importance of the Arctic in the arctic regions of Europe // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 1. P. 156–162. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/156-162>

Введение

Цель статьи – изучить формирующуюся геополитику «европейской» Арктики, продемонстрированную на примере энергетики, окружающей среды и миграции. Арктическая среда сурова и уникальна по сравнению с остальной частью европейского континента. Однако в последнее десятилетие уменьшение площади морского льда и развитие новых технологий расширили доступ человека к живым и неживым ресурсам Арктики. Кроме того, появились новые доступные навигационные маршруты – Северо-Западный проход и Северный морской путь. Несмотря на то, что Арктика считается одним из самых не тронутых цивилизацией регионов на Земле, она сталкивается с растущими рисками, как от изменения климата, так и от деятельности человека. Пришло время отбросить нежелание использовать геополитический анализ по современным проблемам, поскольку геополитика снова может помочь предвидеть и реагировать на предстоящие неблагоприятные события до их эскалации.

Для достижения поставленных задач при проведении научного исследования применялись общеметодологические принципы познания: объективность и системность, а также принцип диалектической противоречивости при анализе сложившейся методики проведения антикоррупционного исследования. Вместе с тем использовались такие методы познания, как сравнительно-правовой (при сопоставлении одноименных институтов и принципов), формально-логический (для обнаружения несоответствий, противоречий и пробелов в нормативно-правовой регламентации).

Основная часть

После окончания Второй мировой войны и успешного сотрудничества в арктических водах между США, Великобританией и СССР с целью доставки массовых партий военных и гуманитарных грузов по Северному морскому пути для поддержки Советского Союза Арктика стала центром противостояния в период холодной войны. Два противника развернули в Арктике свои самые современные армейские подразделения и средства ядерного сдерживания, поскольку это был кратчайший путь для достижения цели между ними.

Арктике уделялось внимание в связи с ее стратегическим значением, и ни одна из сторон не ценила суверенитет над ней [1]. Вскоре после окончания холодной войны в Арктике царили мир и сотрудничество государств. Однако за

последние двадцать лет потенциал конфликтов в Арктике увеличился из-за возросшей доступности ее богатых ресурсов, изменения климата, миграционных потоков и растущего глобального интереса к региону [2, с. 31].

На международном уровне вопросы, связанные с использованием арктических ресурсов и территориальной принадлежностью определенных арктических территорий, стали активно рассматриваться в конце прошлого века. Актуальность разрешения данных вопросов на международном уровне связана с несколькими факторами, в том числе с обширными запасами природных ресурсов, освоение которых стало возможным в связи с развитием научно-технического прогресса [3, с. 231].

С учетом уровня развития научно-технического прогресса и климатических изменений в Арктике международное сотрудничество в ней становится как никогда актуальным. На сегодняшний день на международном уровне единственной организацией, обеспечивающей межгосударственное взаимодействие в арктическом регионе, является Арктический совет [4].

На международном уровне выделяют группу арктических государств, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану согласно положениям Женевской конвенции 1958 г. об определении морских пространств и Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, в рамках которой определены вопросы, связанные с континентальным шельфом, исключительной экономической зоной, территориальным морем. К указанным государствам на международном уровне принято относить Россию, США, Канаду, Норвегию и Данию [3, с. 230].

Норвегия, несмотря на то, что является небольшой страной по численности населения и территории по сравнению с ЕС и Россией, является крупным игроком в Арктике по сравнению с Исландией, Швецией, Данией и Финляндией, где более 470 000 человек проживает за полярным кругом. Кроме того, у нее есть стратегические территории, такие как архипелаг Шпицберген и остров Ян-Майен, которые предоставляют Норвегии морскую зону в Арктике площадью около 1 500 000 км², равную площади Германии, Франции и Испании, вместе взятых. Норвегия является третьим по величине экспортером природного газа и нефти после Саудовской Аравии и России.

Слово «геополитика» представляет собой комбинацию греческих слов, обозначающих «земля» (γῆ) и «политика» (πολιτική). Иными словами, геополитика имеет дело с влиянием человеческой и физической географии на международную политику и отношения. В данном исследовании фактор «суша/earth» состоит из двух компонентов. С одной стороны, это Арктика, которую строго географически можно было бы определить как область к северу от полярного круга – 66° 33'39' северной широты. С другой стороны, это изменение климата. Изменение климата играет в данном случае бифункциональную роль, поскольку оно является не только географическим аспектом, но и катализатором зарождающихся международных отношений и исследований в области безопасности, так как оно облегчает разведку и эксплуатацию ресурсов Арктики, которые в других (более холодных) условиях были бы недоступны. Но сейчас Арктика тает, тает быстро, и богатые ресурсы ископаемого топлива находятся в руках суверенных

государств. Что касается «политических» аспектов этого исследования, то возникающие факторы распространяются не только на государства Арктического региона – Норвегию, Россию, США, Канаду и Данию, но дальше на юг к таким странам, как Китай, Япония, Индия и Европейский Союз. Эти субъекты очень заинтересованы в использовании нового энергетического потенциала Арктики. Недавние оценки показали, что в Арктике находится около 30 % неразведанных мировых запасов природного газа и 13 % неразведанной нефти [5, с. 20]. Однако эти ресурсы, а также процессы добычи и распределения взаимно зависят от работ, происходящих за много миль от Арктики. Самым ярким примером такой двусторонней зависимости является присоединение Крыма Россией 18 марта 2014 г., за которым последовали санкции ЕС в отношении России 2 июля 2014 г. после списка санкций от США.

Данные события помешали планам России по мегапроекту Ямал СПГ-4, поскольку российские компании остро нуждались в европейских и американских технологиях, знаниях и финансировании [6, с. 235], как следствие, российские фирмы полагаются на китайские банки и фонды для получения финансовой поддержки.

Продолжающееся изменение климата обеспечивает доступ к неиспользованным ресурсам за счет сокращения морского льда, и действующие лица со всего земного шара собираются вокруг арктических вод, стремясь получить свою долю от этих ресурсов. Арктическая геополитика начинает влиять на районы, расположенные дальше от географического полярного круга, не только на ЕС, но и на такие страны, как Китай, которые готовы финансировать рискованные инфраструктурные проекты для удовлетворения своих энергетических потребностей. Таким образом, формирующаяся геополитика Арктики переходит в глобальную геополитику.

Россия, Норвегия и ЕС геополитически связаны тремя основными факторами, в которых Арктика имеет основное значение. Связь настолько глубока и сильна, что можно утверждать, что в областях энергетики, окружающей среды и миграции эти субъекты могут составлять комплекс безопасности, чьи основные представления о безопасности и озабоченности настолько взаимосвязаны, что их проблемы национальной безопасности не могут быть разумно проанализированы или решены отдельно друг от друга.

Добыча энергии в Арктике – это важнейшее испытание, которое человечество вот-вот выиграет в борьбе с безжалостной окружающей средой Крайнего Севера [1, с. 230]. Извлечение энергии и ее распределение одинаково важны, поскольку вокруг распределения энергии возникает все больше политических и технологических проблем, геополитика открывает большие возможности для углубленного анализа элемента энергии. Экологические аспекты Арктики занимали важное место в политической повестке дня ЕС (Европейский парламент), Норвегии (Норвежское министерство климата и окружающей среды) и России (Арктический совет). Например, в 2015 г. арктические государства (Канада, Королевство Дания, Республика Финляндия, Республика Исландия, Королевство Норвегия, Российская Федерация, Королевство Швеция и Соединенные Штаты

Америки) и организации коренных народов (Арктический совет Атабасков, Международная ассоциация алеутов, Международный совет Гвичин, Приполярный совет инуитов, Российская ассоциация коренных народов Севера и Совет саами) договорились об общих усилиях по сокращению выбросов сажи и метана, которые непосредственно влияют на окружающую среду Арктики [4].

И последнее, но не менее важное: так называемый «полярный маршрут», который используется главным образом беженцами, спасающимися от гражданской войны в Сирии, но также беженцами и мигрантами из других стран Азии и Африки, наглядно демонстрирует масштабы сегодняшней глобализации. Кроме того, этот экстремальный маршрут беженцев является дополнением к хорошо известному факту, что в современном мире институты традиционного государства XX в. разрушены, и, как следствие, известные концепции, такие как «границы и территории», разрушились быстрее, чем прогнозировалось [7]. Например, там, где когда-то был железный занавес, после его снятия границу можно было пересечь на велосипеде без какого-либо пограничного контроля.

Заключение

В настоящее время угрозы исходят от глобальных факторов, таких как терроризм, пиратство, торговля наркотиками, торговля людьми и трансграничные экологические риски, и это лишь некоторые из них. В XXI в. существует множество угроз, которые не считаются с границами, такие как экологические катастрофы (т.е. потенциальный разлив нефти) или нелегальная миграция в Арктике. Сотрудничество в интересах развития уязвимых групп населения и защиты окружающей среды – это те причины, которые предвещают отложить все споры в сторону. Геополитика, которая в основном связана с границами, ресурсами, потоками, территориями и идентичностью, могла бы обеспечить средства для критического анализа и понимания сообществ.

Уважение суверенитета государств Приарктического региона и тесное сотрудничество в Арктике в области охраны окружающей среды, защиты, поиска и спасания людей, развитие энергетических технологий и инфраструктуры не устранят проблемы безопасности, но могут, по крайней мере, свести их к минимуму. Однако этого не происходит. В связи со сложившейся политической санкционной политикой в отношении России страны Приарктического региона отказались участвовать в Арктическом совете под председательством Российской Федерации. Семь стран-участниц Арктического совета заявили о приостановке своей деятельности в Совете и отказе от участия в переговорах на территории Российской Федерации. Данное решение, безусловно, усиливает геополитическую напряженность в Арктике.

Отсутствие единения в Совете не позволит эффективно решать экологические и социально-экономические вопросы в Арктике. При этом, несомненно, сложившейся ситуацией непременно воспользуются неарктические государства, прежде всего Китай для укрепления своего присутствия в данном регионе, что не соответствует интересам всех стран-участниц Арктического совета.

Для Китая Арктика интересна не только с точки зрения получения природных ресурсов, но и сравнительно недорогого транспортного пути, особенно в

летнее время. Следует отметить, что в торговле с Россией арктический транспортный путь становится практически бесплатным (на пути нет дорогостоящих проливов, портов с дорогими судозаходами и т.д.). Поэтому неудивительно, что стремление неарктических стран усилить свое влияние на международные процессы, происходящие в Арктическом регионе, проявляются все чаще и активнее. Усиление международного давления неарктических стран может содействовать тому, что арктическим государствам следует объединить усилия и, возможно, совместно договориться о разделе арктического шельфа в соответствии с общим международным правом и подписать совместный международный договор, позволяющий предотвратить интернационализацию Арктики, что позволит сохранить экономические интересы странам – участницам Арктического совета [3, с. 232].

В настоящее время Арктический совет накопил уникальный опыт в управлении Арктикой и разрешении проблем указанного региона. Несмотря на все геополитические потрясения, Арктический совет должен сохранить свое существование как организация, определяющая основные направления арктической политики.

Список источников

1. Бейси Д. Россия в глобальных делах. Геополитика Арктики. Проверено в 2016 г., 30 марта. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Arctic-Geopolitics-18074>
2. Хайнинен Л. Окончание холодной войны в Арктике // Ежегодник NGP. 2011. Т. 40, № 4. С. 31–42.
3. Бутакова Н.А., Довбуш Т.Н., Евграфова И.В. Международно-правовые и экономические аспекты развития Арктики // Власть. 2023. Т. 31, № 3. С. 224–232.
4. Арктический совет (2015 г., 24 апреля). Приложение 4. Отчет Sao Iqaluit за 2015 год для министров. Увеличение сокращения выбросов сажи и метана. Рамочная программа действий Арктического совета. URL: https://oaarchive.arcticcouncil.org/bitstream/handle/11374/610/ACMMA09_Iqaluit_2015_SAO_Report_Annex_4_%20TFBCM_Framework_Document.pdf?sequence=1&isAllowed=y
5. Хонг Н. Энергетический фактор в арктическом споре: путь к конфликту или сотрудничеству? // Melas Journal of World Energy Law & Business. 2012. Т. 5, № 1. С. 13–26.
6. Мяз А. Влияние санкций на российский нефтяной сектор. Таллин: Эстонский институт внешней политики. 2016. С. 234–238.
7. Хоулхаус М. Миграционный кризис: президент Европейского совета Туск предупреждает, что Шенген на грани краха. The Telegraph. Проверено в 2015 г., 13 ноября. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/11991098/Migrant-crisis-DonaldTusk-warns-that-Schengen-is-on-brink-of-collapse-latest-news.html>

References

1. Beixi D. Russia in Global Affairs. Arctic Geopolitics. Retrieved from 2016, March 30. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Arctic-Geopolitics-18074>
2. Heininen L. The end of the post-Cold War in the Arctic. *NGP Yearbook*. 2011; 40 (4): 31–42.
3. Butakova N.A., Dovbush T.N., Evgrafova I.V. International legal and economic aspects of Arctic development. *Power*. 2023; 31 (3): 224–232.
4. Arctic Council (2015, April 24). Annex 4. Iqaluit 2015 Sao Report to Ministers. Enhanced Black Carbon and Methane Emissions Reductions. An Arctic Council Framework for Action. URL: <https://oaarchive.arcticcouncil.org/bitstream/handle/>

- 11374/610/ACMMCA09_Iqaluit_2015_SAO_Report_Annex_4_%20TFBCM_Framework_Document.pdf?sequence=1&isAllowed=y
5. Hong N. The energy factor in the Arctic dispute: a pathway to conflict or cooperation? *Melas Journal of World Energy Law & Business*. 2012; 5 (1): 13–26.
 6. Mäe, A. Impact of sanctions on the Russian oil sector. Tallinn: Estonian Foreign Policy Institute; 2016. P. 234–238.
 7. Holehouse M. Migrant crisis: European Council president Tusk warns Schengen on brink of collapse. *The Telegraph*. Retrieved from 2015, November 13. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/11991098/Migrant-crisis-DonaldTusk-warns-that-Schengen-is-on-brink-of-collapse-latest-news.html>

Информация об авторе:

Бутакова Надежда Александровна, д-р юрид. наук, зав. каф. государственного и международного права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, nadbutakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4831-5602>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/156-162>

Дата поступления:
12.02.2024

Одобрена после рецензирования:
16.02.2024

Принята к публикации:
20.02.2024

Научная статья

УДК 349.3

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/163-174>

Новейшая история развития в Российской Федерации пенсионного обеспечения граждан по старости

Савоськин Александр Владимирович

Вохидова Амина Шавкатовна

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург. Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс развития системы пенсионного обеспечения граждан пожилого возраста в России начиная с «перестроечного» периода и до наших дней. Исследование проведено с целью изучения ключевых направлений формирования и реформирования, а также актуальных вызовов и проблем, с которыми приходилось сталкиваться отечественной пенсионной системе. Для достижения поставленной цели был проведен ретроспективный анализ нормативных актов, регулировавших пенсионное обеспечение в России, и изучены действующие нормативные правовые акты и научные источники по рассматриваемой и смежным темам. Анализируются альтернативные варианты формирования пенсионной системы, рассматривавшейся Правительством РФ в 90-х гг. прошлого века. Особое внимание уделено новым программам и механизмам пенсионного обеспечения по старости. Сделан вывод о том, что современная система пенсионного обеспечения достигла значительных успехов в реализации минимального уровня поддержки пожилых граждан, однако процесс ее совершенствования не прекращается, поскольку обусловлен новыми вызовами (прежде всего, факторами увеличения продолжительности жизни и сокращения численности населения страны), а также о неизбежности дальнейших пенсионных реформ, призванных адаптировать пенсионное законодательство к новым условиям с целью повышения эффективности и обеспечения достойного уровня жизни граждан после завершения их трудовой деятельности.*

***Ключевые слова:** государство, реформа, расходы казны, стаж, пенсия, пенсионная система, пенсионное обеспечение, денежные выплаты, пенсия по старости, пенсионное законодательство, Пенсионный фонд, Социальный фонд, страхование.*

***Для цитирования:** Савоськин А.В., Вохидова А.Ш. Новейшая история развития в Российской Федерации пенсионного обеспечения граждан по старости // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16. № 1. С. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/163-174>*

Original article

The latest history of the development of old-age pension provision in the Russian Federation

Alexander V. Savoskin

Amina S. Vohidova

Ural State University of Economics
Yekaterinburg. Russia

© Савоськин А.В., 2024

© Вохидова А.Ш., 2024

Abstract. *The article examines the process of development of the pension system for elderly citizens in Russia, starting from the “perestroika” period to the present day. This study was conducted to study the key areas of formation and reform, as well as current challenges and problems that the domestic pension system had to face. To achieve this goal, a retrospective analysis of the regulations governing pension provision in Russia was carried out, and current regulations and scientific sources on the considered and related topics were also studied. Alternative options for the formation of the pension system, considered by the Government of the Russian Federation in the 90s of the last century, are analyzed. Particular attention is paid to new programs and mechanisms for old-age pensions. It is concluded that the modern pension system has achieved significant success in providing a minimum level of support for older citizens, but the process of its improvement does not stop, as it is caused by new challenges (primarily the factors of increasing life expectancy and reducing the country's population). It is concluded that further pension reforms are inevitable, designed to adapt pension legislation to new conditions, in order to increase efficiency and ensure a decent standard of living for citizens after completing their working career.*

Keywords: *state, reform, treasury expenses, length of service, pension, pension system, pension provision, cash payments, old-age pension, pension legislation, Pension Fund, Social Fund, insurance.*

For citation: *Savoskin A.V., Vohidova A.Sh. The latest history of the development of old-age pension provision in the Russian Federation // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/163-174>*

Введение

Ни для кого не секрет, что пенсионное обеспечение граждан является одной из ключевых социальных гарантий, реализующих благополучие и стабильность общества. Вопросы пенсионного обеспечения волнуют людей каждый день, а количество пожилых людей с каждым годом только возрастает, что создает дополнительную нагрузку на пенсионную систему и требует ее постоянного реформирования и адаптации к новым условиям. Важно понимать, что изменения в экономике и социальной сфере также оказывают влияние на пенсионную систему, поэтому ее изучение и развитие имеет первостепенное значение для обеспечения социальной защиты пожилых граждан и повышения качества их жизни.

Несмотря на то, что тема пенсионного обеспечения граждан по старости в России уже неоднократно изучалась, новейшая история развития пенсионной системы представляет собой обширное поле для исследований и имеет большую значимость, поскольку позволяет понять процесс ее эволюции, определить ключевые моменты и тенденции развития, а также оценить преимущества и недостатки различных подходов и реформ. Научная основа для изменений в законодательстве должна базироваться на глубоком анализе истории объекта исследования в целях недопущения ошибок и негативных последствий при трансформации. Познавая прошлое, можно лучше понять настоящее состояние пенсионной системы и предвидеть потенциальные проблемы и вызовы будущего, что позволит своевременно принимать обоснованные решения и вносить необходимые корректировки.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что процесс развития пенсионного обеспечения содержит ряд недостатков и проблем, требующих внимательного изучения и в некоторой мере критического анализа.

Целью исследования является комплексный анализ истории развития пенсионной системы в России с упором на новейший период, выявление основных

трудностей и противоречий, возникающих при проведении реформ, а также исследование существующих путей усовершенствования указанной системы.

Для достижения данной цели были поставленные следующие задачи исследования:

- 1) изучить исторические аспекты и основные этапы формирования системы пенсионного обеспечения по старости в России;
- 2) исследовать социально-экономические факторы и демографические процессы, влияющие на развитие системы пенсионного обеспечения;
- 3) выявить основные проблемы и противоречия, которые возникали в процессе становления и функционирования системы пенсионного обеспечения.

Предметом исследования является процесс развития системы пенсионного обеспечения пожилых граждан в России с упором на новейшую историю и современные тенденции.

Источниковая база исследования включает исторические правовые акты, регламентирующие пенсионное обеспечение в России, текущие нормативные акты Российской Федерации, регулирующие права и процедуры в данной области, учебные пособия, диссертации, иные материалы исследований и публикации по данной теме и смежным вопросам.

В диссертационных работах, научных исследованиях, учебных пособиях авторы акцентируют внимание на важности изучения эволюции пенсионной системы для определения дальнейших направлений ее развития. Противоречия в имеющихся исследованиях [2–4, 7] заключаются в различных подходах и оценках эффективности проводимых пенсионных реформ, а также в отсутствии единого мнения относительно наиболее оптимальных механизмов и инструментов совершенствования системы пенсионного обеспечения.

Каждый автор предлагает свой уникальный подход к изучению данной темы, акцентируя внимание на различных аспектах и проблемах. Одни исследователи анализируют экономические аспекты пенсионной системы и их влияние на уровень жизни граждан; другие изучают социальные аспекты, связанные с изменением демографической ситуации и ее влиянием на объем и структуру пенсионных выплат; третьи рассматривают правовые аспекты и проводят анализ законодательства, регулирующего пенсионное обеспечение граждан по старости. Поэтому актуальность темы не оставляет сомнений, так как является многоаспектной, требующей исследований для разработки эффективных мер по улучшению качества жизни граждан и обеспечению их достойной старости. Авторская позиция заключается в стремлении к комплексному, объективному и критическому анализу новейшей истории развития пенсионной системы с учетом всех положительных и отрицательных сторон проводимых реформ и вводимых нововведений. Таким образом, новизна исследования заключается в предоставлении комплексного взгляда на уже существующие проблемы пенсионной системы, дополнении общей картины новыми деталями и формировании более глубокого понимания текущего состояния и перспектив развития пенсионной сферы, а именно: в неизбежности очередных пенсионных реформ с учетом сложной

демографической ситуации и отсутствию в Конституции РФ четких ориентиров (границ) пенсионного обеспечения по старости.

Методологические принципы исследования основаны на принципе историзма, предполагающем изучение явлений и процессов в их развитии и взаимосвязи, а также принципе научной объективности, который предполагает стремление к непредвзятому и беспристрастному изучению предмета исследования. Применены методы историко-правового сравнения, общенаучного анализа утративших силу и действующих нормативных актов, научной литературы, а также социально-юридические методы исследования.

Основная часть

Новейшая история пенсионного обеспечения в России характеризуется постоянными изменениями, что ставит под сомнение стабильность и предсказуемость политики государства в части достойного обеспечения людей денежными средствами при выходе на пенсию в связи с достижением пенсионного возраста.

Многочисленные (для столь небольшого периода времени) пенсионные реформы имели как субъективные, так и объективные причины. Субъективные причины связаны с недалекновидностью и недостаточной квалификацией должностных лиц, отвечавших за разработку пенсионного законодательства; объективные – с демографическими и экономическими особенностями современной России [1, с. 164].

Уже на стадии «перестройки» система пенсионного обеспечения в России столкнулась со множеством проблем. Они накапливались последние два десятилетия советского режима и стали серьезным препятствием для эффективной работы системы пенсионного обеспечения в новых рыночных условиях.

Одной из главных проблем стало то, что в 70–80-х гг. в СССР с повышением уровня жизни в стране повысилась и средняя продолжительность жизни, что привело к увеличению числа лиц пенсионного возраста. Кроме того, пенсии неоднократно увеличивались в размере. На выплату пенсий требовалось все больше денег, а финансирование пенсионной системы было недостаточным.

С началом экономических реформ в период «перестройки» возникла необходимость в применении новых экономических и правовых принципов в области пенсионного обеспечения, так как страна столкнулась с острым финансовым кризисом, что привело к сокращению бюджетных средств. Вследствие этого пенсии стали недостаточными для обеспечения достойного уровня жизни пенсионеров. Еще более усугубила ситуацию стремительная инфляция – запланированного размера пенсии оказалось недостаточно даже для выживания [2, с. 378].

Кроме того, система пенсионного обеспечения страдала от непрозрачности и коррупции. Были случаи, когда средства пенсионных фондов использовались не по назначению, что фактически приводило к такой ситуации, когда реальные пенсии оказывались ниже заявленных.

Существовала также проблема неравенства в пенсионном обеспечении. Например, некоторые группы населения, такие как работники в тяжелых и вредных условиях труда, получали право на более ранний выход на пенсию и существенно большие выплаты. В то же время другие группы, например женщины, полу-

чали меньшие пенсии из-за различий в трудовом стаже и получаемом до выхода на пенсию заработке.

Так, к началу 1990-х гг. пенсионная система потребовала серьезных реформ и изменений, чтобы гарантировать достойное пенсионное обеспечение для всех граждан. Основной задачей социальной политики стала стабилизация и значительное повышение материального положения пенсионеров, а также значительное сокращение числа малообеспеченных граждан. Необходимо было обеспечить устойчивое финансирование, повысить прозрачность и бороться с коррупцией, справедливо распределить пенсионные выплаты среди всех граждан [3, с. 13].

Новейшая история пенсионного обеспечения в России начинается с Закона Союза Советских Социалистических Республик «О пенсионном обеспечении граждан СССР», в котором был заложен принцип связи между трудом и благосостоянием людей и исключено уравнильное отношение к пенсионным выплатам. Этот закон установил единые условия и стандарты пенсионного обеспечения для рабочих, государственных служащих, членов коллективных хозяйств и других категорий трудящихся.

Федеральный закон от 20.11.1990 № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» обособил пенсионную систему страны от общесоюзной. В данном документе были систематически урегулированы основные принципы обязательного государственного пенсионного страхования, а также установлены законодательные нормы, определяющие условия создания и функционирования Пенсионного фонда. Именно с этого времени началось формирование современной пенсионной системы, поскольку 22 декабря 1990 г. был создан Пенсионный фонд России (ПФР), основной задачей которого стал сбор и последующее направление страховых взносов на финансирование пенсионных выплат.

В этот переломный для России период прорабатывались совершенно различные варианты дальнейшего развития, в том числе и в части пенсионного обеспечения. В качестве одной из возможных альтернатив формирования доходов для будущей пенсии рассматривалось введение добровольных накопительных механизмов, которые позволяли бы гражданам инвестировать свои пенсионные накопления и получать доходы от этих инвестиций. Такой подход позволил бы увеличить объем пенсионных накоплений и обеспечить более высокий уровень пенсий в будущем [4, с. 212]. Другим вариантом было добровольное пенсионное страхование, которое подразумевало, что граждане могли бы добровольно вносить дополнительные платежи или приобретать пенсионные страховки, чтобы получать дополнительные выплаты по достижению пенсионного возраста.

Внедрение накопительных механизмов и добровольного пенсионного страхования было направлено на улучшение состояния пенсионной системы и снижение зависимости от финансирования из бюджета. Эти меры предполагали, что граждане могли бы самостоятельно формировать свои пенсионные накопления и получать более достойные пенсии.

В целом разработка разных вариантов формирования будущей пенсионной системы свидетельствовала о стремлении Правительства страны найти оптимальные решения для обеспечения устойчивости и эффективности пенсионного

обеспечения в условиях изменяющейся демографической и экономической ситуации [5, с. 369].

Еще одной альтернативой для развития пенсионной системы стал Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 г. № 1077 «О негосударственных пенсионных фондах». Он позволил частному бизнесу формировать собственные негосударственные пенсионные фонды, которые должны были использоваться для выплаты пенсий работникам этих корпораций.

В 1995 г. в России была введена трехуровневая система пенсионного обеспечения, включающая базовую (социальную), трудовую и негосударственную пенсии (Постановление Правительства РФ от 07.08.1995 № 790). Основной целью данного этапа реформирования было соответствие условий и размера пенсий с объемом участия каждого человека в системе социального страхования. Однако данная цель не реализована по сей день.

В 1996 г. была введена система учета индивидуальных пенсионных прав граждан (Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования»), что способствовало созданию индивидуальных лицевых счетов, на которых хранилась информация о всей трудовой деятельности гражданина. Эта система, усовершенствованная и модернизированная, стала основой нынешней пенсионной системы России.

Важным этапом реформирования стал 1998 г. Согласно Постановлению Правительства РФ от 20 мая 1998 г. № 463 «О программе пенсионной реформы в Российской Федерации» в систему государственного страхования были введены накопительные механизмы и предложено исчислять размер пенсий с использованием индивидуальных пенсионных коэффициентов.

В начале 2000-х гг. пенсионное регулирование получило новое законодательное регулирование. Были приняты три федеральных закона, сформировавших современную систему пенсионного обеспечения в России: от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном обеспечении в Российской Федерации», от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

На основании этого была введена смешанная система пенсионного обеспечения, которая предусматривала три вида пенсий в зависимости от источников формирования пенсионных выплат: базовая пенсия, размер которой фиксирован и устанавливается государством; страховая пенсия, которая зависит от суммы страховых взносов, уплачиваемых работодателем за работника во время его трудовой деятельности; накопительная пенсия, сумма которой формировалась на индивидуальном счете гражданина, была зависима от пенсионных взносов и доступна по достижении пенсионного возраста.

Начиная с 2002 г. в обязательном порядке в состав пенсии стал входить накопительный компонент в трудовой пенсии, появление которого закономерно соответствовало развитию в стране рыночной экономики. Поступающие на эту часть средства не использовались для текущих пенсионных выплат и не входили

в общую государственную пенсионную систему, а вкладывались в различные инвестиционные активы и могли быть использованы только лицами, отчислявшими соответствующие накопления (или их наследниками) [6, с. 188].

С 2008 г. накопительная часть пенсии была увеличена за счет программы софинансирования, что стало возможным благодаря принятию Федерального закона от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений». Так у граждан возникло право добровольно вносить от 2 до 12 тыс. руб. (раз в год) на накопительную часть своей пенсии, а государство обещало удвоить размер внесенных накоплений. Эта возможность действовала в течение 17 лет (до конца января 2015 г.).

В 2010 г. в России был осуществлен процесс валоризации расчетного пенсионного капитала, который являлся важным этапом в развитии пенсионной системы. Этот процесс, известный как конвертация пенсионных прав, направлялся на согласование пенсионных прав граждан с действующим законодательством. В рамках валоризации был увеличен пенсионный капитал всех пенсионеров, которые до 2002 г. смогли накопить трудовой стаж, на 10%. Кроме того, за каждый год стажа вплоть до 1991 г. добавлялось по 1% [7, с. 59–66; 7].

Декабрь 2012 г. можно считать как еще один период, заложивший основу для развития пенсионной системы благодаря утвержденному Правительством РФ распоряжению от 25 декабря 2012 г. № 2524-р о Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России. Документом был закреплён план по усовершенствованию пенсионной системы. Он стал ключевым для пенсионного обеспечения в стране. Стратегия включила новые правила по формированию и расчету пенсий, сделав акцент на трудовой стаж и предоставив гражданам возможность увеличить размер пенсии путем отсрочки обращения в Пенсионный фонд.

Усиление роли трудового стажа произошло через систему пенсионных коэффициентов, а возможность увеличивать пенсию за счет отсрочки выхода на нее стала одним из основных новшеств стратегии. Идея была в том, чтобы такое нововведение стимулировало людей работать дольше и получать более высокую пенсию.

Благодаря Стратегии, дальнейшие реформирования, реализованные Правительством РФ с 2013 по 2015 г., были крупнейшими после 2001 г., поскольку они внесли существенные изменения в структурную составляющую пенсионной системы и процесс расчета размера пенсий.

Так, в 2013 г. был принят пакет законов, включающий Федеральные законы «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии». С 1 января 2015 г. вступил в силу новый порядок формирования пенсионных прав граждан в России, включающий трансформацию трудовой пенсии по старости в страховую и накопительную; был введен из-за принципиально разных подходов к расчету этих пенсий. Данные изменения привели к усовершенствованию процедуры формирования пенсионных прав. Например, была внедрена новая формула для расчета страховой пенсии, представляющая собой сумму фиксированной базовой части

пенсии и пенсионных коэффициентов, умноженных на денежный эквивалент, установленный ПФР. Один пенсионный балл равен одному году трудового стажа гражданина при условии оплаты работодателем страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Данную инициативу можно представлять как новую пенсионную реформу, но по факту, исходя из истории, она является продолжением тех преобразований, которые начались в 2002 г.

Одним из ключевых шагов в реформировании пенсионной системы России стало изменение условий для получения пенсии по возрасту, включая увеличение пенсионного возраста, который оставался неизменным с 1930-х гг. Начиная с 1 января 2019 г. в России началась постепенная процедура увеличения пенсионного возраста, которая продлится до 2028 г. Данная реформа предусматривает постепенное повышение пенсионного возраста для женщин с 55 до 60 лет и для мужчин с 60 до 65 лет, включая увеличение требований к страховому стажу и пенсионным баллам (Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ).

Эти изменения вызвали неоднозначную реакцию в обществе, но, тем не менее, они были приняты и в настоящее время действуют. В период до 2028 г. будет проходить так называемый переходный период, в котором пенсионный возраст будет увеличиваться уже не на полгода, а на один год.

После нескольких лет с момента начала пенсионной реформы, которая должна была привести к увеличению числа работающих граждан, только по данным с 2019 по 2022 г., число работающих снизилось до 75,350 млн человек. Это говорит о том, что старшее поколение не активно привлекается к трудовой деятельности [8, с. 2578]. Пенсионная реформа, следовательно, не достигла полной реализации своих задач. Для достижения целей пенсионной реформы необходимо будет принять дополнительные меры, которые будут стимулировать старшее поколение оставаться активным в трудовой сфере.

Другим альтернативным вариантом является, пусть и непопулярное, но «действенное» повышение пенсионного возраста, которое, с одной стороны, объективно сокращает число лиц, имеющих право на получение пенсии по старости (а потому снижает нагрузку на пенсионную систему России), а с другой – вступает в противоречие с конституционным правом на достойную жизнь (ст. 7 и 39 Конституции РФ). При этом нельзя не отметить, что ни в первоначальном тексте Конституции РФ, ни после поправок, внесенных в нее 2020 г., нормы о пенсионном обеспечении так и не получили конкретных измеримых гарантий. Измененная после конституционных поправок норма ст. 75 о ежегодной индексации пенсии не определяет сущности и содержания пенсионного законодательства, а бланкетная норма ст. 39 Конституции РФ дает практически неограниченную свободу законодателю изменять правила пенсионного обеспечения.

На протяжении многих лет Пенсионный фонд России значительно расширил свои функции. Помимо выплат пенсий, он также стал осуществлять выплату различных пособий для льготных и малоимущих категорий граждан, выдачу сертификатов на семейный капитал, реализовывать многие другие программы. Вопреки разнообразию предоставляемых услуг и возможностей ПФР в совре-

менной динамике упрощения процедур и стремления к минимизации бюрократии при получении услуг ранее доступные ресурсы оказались недостаточно функциональными. Уже существовала единая цифровая платформа для управления пенсионными выплатами и унифицированного тарифа страховых взносов, вносимых одной транзакцией, но создавались трудности, так как для получения всего спектра социальных гарантий гражданину за одними услугами приходилось обращаться в ПФР, а за другими – в Фонд социального страхования (далее – ФСС). Это было неудобно и занимало много времени.

Вследствие этого было принято решение о введении в действие Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации», которое привело к существенным изменениям в пенсионной системе России. С 1 января 2023 г. начал функционировать Социальный фонд России (СФР), который объединил в себе ранее действующие ПФР и ФСС. Закон определил правовое положение нового фонда, его функции, органы управления и компетенцию, а также урегулировал вопросы, связанные с имуществом фонда и гарантиями для его работников.

Данное объединение предусматривало сохранение всех выплачиваемых и предоставляемых ранее услуг. Главная цель слияния – улучшение качества обслуживания населения, упрощение процедуры выплаты и сохранение привычных сроков и адресов обращения. Все федеральные меры социальной поддержки стали оформляться по одному запросу.

Объединение функций двух фондов в СФР открыло новые возможности для граждан и отразилось на оптимизации структуры, централизации установления социальных выплат и упрощении процесса получения пенсий и социальных пособий для граждан. Все выплаты и услуги стали доступны через единый запрос, что позволило улучшить качество обслуживания, упростить процедуры для граждан, сэкономить время и силы при обращении со всеми необходимыми документами.

Заключение

История развития пенсионного обеспечения граждан по старости в РФ показывает сложный и многообразный процесс эволюции всей системы как гибкой и адаптированной к изменяющимся условиям. С течением времени она претерпевала многочисленные изменения и реформы, которые позволили создать современную систему пенсионного обеспечения, учитывающую множество факторов и обеспечивающую достойную старость большинству граждан.

Существующая система на текущий момент достигла значительных успехов, обеспечивая достойный уровень поддержки граждан в пожилом возрасте. Однако процесс совершенствования не останавливается и продолжает развиваться, совершенствоваться, чтобы более эффективно обеспечить гражданам достойный уровень жизни после окончания трудовой деятельности и соответствовать потребностям граждан в изменяющихся условиях.

В частности, с каждым годом активно предлагаются и внедряются новые программы и механизмы, улучшается качество и доступность предоставления услуг, совершенствуется законодательство с учетом изменений экономической

ситуации и социальных потребностей. Кроме того, государство стремится повысить уровень информирования граждан об их пенсионных правах и возможностях.

Исследование показывает, что изучение истории пенсионного обеспечения граждан по старости занимает ключевое место в формировании более глубокого понимания функционирования данной сферы. Исходя из того, что было раньше, того опыта, который сложился в истории данной системы, государство разрабатывает более эффективные и устойчивые решения для более стабильной и справедливой системы пенсионного обеспечения граждан по старости, которая соответствовала бы потребностям и ожиданиям общества, а также защищала интересы нынешних и будущих поколений пенсионеров.

В долгосрочной перспективе необходимо решить ряд важных проблем и противоречий в области пенсионного обеспечения, с которыми столкнулись граждане.

Во-первых, проблема заключается в противоречии между желанием граждан обеспечить себе достойную пенсию с помощью формирования пенсионных накоплений в негосударственных пенсионных фондах и недоверием к этим организациям, вызванным их коммерческой природой и сомнениями в стабильности законодательства. Это противоречие усугубляется низким уровнем доходов и недостатком информированности граждан о преимуществах и недостатках различных пенсионных программ.

Во-вторых, проблема заключается в противоречии между необходимостью уплаты пенсионных взносов для обеспечения достойной пенсии и распространением теневой экономики, в результате которой многие работодатели предпочитают не делать пенсионных отчислений, считая это невыгодным для себя. Это противоречие приводит к снижению доходов пенсионного фонда и уменьшению размера будущих пенсий неофициально трудоустроенных работников.

В-третьих, проблема заключается в том, что старшее поколение населения страны не полностью задействовано в экономике, что приводит к недопустимому неиспользованию их трудового потенциала. Пенсионная реформа, направленная на сохранение трудовых ресурсов путем увеличения пенсионного возраста не только не привела к достижению поставленных целей, но и обострила проблему занятости пенсионеров, ухудшив их положение на рынке труда.

По мнению авторов, для решения выявленных проблем можно предложить: укрепление доверия граждан к негосударственным пенсионным фондам. Для этого необходимо: проведение информационных кампаний о преимуществах и гарантиях пенсионных накоплений в негосударственных фондах; внедрение дополнительных мер контроля и защиты интересов пенсионеров со стороны государства; борьба с теневой экономикой и увеличение пенсионных отчислений; стимулирование работодателей к «белой» оплате пенсионных взносов путем введения штрафов и наказаний за уклонение; развитие механизмов контроля за пенсионными отчислениями и прозрачности в системе расчета пенсионных взносов; интеграция старшего поколения в экономику и улучшение условий занятости пенсионеров. Следует создать программы по переподготовке и повышению квалификации пожилых работников, внедрить специальные программы

поддержки и стимулирования работодателей к привлечению пенсионеров на работу.

Данные меры могут способствовать решению проблем и противоречий в области пенсионного обеспечения и обеспечить более устойчивую и справедливую пенсионную систему в Российской Федерации. Просмотр исторического опыта также может принести пользу при разработке решений проблем.

Кроме того, нужно учитывать, что Президент страны поставил задачу увеличения продолжительности жизни граждан России. Эта задача постепенно реализуется, но при всей благодати она имеет и негативные последствия: увеличение числа лиц пенсионного возраста неизбежно влечет увеличение нагрузки на пенсионную систему. В Российской Федерации этот фактор усугубляется отрицательной рождаемостью и низкой эффективностью использования пенсионных накоплений Социальным фондом РФ для их преумножения. Таким образом, пенсионные реформы в РФ не закончены. Государство ждет очередной этап изменений пенсионного законодательства, и хочется верить, что он не будет ограничиваться исключительно увеличением пенсионного возраста.

Список источников

1. История. История России. 1914–1945 гг.: 10 класс. Часть 1 (базовый уровень): учебник / М.М. Горинов, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. 3-е изд., стер. Москва: Просвещение, 2023. 176 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2089854>
2. Вайков Е.В. История России IX – начала XXI века: учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М, 2024. 493 с. DOI 10.12737/1870115. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2132538>
3. Кулаков А.В. Пенсионное обеспечение: история и современность // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnoe-obespechenie-istoriya-i-sovremennost>
4. Манина Е.А., Трушников К.В. Особенности реформирования пенсионной системы России // РППЭ. 2022. № 11 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reformirovaniya-pensionnoy-sistemy-rossii-1>
5. Земцов Б.Н., Шубин А.В., Данилевский И.Н. История России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2024. 584 с. DOI 10.12737/972180. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2038246>
6. Касьянов В.В. История России: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2024. 274 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/535275/p.1>
7. Карпова А.В. Право социального обеспечения: учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М, 2024. 175 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2115724>
8. Сухова А.А., Сорокина Е.В., Вахрушев Н.В. Актуальные проблемы пенсионного обеспечения граждан пожилого возраста в РФ // StudNet. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pensionnogo-obespecheniya-grazhdan-poz-hilogo-vozrasta-v-rf>

References

1. History. Russian history. 1914–1945: 10th grade. Part 1 (basic level): textbook / M.M. Gorinov, A.A. Danilov, L.G. Kosulina [et al.]; edited by A.V. Torkunova. 3rd ed., erased. Moscow: Education; 2023. 176 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2089854>

2. Voeikov E.V. History of Russia in the 9th – early 21st centuries: textbook. Moscow: INFRA-M: 2024. 493 p. DOI 10.12737/1870115. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2132538>
3. Kulakov A.V. Pension provision: history and modernity. *Scientific notes of young researchers*. 2022; N 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnoe-obespechenie-istoriya-i-sovremennost>
4. Manina E.A., Trushnikova K.V. Features of reforming the pension system of Russia. *RPPE*. 2022; 11 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reformirovaniya-pensionnoy-sistemy-rossii-1>
5. Zemtsov B.N., Shubin A.V., Danilevsky I.N. History of Russia: textbook. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: INFRA-M, 2024. 584 p. DOI 10.12737/972180. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2038246>
6. Kasyanov V.V. History of Russia: textbook for universities. 3rd ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 274 p. *Educational platform Urayt* [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/535275/p.1>
7. Karpova A.V. Social security law: textbook. Moscow: INFRA-M, 2024. 175 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2115724>
8. Sukhova A.A., Sorokina E.V., Vakhrushev N.V. Current problems of pension provision for elderly citizens in the Russian Federation // *StudNet*. 2022; 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pensionnogo-obespecheniya-grazhdan-poz-hilogo-vozrasta-v-rf>

Информация об авторах:

Савоськин Александр Владимирович, д-р юрид. наук, доцент, зав. каф. конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, savoskinav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7112-6845>

Вохидова Амина Шавкатовна, магистрант, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, nadya.vokhidova55@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/163-174>

Дата поступления:
14.02.2024

Одобрена после рецензирования:
26.02.2024

Принята к публикации:
01.03.2024

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 175–183
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 175–183

Научная статья
УДК 378
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/175-183>

Использование компьютерных игр в жанре симулятора жизни при подготовке к экзамену HSK: анализ лексического наполнения

Кирьянова Елизавета Владимировна

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ
Москва, Россия

Аннотация. Современное образование претерпевает значительные изменения в условиях динамично развивающегося информационного общества. Новое поколение обучающихся характеризуется специфическим характером процессов восприятия, понимания материала, предпочитаемыми форматами работы с информацией, обращения к источникам, что ставит перед педагогическим сообществом ряд проблем, связанных с поиском эффективных приемов и средств обучения, учитывающих эту специфику. В статье рассматриваются возможности геймификации при формировании лексической компетенции в китайском языке. На основе установленных критериев анализируется, сравнивается и оценивается лексический потенциал различных компьютерных игр и предлагаемых в них условий обучения на предмет их соответствия требованиям экзамена HSK (на уровень владения китайским языком). В научно-педагогической литературе описаны методы подготовки к этому экзамену, однако использование компьютерных игр в данной области не исследовано в достаточной степени, что препятствует их методически выверенному использованию в практике обучения. Материалом для работы послужили научные и учебно-методические источники по теме исследования, система оценки уровня владения китайским языком в рамках экзамена HSK, представленные на рынке компьютерные игры. Основные методы исследования включают в себя: анализ научной и учебно-методической литературы, в том числе системы оценки уровня владения китайским языком в рамках экзамена HSK; анализ представленных на рынке компьютерных игр; сравнение, обобщение, систематизацию и интерпретацию полученных результатов; гипотетическое моделирование содержания обучения лексическому аспекту китайского языка с помощью игровых технологий; экспертную оценку лингводидактического потенциала компьютерных игр. По результатам исследования сделаны выводы практического характера и намечены направления дальнейших исследований проблемы использования компьютерных игр при формировании лексической компетенции в китайском языке.

Ключевые слова: геймификация, HSK, китайский язык, компьютерные игры, симулятор жизни.

Для цитирования: Кирьянова Е.В. Использование компьютерных игр в жанре симулятора жизни при подготовке к экзамену HSK: анализ лексического наполнения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 175–183. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/175-183>

Original article

Life simulation computer games in the preparation for the HSK exams: lexical content analysis

Elizaveta V. Kirianova

National Research Nuclear University MEPhI
Moscow, Russia

Abstract. Modern education is undergoing significant changes within our dynamically developing information society. The new generation of learners possesses distinct traits in how they perceive, understand, and process information, refer to sources, which poses a number of problems for the pedagogical community that relate to the search for effective teaching methods and means, with this specificity in mind. This article explores the potential of gamification in shaping lexical competence in the Chinese language. By employing established criteria, the author analyzes, compares, and evaluates the lexical potential of various computer games and their compliance with the requirements of the HSK exam meant to assess proficiency in Chinese. Although methods of preparation for this exam are described in scientific and pedagogical literature, the use of computer games in this area has not been sufficiently explored yet, which prevents teachers and learners from using them on methodologically rigorous language pedagogy basis. The research relies on a range of scientific and educational sources, the HSK exam proficiency assessment system included, and computer games available on the market. The main research methods embrace analysis of scientific, teaching-and-learning materials, the HSK exam proficiency assessment system; analysis of computer games available on the market; comparison, generalization, systematization, and interpretation of the obtained results; hypothetical modeling of teaching-and-learning content related to the lexical aspect of the Chinese language through gaming technologies; expert evaluation of the language pedagogy potential of computer games. Based on the research findings, the author makes conclusions with practical implications and outlines future directions for further research on the role of computer games in shaping lexical competence in the Chinese language.

Keywords: gamification, HSK, the Chinese language, computer games, life simulation.

For citation: Kirianova E.V. Life simulation computer games in the preparation for the HSK exams: lexical content analysis // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University.* 2024. Vol. 16, № 1. P. 175–183. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/175-183>.

Введение

Современное образование претерпевает значительные изменения в условиях динамично развивающегося информационного общества. «Цифровые аборигены», родившиеся и социализировавшиеся в цифровом мире, характеризуются иным по сравнению с предшествующими поколениями протеканием процессов восприятия, понимания материала, предпочитают иные форматы работы с информацией, обращения к источникам и т.д., т.е. они иначе учатся, что ставит перед педагогическим сообществом целый ряд проблем, связанных с поиском эффективных приемов и средств обучения, учитывающих эту специфику. В данной статье рассматриваются возможности геймификации при формировании лексической компетенции в китайском языке. В частности, анализируются, сравнива-

ются и оцениваются лексический потенциал различных компьютерных игр и предлагаемых в них условий обучения на предмет их соответствия требованиям экзамена *HSK 1–6* (汉语水平考试 hànǔ shuǐpíng kǎoshì).

Актуальность применения геймификации в современном образовательном процессе сегодня не вызывает сомнения. Исследователи этого вопроса отмечают положительное влияние игр, в особенности на электронных ресурсах, на мотивацию обучающихся и результаты усвоения учебного материала [1, 2]. Вместе с тем в научной литературе высказывается мнение о том, что использование игр в учебных целях нуждается в методическом обосновании, поскольку, например, злоупотребление ими может оказать негативное влияние на процесс обучения [3], с чем нельзя не согласиться.

Прежде всего, во избежание двусмысленности уточним содержание понятия «геймификация». Соответствующий термин часто определяется как применение игровых технологий в неигровом контексте [4], однако в более узком смысле он предполагает использование игровых технологий в образовательном процессе [5]. Компьютерные игры являются составной частью игровых технологий, однако их применение для обучения лексическому аспекту китайского языка, на наш взгляд, оказывается недостаточно разработанным, особенно в русле требований, предъявляемых на разных уровнях владения этим языком в китайской образовательной парадигме.

В условиях расширения сотрудничества России и Китая на международной арене, возрастающего запроса общества на специалистов со знанием китайского языка при трудностях его освоения людьми, родной язык которых не относится к сино-тибетской языковой семье, необходимости регулярной и кропотливой работы, требующей значительных временных затрат со стороны обучающегося, обращение к игровым технологиям не представляется излишним. Более того, благодаря игровой атмосфере обучающийся невольно и на более длительное время вовлекается в иноязычные контексты, его деятельность оказывается эмоционально окрашенной, он более внимателен и заинтересован. Всё это, на наш взгляд, подтверждает целесообразность методической разработки этого вопроса, поскольку, как отмечают специалисты в области обучения китайскому языку, традиционные подходы по-прежнему преобладают, в то время как современные образовательные технологии, к которым относится геймификация, к сожалению, менее распространены [6].

В этой связи требует внимания еще один важный вопрос, способный нивелировать перечисленные выше преимущества таких игр, – их однозначная / избыточная дидактическая направленность [7], притом что в целом необходимость дидактической аргументированности этого инструмента не ставится под сомнение. Так, например, декларируемый психологический эффект игры, от которой трудно оторваться [8], как показывают наши наблюдения, отнюдь не всегда срабатывает: некоторые игры не вызывают интереса у обучающихся, поскольку расцениваются ими как формальные.

Очевидно, необходим целенаправленный отбор игр по определенным критериям, включая их привлекательность для студентов. С этой целью был проведен анализ имеющихся на рынке игровых предложений. Для определения критериев

риев эффективности использования игр в процессе обучения лексическому аспекту китайского языка было решено провести сравнение их лексического наполнения с широко известной системой оценки уровня владения китайским языком – экзаменом *HSK* [9]. В ранее проведенных исследованиях были описаны методы подготовки к этому экзамену [10, 11], однако использование компьютерных игр в данной области не было исследовано в достаточной степени, что препятствует их методически выверенному использованию в практике обучения.

Материалом для исследования послужили научные и учебно-методические источники, система оценки уровня владения китайским языком в рамках экзамена *HSK*, представленные на рынке компьютерные игры.

Основные методы исследования включают в себя: анализ научной и учебно-методической литературы, в том числе перечней лексических единиц, организованных по уровням владения китайским языком [9]; анализ представленных на рынке компьютерных игр; сравнение, обобщение, систематизацию и интерпретацию полученных результатов; гипотетическое моделирование содержания обучения лексическому аспекту китайского языка с помощью игровых технологий; экспертную оценку лингводидактического потенциала компьютерных игр.

Основная часть

В качестве критериев первого порядка для отбора игры, предназначенной для обучения лексическому аспекту китайского языка с помощью игровых технологий, были определены следующие параметры:

- 1) игра должна быть реализована в жанре симулятора жизни, чтобы включать разнообразную лексику, необходимую в повседневном обиходе;
- 2) игра должна запускаться на китайском языке;
- 3) игра должна охватывать обширный спектр современных жизненных ситуаций и актуальных тем, таких как хобби, путешествия, работа, представляющих интерес для обучающихся;
- 4) игра должна соответствовать параметрам большинства компьютеров и иметь доступные технические характеристики;
- 5) игровой интерфейс должен быть построен на чтении и выборе функции, а не на комбинации клавиш;
- 6) игра не должна быть конечной.

Согласно вышеперечисленным критериям было проведено исследование рынка по публичным источникам и выбрана платформа *Steam* [12], на момент 2024 г. являющаяся одним из самых крупных онлайн-сервисов цифрового распространения компьютерных игр и программ, поэтому список игр был ограничен представленными на платформе *Steam* продуктами.

Полный список в категории «Симуляторы жизни и иммерсивные симуляторы» включает 24 808 игр (дата обращения: 06.10.2023), из них 1164 – симуляторы жизни, которые запускаются на платформе Windows. При добавлении ограничения «казуальная игра» список игр для последующего отбора сократился до 208. Поскольку на данном этапе экспертная оценка проводилась автором статьи по самостоятельно установленным критериям, полученный результат по требованиям PRISMA может быть расценен как субъективный.

В ходе исследования было установлено, что многие игры сосредотачиваются на достаточно узких аспектах жизни, таких как работа на ферме (*Stardew Valley*, *My Time At Portia*), обустройство дома (*House Flipper*) или конкретная профессия (*Estate Agent Simulator*), в то время как другие игры далеки от современных реалий и построены на сюжетах доисторического общества (*Roots of Pacha*), средневековья (*Reigns*) или далеко будущего (*I Am Future*, *Orphan Age*). Некоторые игры (*The Friends of Ringo Ishikawa*, *My Child Lebensborn*, *Gone Home*) были исключены из дальнейшего анализа вследствие того, что они имеют финал, т. е. не могут использоваться в качестве образовательного инструмента достаточно длительное время, необходимое для решения учебных задач. Кроме того, в таких играх нельзя вернуться к каким-либо действиям (например, для коррекции ответа) и их нельзя использовать для повторения пройденного материала, что не соответствует методическому запросу.

Что касается наличия функции переключения на китайский язык, то она оказалась не всегда реализуема (например, игры *Virtual Families 1, 2* и *Live the Life* подходят по всем критериям отбора, но не переведены на китайский язык).

Таким образом, была отобрана линейка игр *The Sims 1–4*, которая соответствует всем критериям отбора, а часть *The Sims 2* наиболее подходит по техническим требованиям и может быть запущена на большинстве современных компьютеров. Кроме того, к игре предусмотрено более 10 дополнений, из которых посредством экспертной оценки были выбраны следующие:

- университет;
- ночная жизнь;
- бизнес;
- питомцы;
- времена года;
- путешествия;
- увлечения;
- переезд в квартиру.

Полный список действий, доступных игроку в *The Sims 2*, был получен через запуск *SimPe* [13] – программы для пользовательского моддинга *The Sims*. Программа позволяет пользователю получить доступ к файлам игры. В рамках данного исследования представляли интерес файлы под названием *Pie Menu Functions (TTAB)*, т. е. файлы, запускающие взаимодействия с объектами. Во время игры пользователь видит их при нажатии на объект и может выбрать, какое именно действие должен произвести персонаж. Эти же файлы, открытые в программе *SimPe*, выражены в текстовом формате и делятся на два типа:

- персонаж осуществляет действие по желанию игрока;
- действия над игровым персонажем не контролируются игроком.

Всего базовая игра и упомянутые выше дополнения включают в себя 2134 файла *Pie Menu Functions (TTAB)*. Однако игрок влияет только на часть из них, поэтому для дальнейшего анализа вручную были отобраны 1404 файла.

Все полученные данные были сведены в таблицу, часть которой приведена ниже (табл. 1).

Таблица 1

Словарь игровых файлов *The Sims 2*

汉语	Default language
练习演讲	Practice Speech
要求课程	Ask to be Taught
提供课程	Ask to teach
听	Listen to Speech

Уточним, что файл такого типа может хранить в себе информацию о нескольких действиях и действия могут повторяться в разных файлах. По этой причине после составления словаря с помощью функции *Excel* были удалены повторяющиеся действия. В итоге словарь насчитывает 1676 строк, некоторые действия в которых могут быть схожи, но не повторяются дословно.

Следующий этап исследования подразумевал подсчет лексических единиц, используемых в игре. При этом важно, что китайский язык является иероглифическим, что накладывает определенное ограничение на результаты исследования. Так, слово 打开 может расцениваться и как одна лексическая единица, и как две. В связи с этим в ходе исследования было введено условие, что рассматриваться как самостоятельные лексические единицы будут слова, которые в контексте являются самостоятельными.

Приведем пример:

打开冰箱 – открыть холодильник. В данном случае 开 входит в состав слова 打开 «открывать» и не будет считаться за отдельную лексическую единицу.

开车 – вести машину. В данном случае 开 имеет значение «вести» и расценивается как самостоятельная лексическая единица.

Таким образом, в сводную таблицу был добавлен ещё один столбец для перечисления лексических единиц (табл. 2).

Таблица 2

Словарь игровых файлов *The Sims 2* – расширенная версия

汉语	Лексические единицы	Default language
练习演讲	练习	Practice Speech
	演讲	
要求课程	要求	Ask to be Taught
	课程	
提供课程	提供	Ask to teach
	课程	
听	听	Listen to Speech

Из таблицы видно, что словарь включает повторы, исключив которые мы получим список из 1338 слов (2539 иероглифов), содержащий 1149 уникальных иероглифов.

Ниже приведена сравнительная таблица лексического наполнения игры *The Sims 2* и словарного / иероглифического наполнения экзамена *HSK* по уровням (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная таблица лексического наполнения игры и экзамена HSK

Лексическое наполнение	<i>HSK 1</i>	<i>HSK 2</i>	<i>HSK 3</i>	<i>HSK 4</i>	<i>HSK 5</i>	<i>HSK 6</i>
Кол-во слов в экзамене	150	300	600	1200	2500	5000
Кол-во совпадений (слов)	88	164	275	437	650	794
Кол-во совпадений, %	57 %	55 %	46 %	37 %	26 %	16 %
Кол-во иероглифов	224	258	623	1073	1708	2633
Кол-во совпадений (иероглифов)	224	258	623	876	1120	1261
Кол-во иероглифических совпадений, %	100 %	100 %	100 %	82 %	66 %	48 %

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Игра *The Sims 2* может служить в качестве дополнительного обучающего инструмента при подготовке к сдаче международных экзаменов по китайскому языку *HSK*. Наиболее эффективно использование игры на уровнях *HSK 4, 5*, так как именно на этих уровнях заметно наибольшее совпадение лексического наполнения. Игра наименее эффективна на уровнях *HSK 1–3* из-за недостаточного уровня подготовки обучающихся.

2. Игру *The Sims 2* целесообразно вводить в качестве дополнительного учебного инструмента, когда обучающийся уже освоил программу *HSK 1–3* и, возможно, уже начал готовиться к *HSK 4*.

3. Обучающемуся, освоившему программу *HSK 5*, можно предложить игру *The Sims 2* в качестве инструмента для повторения.

4. Игра *The Sims 2* обладает потенциалом для существенного расширения словарного запаса обучающихся, так как при схожести иероглифического наполнения она предлагает сочетания, не встречающиеся в рамках подготовки к экзамену.

5. Особенно перспективным представляется использование игры на уровне *HSK 4*, когда расхождение ещё не слишком значительно.

Полученные результаты имеют следующие ограничения:

- экспертная оценка проводилась только автором статьи, что подразумевает достаточно высокую степень субъективности и погрешности;
- отбор игры, обработка файлов и составление словаря производились вручную;
- игра может включать другие доступные пользователю игровые файлы, не известные автору и не учтенные при анализе.

В связи с этим дальнейшие исследования могут включать как расширение границ проведенного исследования, так и проверку его результатов с использованием иных методов обработки информации.

Кроме того, в ходе нашей работы все выражения рассматривались в том варианте, в котором были представлены в игре по умолчанию. В дальнейшем может быть проведена работа по исправлению машинного перевода и сравнению получившегося словаря со словарями экзамена *HSK*.

Значительным вкладом в практику использования игры *The Sims 2* могло бы стать добавление звуковых файлов, что позволило бы обучающемуся соотносить в процессе игры графический и звуковой образы иероглифа, формируя одновременно навыки понимания китайской речи на слух.

Все права на игру *The Sims 2* принадлежат компании *EA Games*.

Список источников

1. Геймификация в образовании как фактор повышения интереса к усвоению учебного материала // Московский экономический журнал. 2022. № 4. С. 494–501.
2. Применение обучающих программ на игровых платформах для повышения эффективности образования // Вестник НГПУ. 2017. № 4. С. 7–25.
3. Матонин В.В. Тренды современного образования: геймификация // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2017. № 2. С. 36–40.
4. Певзнер В.В., Погорелов В.И., Шуклин Д.А. Некоторые особенности применения геймификации в процессе обучения // Проблемы современного образования. 2016. № 2. С. 98–101.
5. Гольцова Т.А., Проценко Е.А. Геймификация как эффективная технология обучения иностранным языкам в условиях цифровизации образовательного процесса // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. № 3 (68). С. 65–77.
6. Ван Ю. Использование современных методов и технологий в обучении говорению на китайском языке // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 100–103.
7. Кралина Е.Д. Игровые методы обучения китайскому языку студентов вузов // Преподаватель XXI век. 2020. № 2-1. С. 137–147.
8. Титова С.В., Чикризова К.В. Геймификация в обучении иностранным языкам: психолого-дидактический и методический потенциал // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 135–152.
9. Chinese Tests Service Website: [сайт]. URL: <https://www.chinesetest.cn/> (дата обращения: 06.10.2023).
10. Мальцева И.В. Формирование иероглифической компетенции обучающихся в рамках компетентностно-уровневого подхода к обучению китайскому языку // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 3. С. 88–96.

11. Сунь Ц. Новые методы подготовки HSK на интенсивных курсах китайского языка // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. 2015. С. 62–69.
12. Онлайн-сервис Steam: [сайт]. URL: <https://store.steampowered.com/> (дата обращения: 06.10.2023).
13. SimPe: [сайт]. URL: <https://modthesims.info/wiki.php?title=SimPE/> (дата обращения: 06.10.2023).

References

1. Gamification in education as a factor of increasing interest in the assimilation of educational material. *Moscow economic journal*. 2022; (4): 494–501.
2. Use of training programs based on gaming platforms for improving the effectiveness of education. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017; (2): 36–40.
3. Matonin V.V. Trends in modern education: gamification. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*. 2017; (2): 36–40.
4. Pevzner V.V., Pogorelov V.I., Shuklin D.A. Some special features of gamification use in the process of studies. *Problems of modern education*. 2016; (2): 98–101.
5. Goltsova T.A., Protsenko E.A. Gamification as an effective technology for teaching foreign languages in a digitalized educational process. *Domestic and foreign pedagogy*. 2020; 3 (68): 65–77.
6. Wang Y. The use of modern methods and technologies in teaching Chinese speaking. *Problems of modern pedagogical education*. 2022; (77-1): 100–103.
7. Kralina E.D. Game methods of teaching Chinese language to university students. *Teacher of the XXI century*. 2020; (2-1): 137–147.
8. Titova S.V., Chikrizova K.V. Psychological and didactic potential of gamification integration in foreign language teaching. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2019; (1): 135–152.
9. Chinese Tests Service Website: [website]. URL: <https://www.chinesetest.cn/> (accessed date: 06.10.2023).
10. Maltseva I.V. Developing of hieroglyphic competence of students according to the competency-level approach to teaching of Chinese language. scientific-practical conference. *Interdisciplinary research: experience of the past, opportunities of the present, strategies for the future*. 2021; (3): 88–96.
11. Sun C. On New HSK Teaching In Intensive Chinese Course Sun Ci. *Russia – China: development of regional cooperation in the 21st century*. 2015: 62–69.
12. Steam online service: [website]. URL: <https://store.steampowered.com/> (accessed date: 06.10.2023).
13. SimPe: [website]. URL: <https://modthesims.info/wiki.php?title=SimPE/> (accessed date: 06.10.2023).

Информация об авторе:

Кирьянова Елизавета Владимировна, преподаватель каф. № 62 «Специальная лингвистическая подготовка», Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, г. Москва, e.v.kirianova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1826-3162>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/175-183>

Дата поступления:
12.02.2024

Одобрена после рецензирования:
15.02.2024

Принята к публикации:
22.02.2024

Научная статья
УДК 372.881.1
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/184-192>

Роль формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку

Прокофьев Михаил Иванович

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

***Аннотация.** Предметом статьи выступает формирование лингвокультурологической компетенции в процессе обучения японскому языку. Целью исследования является обоснование значимости данного комплекса умений в рамках владения данной языковой системой. В работе проводится сравнительный анализ существующих определений данного понятия; приводятся характерные черты японской культуры, отражающиеся в её языковой системе. В статье сделан вывод о том, что такие специфические черты японского национального характера, как: разделение общества на «своих» и «чужих» (категории *ути* и *сото*), соблюдение строгой субординации в отношении между выше- и нижестоящими (учитывается не только социальное положение, но и возраст участников коммуникации), повышенное внимание к имплицитной составляющей высказывания (большая часть коммуникативного посыла может оставаться не высказанной, но при этом оставаться доступной для реципиента-носителя японского языка), являются жизненно необходимыми для осуществления полноценной коммуникации в выбранной языковой системе. Сущностная составляющая лингвокультурологической компетенции – восприятие культурно маркированного содержания языковых единиц; предоставляет возможность осуществлять контроль за указанными факторами, как в речи собеседника, так и в собственной речевой деятельности, что позволяет говорить о необходимости её формирования в рамках обучения японскому языку. Учитывая отсутствие в настоящее время специализированных пособий, ставящих своей целью формирование лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку, статья сможет стать теоретической основой для дальнейших исследований в данной области, в том числе и практической направленности.*

***Ключевые слова:** лингвокультурологическая компетенция, японский язык, лингводидактика, иноязычная коммуникация, имплицитное содержание, социальный статус.*

***Для цитирования:** Прокофьев М.И. Роль формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 184–192. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/184-192>*

Original article

The role of forming linguocultural competence in Japanese language teaching

Mikhail I. Prokofev

Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia

***Abstract.** The subject of this article is the formation of linguocultural competence in the process of teaching Japanese. The aim of the study is to substantiate the significance of this set of skills within the framework of mastering this language system. The paper provides a comparative*

© Прокофьев М.И., 2024

analysis of the existing definitions of this concept; the characteristic features of Japanese culture reflected in its language system are given. The article concludes that such specific features of the Japanese national character as: the division of society into "their own" and "strangers" (the categories of uchi and soto), the observance of strict subordination between superior and inferior (not only the social status, but also the age of the participants of communication is considered), increased attention to the implicit component of the statement (most of the communicative message may remain unspoken, but at the same time remain available to the recipient – a native speaker of Japanese) – are vital to the development of linguistic skills. The essential component of linguocultural competence – the perception of culturally labelled content of linguistic units – allows to control the mentioned factors both in the interlocutor's speech and in one's own speech activity, which allows us to speak about the necessity of its formation within the framework of Japanese language teaching. Considering the current lack of specialised manuals aimed at forming linguocultural competence in Japanese language teaching, this article can become a theoretical basis for further research in this area, including practical orientation.

Keywords: *linguocultural competence, Japanese language, linguodidactics, foreign language communication, implicit content, social status.*

For citation: *Prokofev M.I. The role of forming linguocultural competence in Japanese language teaching // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 184–192. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/184-192>*

Введение

В настоящее время особое внимание уделяется культурно ориентированным подходам к обучению иностранным языкам. «Язык рассматривается не только как предмет обучения и как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для него действительностью, культурным богатством, социальными отношениями, устройством быта народа-носителя языка» [1, с. 251]. Особенное значение учёта культурно маркированных элементов приобретает при работе с языковыми системами, нация-носитель которых принадлежит к культуре, принципиально отличной от культурных установок обучающегося. В частности, речь может идти про японский язык, поскольку историческое развитие Страны восходящего солнца проходило в достаточно изолированной среде и привело к формированию уникальной и во многом отличной от русской ментальности. Освоению культурных фактов, содержащихся в языковых единицах японской языковой системы, может способствовать формирование лингвокультурологической компетенции. Кроме того, принимая в расчет важность отдельных проявлений японской культуры в процессе коммуникаций, представляется необходимым формирование данной компетенции в процессе обучения японскому языку. В настоящем исследовании планируется представить теоретическое обоснование данного тезиса. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать существующие определения понятия «лингвокультурологическая компетенция» и соотнести её с особенностями японской языковой системы, учёт которых необходим для осуществления полноценной коммуникации.

Основная часть

Определение понятия «лингвокультурологическая компетенция» до сих пор остается поводом для научных дискуссий. Так, И.В. Харченкова определяет её следующим образом: лингвокультурологическая компетенция – это «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенной в языке,

готовности к аксиологической и семиотической интерпретации языковых и экстралингвистических фактов, а также аналитических и коммуникативных умений, которые приобретаются в процессе знакомства с этнокультурными ценностями и концептосферой страны изучаемого языка» [2]. Н.А. Судакова также обращает внимание на языковые концепты в лингвокультурологии. Она называет их «сплавом» языка и культуры [3, с. 212]. Е.С. Носова в своей статье утверждает, что лингвокультурологическая компетенция «предполагает не только практическое овладение языком ..., но и осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира...» [4, с. 454, 455].

М.С. Бирюкова в своей статье резюмирует определения, данные В.Н. Телией и С.Р. Дортман, и описывает лингвокультурологическую компетенцию как «способность понимать культурно-национальную ментальность носителей языка, национальную специфику языковой картины мира, национально-культурный компонент значения языковых единиц, выраженных в культурной семантике языковых знаков» [5, с. 115].

Таким образом, суть лингвокультурологической компетенции сводится к ее расположению на стыке языкового и культурного компонентов национальной ментальности. В работе мы придерживаемся позиции Е.С. Носовой, которая указывает на важность осознания специфики конкретной национальности через взаимодействие с культурно окрашенными языковыми элементами.

И.В. Харченкова анализирует состав лингвокультурологической компетенции и утверждает, что в него входят лингвистическая, этнокультурная, семиотическая и аксиологическая компетенции [2]. Она приводит следующие категории умений: креативно-моделирующая (направлена на собственную продукцию речи обучающимся); когнитивно-формирующая (определяет знаниевый компонент лингвокультурологической компетенции); аналитико-рефлексивная, которая часто упоминается совместно с аксиологической [2]. В соответствии с этим Е.С. Носова формулирует и компоненты компетенции, которые необходимо сформировать у обучающихся. Среди них: лингвокультурологические знания, лингвокультурологические умения, личностные качества, позволяющие уважительно относиться к изучаемой культуре. Эти категории умений можно разделить по следующим категориям, представляющим знаниевый и деятельностный компоненты [4, с. 212]. Знаниевый компонент лингвокультурологической компетенции представляет собой владение языковыми единицами, отражающими обобщенный опыт нации, для которой выбранный язык является родным (в том числе языковая картина мира, лингвокультурная ситуация, лингвокультуремы, лингвокультурологические поля [5, с. 117]). Деятельностный компонент включает в себя такие лингвокультурологические компоненты, как лингвокультурологический анализ и самостоятельное использование известной лингвокультурологической информации в речи.

Необходимо также рассмотреть другие культурно маркированные компетенции, формируемые в процессе обучения иностранному языку, для того чтобы определить их отличие от лингвокультурологической. Основными среди них

являются: лингвострановедческая, социолингвистическая, социокультурная, межкультурная. Лингвострановедческую компетенцию Е.И. Воробьева определяет как «способность осуществлять межкультурную коммуникацию, базирующуюся на знаниях лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики и умениях адекватного их применения в ситуациях межкультурного общения, а также умениях использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного общения» [6, с. 216, 217]. Иными словами, владение данной компетенцией предполагает умение использовать знания страноведческого характера в процессе межкультурной коммуникации. По сравнению с лингвокультурологической компетенцией при формировании лингвострановедческих умений гораздо меньше внимания уделяется культурным особенностям ментальности, выраженным в языковых единицах. Социально ориентированные компетенции во многом схожи; их основным отличием является то, что социокультурная компетенция представляет собой «способность извлекать из единиц языка соответствующую информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения» [7, с. 138]. Так же, как и в случае с лингвокультурологической компетенцией, большое внимание при формировании вышеописанных способностей уделяется контексту ситуации использования языка, однако практически игнорируется внетекстовое содержание лексических единиц. Межкультурная компетенция подразумевает способность, основываясь на собственном восприятии чужой культуры, существовать в её рамках и строить эффективную коммуникацию. Кроме того, «необходимо их сопоставление, анализ как в иностранном, так и в родном языке» [8, с. 123]. При этом важно подчеркнуть, что умение оперировать лингвокультурными фактами не включает в себя восприятие их внетекстовой составляющей, что характерно для лингвокультурологической компетенции. Таким образом, среди всех культурно маркированных компетенций только лингвокультурологическая ориентирована одновременно и на внешнюю составляющую общения, и на затекстовое содержание языковых единиц, обусловленное особенностями ментальности нации.

Резюмируя вышесказанное, необходимо выделить основные характеристики, которые, несмотря на существующие между исследователями разногласия, всё же достаточно единообразны. Первое, в чём сходятся учёные, – миссия лингвокультурологической компетенции. Она состоит в том, чтобы развивать личные качества обучающихся, которые те могут применить при межкультурном общении. Речь идёт не только о свойствах личности (широкий кругозор, внимание к деталям и т.п.), влияющих на непосредственное использование языка, но и о таких понятиях, как толерантность, уважение к иной культуре, регулирующих поведение в обществе в целом. Цель формирования лингвокультурологической компетенции, по мнению исследователей, состоит в том, чтобы обучающиеся воспринимали язык не только в качестве системы знаков, но и относились к нему как к хранилищу национального опыта, по необходимости извлекая из отдельных единиц внетекстовую информацию, и применяли нужные языковые средства, исходя из сопутствующего им культурного фона. Отдельного внима-

ния при обучении японскому языку заслуживает взаимодействие с фактами культуры.

Н.Н. Изотова определяет японскую культуру как «культуру общества, в котором действуют принципы единения с другими, взаимного уважения и совместного процветания, оптимального разделения социальных ролей и сосуществования. Это так называемая горизонтальная культура, твердыней которой является семейное общество» [9, с. 79]. Можно отметить определённую коллективистскую направленность в сознании японцев, что отображается в процессе вербализации описания собственного положения в обществе и позиции самого общества в отношении говорящего. Это находит своё отражение в концепции *ути-сото* («внутри-снаружи»), которую часто обозначают как дихотомию «свой-чужой».

В первую очередь, это влияет на стилистические отличия речи, обращенной к представителю своей группы, от той, что направлена на кого-то, к этой группе не относящегося. «Что является вполне вежливым в разговоре со «своим», недопустимо, если говоришь с «чужим» [10, с. 27]. Иными словами, существует несколько пластов лексики, уместность использования единиц которых регламентируется исключительно коммуникативной ситуацией. При этом в процессе обучения языку невозможно дать точные объяснения относительно того, в каких именно условиях будет уместно использовать то или иное языковое средство. Обучающийся в процессе речи сам должен уметь анализировать обстановку вокруг него и соотносить её с вышеобозначенными категориями, для того чтобы его речь коррелировала с тем, как её представляют носители языка. Очевидно, что постоянный сознательный анализ подобных факторов занимает достаточно большое количество времени, а потому создаёт трудности для полноценного участия в коммуникации. В связи с этим особое значение приобретает наличие сформированной лингвокультурологической компетенции, которая позволяет производить оценку обстановки практически «бессознательно», в «фоновом режиме», что снижает временные издержки и даёт возможность реагировать на посыл собеседника адекватно нормам японского языка.

Кроме того, важную роль играют и вертикальные взаимоотношения в процессе общения. Иерархичность является одной из важнейших характеристик японского общества. Важность структуры «старший-младший» берет своё начало в конфуцианстве, долгое время имевшем ключевое значение в системе мировоззрений японцев и нашедшем свое отражение в структуре японского языка.

Японская языковая система обладает достаточно богатым набором средств, позволяющих определить, в каком положении, выше- или нижестоящем, говорящий находится в отношении собеседника или того, о ком идёт речь. Так, подобно русскому языку существует достаточно большое количество синонимичной лексики, уместность применения которой зависит от окружающих обстоятельств. Кроме того, существуют специальные грамматические конструкции, маркирующие адресата действия в зависимости от того, как соотносятся его социальный статус и статус говорящего. Например, вспомогательные глаголы направленности действия *やる,あげる,もらう* и другие, которые, присоединяясь к смысловым глаголам, демонстрируют, на кого направлено их действие

[11, с. 302]. Более того, в японском языке существует отдельная языковая категория *кэйго* («уважительный язык»), включающая в себя лексические и грамматические конструкции, которые используются исключительно для общения с начальством, старшими по возрасту и т.п. Не редки ситуации, в которых происходит недопонимание со стороны носителей языка, когда иностранцы не используют необходимые конструкции, имея в виду кого-то более высокого по социальному положению, и вводят в заблуждение японцев относительно объекта беседы. Таким образом, становится очевидной вербализация вертикальности японского общества, которая представляет собой фундамент межличностных отношений. Так же, как и в предыдущем случае, постоянное активное осознание факторов данной группы ведёт к замедлению темпа общения и, как следствие, разрушению коммуникации как таковой. Чтобы избежать подобных сложностей, необходимо «оценивать» ситуацию с точки зрения социальных статусов участников подсознательно, чему в немалой степени должна способствовать сформированная лингвокультурологическая компетенция.

Другим важным фактором, оказывающим существенное влияние на общение на японском языке, является склонность японцев к передаче основного коммуникативного посыла не напрямую, а опосредованно. Данное явление Т.М. Гуревич характеризует так: «зачастую основной смысл высказывания передается не столько за счет вербализации, сколько благодаря ранее полученному знанию, учету стиля общения и контекстуальных подсказок» [12, с. 209]. Таким образом, разговор на японском языке требует повышенного внимания, в первую очередь, именно к «затекстовой» информации. При недостаточном внимании ко всем нюансам речи собеседника у говорящего, не являющегося носителем японского языка, возможно «возникновение неожиданной трактовки, коннотации, которых не учли создатели сообщения» [13, с. 196], что может вызвать значительные сложности для последних. Постоянное внимание к деталям также является одной из составляющих лингвокультурологической компетенции владения японским языком.

Таким образом, представляется возможным сформулировать роль формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку. Поскольку в данном случае речь идёт о языковой системе, используемой в стране дальневосточного региона, можно говорить не о различиях между культурами, а между цивилизациями. В связи с этим наблюдаются кардинально различные пути восприятия того, как правильно взаимодействовать с окружающими, как следует доносить свои мысли и т.д.

Этот фактор необходимо учитывать как в процессе использования языка, так и во время обучения ему. В рамках лингводидактики это возможно осуществить посредством формирования лингвокультурологической компетенции, которая направлена на извлечение различной информации культурологического характера из языковых единиц. Данный процесс имеет в определённом смысле двойкий эффект. С одной стороны, в процессе обучения учащийся под руководством преподавателя извлекает из языковой системы знания о культуре страны изучаемого языка и на основании отдельных факторов складывает общее пред-

ставление о ней. Но в то же время уже сформированная лингвокультурологическая компетенция подразумевает способность воспринимать не только форму высказывания, но имплицитное содержание, которое не всегда сознательно предполагается носителем языка, но тем не менее вкладывается им в эксплицитный текст. В случае японского языка, коммуникация которого изначально подразумевает имплицитность, сложно переоценить способность оценивать собственную речь и высказывание собеседника не только с точки зрения языковых средств, которые были использованы, но и с позиции культурного содержания, на котором основываются реплики.

Важно отметить, что слова, «прежде чем получить современное значение, прошли сложную семантическую историю, ведущую нас к начальным слово-творческим усилиям человека» [14, с. 17], – историю, которая неразрывно связана с нацией – носителем языка. Учитывая то особое чувство, которое японцы питают по отношению к собственной истории, представляется крайне важным понимание и осознание того, какой путь прошли используемые в речи языковые единицы.

Заключение

Говоря об обучении японскому языку, необходимо учитывать исключительную важность формирования лингвокультурологической компетенции. Иными словами, без восприятия культурного содержания, находящегося за текстом, невозможно быть полноценным участником коммуникации на японском языке. Это вызвано тем, что при отсутствии необходимых умений взаимодействия с культурологической информацией, содержащейся в языковых единицах, транслируемый посыл рискует остаться невостребованным.

Список источников

1. Григорьева Е.Я. Становление лингвокультурологии как нового подхода к преподаванию языков и культур // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. 2019. С. 250–255.
2. Харченкова И.В. Концепция формирования лингвокультурологической компетенции студентов языковых факультетов на материале креолизованных текстов при обучении немецкому языку // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21162679> (дата обращения: 06.02.2024).
3. Судакова Н.А. О лингвокультурологической компетенции школьника // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 211–217.
4. Носова Е.С. Место лингвокультурологической компетенции в системе обучения родному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 80. С. 453–456.
5. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). С. 114–120.
6. Федорова Д.А. Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе обучения английскому языку средствами элективного курса unknown Scotland // Ино-

- странные языки: лингвистические и лингводидактические аспекты: матер. конф. преподавателей по итогам НИР за 2019 г. и 74-го смотра студенческих науч. тр. Иркутск. 2020. С. 214–223.
7. Григорьева Е.Я. Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры // *Rhema. Rema*. 2019. № 3. С. 133–147.
 8. Лебединова А.С. Специфика использования анимэ и манга в межкультурном подходе // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: матер. 4-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 10–12 марта 2022 года. Москва, 2022. С. 122–129.
 9. Изотова Н.Н. Коды японской культуры: этнокультурная специфика и аксиологический потенциал: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Изотова Н.Н. Москва, 2021. 430 с.
 10. Гуревич Т.М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета // Россия и Запад: диалог культур. 2008. № 2. С. 26–32.
 11. Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. Москва: Московский лицей, 2011. Ч. 1. 344 с.
 12. Гуревич Т.М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2 (23). С. 208–212.
 13. Мозгунова А.Д. Функционирование прецедентных имен в японской рекламе // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 194–200.
 14. Авербух К.Я., Попова Л.Г., Шатилова Л.М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2018. С. 15–22.

References

1. Grigorieva E.Ya. The formation of linguoculturology as a new approach to the teaching of languages and cultures. *Modern Russian: the functioning and problems of teaching*. 2019: 250–255.
2. Kharchenkova I.V. The concept of the formation of linguoculturological competence of students of language faculties based on the material of creolized texts in teaching German. *Modern problems of science and education*. 2013; (6). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21162679> (accessed date: 06.02.2024).
3. Sudakova N.A. On linguoculturological competence of a student. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2012; 10 (125): 211–217.
4. Nosova E.S. The place of linguoculturological competence in the system of teaching the native language. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2008; (80): 453–456.
5. Biryukova M.S. Linguoculturological competence: content and theoretical foundations. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2016; 4 (40): 114–120.
6. Fedorova D.A. Formation of linguostranological competence in the process of teaching English by means of an elective course unknown Scotland. *Foreign languages: linguistic and linguodidactic aspects: mater. conf. teachers following the results of the Research Institute for 2019 and the 74th review of student scientific. tr.* Irkutsk; 2020. P. 214–223.
7. Grigorieva E.Ya. Implementation of a linguoculturological approach to the teaching of Romance languages in the master's training system. *Rhema. Rema*. 2019; (3): 133–147.
8. Lebedinova A.S. Specifics of the use of anime and manga in the intercultural approach. *Japanese at the university: current teaching problems: mater. 4th International Scientific Practice. conf., Moscow, March 10–12, 2022*. Moscow; 2022. P. 122–129.

9. Izotova N.N. Codes of Japanese culture: ethnocultural specificity and axiological potential: dis. ... Doctor of Cultural Studies: 24.00.01 / Izotova N.N. Moscow; 2021. 430 p.
10. Gurevich T.M. Japanese grammar as a mirror of the national mentality. *Russia and the West: dialogue of cultures*. 2008; (2): 26–32.
11. Nechaeva L.T. Japanese for nachinayushchikh. Moscow: Moscow Lyceum; 2011. Part 1. 344 p.
12. Gurevich T. M. Cultural paradigm of teaching the Japanese language. *Bulletin of MGIMO-University*. 2012; 2 (23): 208–212.
13. Mozgunova A.D. Functioning of precedent names in Japanese advertising. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2020; (2): 194–200.
14. Averbukh K.Ya., Popova L.G., Shatilova L.M. Cultural memory of words as a manifestation of linguistic knowledge about the world. *Innovative development of science and education: monograph/under the general editor G.Yu. Gulyaeva*. Penza; 2018. P. 15–22.

Информация об авторе:

Прокофьев Михаил Иванович, ассистент каф. японского языка, Московский городской педагогический университет, г. Москва, prokofevmi@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3267-3663>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/184-192>

Дата поступления:
15.02.2024

Одобрена после рецензирования:
19.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья
УДК 371.39 (37.015.3)
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/193-203>

Творческие методы виртуальной реальности: психолого-педагогические ресурсы

Екинцев Владислав Иванович

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена психолого-педагогическим ресурсам, которые открываются для педагога-профессионала в связи с новыми технологиями в образовании. Показана роль невербальной коммуникации в образовании, педагогической деятельности, смыслопередаче. Функция педагога как посредника представлена в контексте овладения им транскомуникацией, в том числе при помощи технических средств. Системы творческих невербальных методов виртуальной реальности в обучении, включающие экспертные системы распознавания элементов поведения, жестов, создают новые психологические пространства самостановления, самораскрытия способностей человека. Современное обучение характеризуется переходом к многомерности, транскомуникации и креативности. Обсуждается становление постнеклассических творческих методов обучения в виртуальной реальности. Проанализированы психолого-педагогические и технологические подходы к использованию методов виртуальной реальности в обучении.*

***Ключевые слова:** творческие технологии в образовании, педагог, интерактивные технологии, виртуальная реальность, самораскрытие способностей учащегося.*

***Для цитирования:** Екинцев В.И. Творческие методы виртуальной реальности: психолого-педагогические ресурсы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 193–203. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/193-203>*

Original article

Creative methods of virtual reality: psychological and pedagogical resources

Vladislav I. Ekintsev

Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** The article is devoted to the psychological and pedagogical resources that open up for a professional teacher in connection with new technologies in education. The role of nonverbal communication in education, pedagogical activity, and semantic transmission is shown. The teacher's function as an intermediary is presented in the context of mastering transcommunication, including through technical means. Systems of creative nonverbal virtual reality methods in teaching, including expert systems for recognizing elements of behavior and gestures, create new psychological spaces for self-healing, self-disclosure of human abilities. Modern education is characterized by a transition to multidimensionality, transcommunication and creativity. The formation of post-non-classical creative teaching methods in virtual reality is discussed. The*

psychological, pedagogical and technological approaches to the use of virtual reality methods in teaching are analyzed.

Keywords: *creative technologies in education, teacher, interactive technologies, virtual reality, self-disclosure of student's abilities.*

For citation: *Ekintsev V.I. Creative methods of virtual reality: psychological and pedagogical resources // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 193–203. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/193-203>*

Введение

Развитие результативности образования является стратегически важным фактором роста ресурсов личности, общества и государства. Возможности образовательного процесса и его психолого-педагогические ресурсы дают импульс роста экономики социального воспроизводства. Важной особенностью образования и профессионального педагогического общения является их воздействующий и диалогический характер как взаимодействие, которое имеет своей целью создание максимально благоприятных условий для обучения, воспитания, самораскрытия способностей учащегося. В связи с этим требования к уровню профессиональной компетентности педагога в сфере общения возрастают; они включают в себя знание современных теоретических данных о процессе общения, накопленных в науке, выработку конкретных коммуникативных навыков и умений их использовать как в традиционных, так и инновационных средах обучения. Современные информационные технологии являются новым культурно-историческим средством сферы образования, создающим новые возможности в самораскрытии способностей обучающихся, использовании творческих методов педагогами. Проблемой настоящего исследования является поиск теоретических оснований и эмпирических свидетельств результативности использования новых современных коммуникативных технических средств в образовании и психологии.

Материалы и методы исследования. Осуществлен анализ и систематизация научной и научно-методической литературы по проблеме использования творческих методов в виртуальной и дополненной реальности в обучении. Показаны тенденции самораскрытия способностей с использованием творческих методов виртуальной реальности.

Объектом исследования является образовательный процесс, построенный на основе коммуникации (транскоммуникации) и новых технологий. Предмет исследования – систематизация теоретических и эмпирических данных об эффективности образовательного процесса как особого рода посреднической коммуникации, построенной на основе новых технологий.

Основная часть

Коммуникация в большей степени влияет на результаты обучения, чем другие аспекты деятельности педагога. Однако в современной ситуации происходит изменение функций учителя в образовании. В.Е. Клочко пришёл к выводу о том, что если в классическом образовании учитель выполнял роль транслятора культуры, то в неклассическом – фасилитатора, а в постнеклассической – посредника [1, с. 60]. Посредником в образовании может быть не только человек, но и

окружающая среда, в том числе виртуальная среда; именно этим объясняется возросший интерес к созданию информационных обучающих сред. Посредничество – это не утилитарная функция. Деятельность посредника в рамках образовательной системы разнообразна. Она используется для решения широкого круга задач: целеполагания учащегося, ориентации в современных средах, прогноза в отношении учащегося, помощи в становлении учащегося в образовательной системе и др. Это повышает общие требования к учителю, преподавателю, который должен отвечать на технологические вызовы современности.

В.П. Зинченко отмечал, что в опосредствованное действие входит действие индивида, вооружённого как культурными орудиями, так и средствами или медиаторами (*meditational means*) [2, с. 11].

Образ вещи или связи вещей получил возможность воспринять, осознать своё отношение к вещи, сделать её предметом своего мышления, как и всякую иную внешнюю деятельность [Там же].

Дж. Верч назвал следующие общие свойства опосредствованного действия:

1) действие характеризует отношения агента и медиатора: между ними устанавливается ниспадающее напряжение;

2) опосредствованное действие характеризует материальность медиаторов;

3) существует множественность целей опосредствованного действия;

4) опосредствованное действие может протекать по нескольким траекториям и, соответственно, идти по одному или нескольким путям развития;

5) орудие, опосредствующее то или иное действие, с одной стороны, ограничивает степень его свободы, стесняет его, а с другой – способствует ему, облегчает его выполнение;

6) вовлечение новых орудий-медиаторов трансформирует опосредствованное действие;

7) взаимоотношение между агентом и медиатором можно характеризовать как овладение;

8) взаимоотношение между агентом и медиатором можно охарактеризовать и как присвоение;

9) медиаторы полезно рассматривать исторически. Они могут создаваться для одних целей, а использоваться для других, в том числе для манипулирования сознанием, поведением;

10) медиаторы тесно связаны с властью и авторитетом [2, с. 11–13].

Таким образом, в постнеклассическом образовании происходит соединение опосредования, медиации и многомерного мышления. Происходит изменение не только мышления учителя, но и всей образовательной среды. «Мышление – это деятельность, в которой субъект выходит за пределы, за границы собственного сознания, в связи с которой он относится определённым образом к объекту, воздействует на объект и испытывает сопротивление этого объекта. Для развития мышления необходим новый опыт, а не кодировка старого. «Обобщённое отражение» восприятия ничего, кроме гальтоновской фотографии, дать не может», – писал А.В. Запорожец [3, с. 178]. Такого рода новый опыт представляет виртуальная среда, в которой виртуальная коммуникация играет особую роль;

Б.Б. Величковский связывает ее с ключевыми когнитивными механизмами в рамках эффекта присутствия [4].

Трудно переоценить роль невербальной коммуникации в понимании личности, что исследовалось автором в течение ряда лет [5–7]. Использование жеста и невербальной коммуникации в образовательном процессе всегда было актуальным. Е.А. Петровой разработана типология педагогических жестов в разных ситуациях обучения [8, с. 204]. В совместной деятельности смыслообразование осуществляется в ходе общения, и результатом его является формирование общей цели и общего мотива. Сам процесс мышления диалогизирован как по форме, так и по содержанию. Диалог в образовательном процессе приводит к новизне результата, как минимум к двум взглядам на объект, а значит, к гибкости. Так, образовательный продукт – компетенции и мышление – становится творческим.

Такого рода образование создаёт творческое (креативное), системное пространство развития, в котором жест выполняет роль транскомуникации в образовательных средах (системах) для расширения, самораскрытия способностей учащегося [9, 10]. Рассмотрим механизм этого феномена в контексте информационно-технической транскомуникации в образовании. Учащийся в образовательной коммуникации, в особой информационно-технической среде при посредничестве педагога имеет более явственный, технически оформленный эффект обновления собственных возможностей, что побуждает его к новым возможностям самопонимания. Обнаруживая и признавая за собой новые категории способностей, он может включить их в контекст личной или личностно-профессиональной самоидентификации; таким образом происходит самораскрытие способностей личности в данном контексте. В связи с этим интенсифицируется личностное и профессиональное развитие учащегося.

Невербальная коммуникация на практике сопряжена с транскомуникацией, представляющей «взаимодействие человека с культурой, в которой формируется транссубъективное пространство человека» [11, с. 235]. В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский выделяют принцип транскомуникативной направленности педагогического взаимодействия, который порождает транссубъективное пространство человеческого бытия. Сама транскомуникация трансформирует педагогическое взаимодействие на предметном, смысловом, ценностном уровне сознания, что предполагает разные типы организации педагогического взаимодействия и пересмотр самих форм образования в связи с новыми задачами [11, с. 217]. Постнеклассическое образование позволяет не только развивать транскомуникативный потенциал личности, но и создавать открытую образовательную среду, креативные информационные системы, в которых жестовая транскомуникация будет играть важнейшую роль.

Психологией накоплен большой опыт применения транскомуникационных технологий: тренинги, группы «встреч», группы «жизненного опыта», экзистенциальные группы, группы майндфулнесс (осознанность) и др. В тренингах профессиональных способностей В.А. Кан-Калик трансформировал систему К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко в «Тренинг занятий для сту-

дентов педагогических вузов». Этот тренинг развивает «эмоционально-творческую природу педагога». Тенденция современного образования состоит в использовании виртуальной реальности для обучения в контексте профессиональной и иной деятельности. Проблемное обучение, деловые игры, тренинги моделируют конкретную микрокультуру, ради осознания которой протекает учебное взаимодействие. Ю.Н. Емельянов считал, что в понятие «тренинг» входит обозначение методов развития способностей к обучению или овладению любым сложным видом деятельности [12, с. 144]. Разработанная им «контекстная» парадигма предполагала новую организационно-дидактическую форму активного социокультурального обучения – учебно-тренировочную группу (УТГ). В УТГ обучающиеся могут выйти за пределы формально-логического оперирования понятиями и приблизиться к чувственному познанию природы социокультурных и межличностных явлений, самораскрыть свои способности [12, 13].

Таким образом, в психологии и образовании накоплен большой методический опыт применения тренингов и групповых форм работы, в которых используется транскомуникация: учебно-тренировочная группа, тренинг профессиональной наблюдательности, педагогической наблюдательности, тренинг наблюдательской сенситивности, тренинг по системе К.С. Станиславского и др. [14]. Психологические групповые формы работы являются хорошей основой для применения этих методик в постнеклассическом образовании, но современное образование уже столкнулось с другим уровнем технологических проблем, в том числе проблемой жестов в образовании – применение цифровых устройств (использование носимых устройств, «лайки», «эмодзи»), использование искусственного интеллекта. Перед образованием встала проблема интернет-зависимости: с одной стороны, игромании, с другой – создания новой высокотехнологичной среды. Простой перенос достижений транскомуникационных технологий в интерактивную, виртуальную реальность возможен, но он предоставляет ограниченные возможности перехода к многомерности конструируемой образовательной среды, ограничивает творческое (креативное) и системное пространство развития. Возможности творческих невербальных методов способны решить данную проблему.

Современное информационное общество перенасыщено разными информационными устройствами. Образовательное пространство становится центром применения новых интерактивных технологий. В 2007 г. вышла игровая консоль Wii от Nintendo, в которой использовался новый вид взаимодействия пользователя с игровой консолью благодаря новому функционалу, обеспеченному беспроводным датчиком движения. Одна из распространённых систем жестовых интерфейсов – Microsoft Kinect, включающая программные средства Microsoft Kinect SDK и Microsoft Face Tracking SDK (для распознавания положения лица и мимики).

Kinect представляет собой технологическую систему, которая позволяет распознавать речь и движения человека таким образом, что он может через собственные голос и тело управлять программными процессами. В основу Kinect положен массив из четырёх микрофонов, два сенсора глубины и цветная видео-

камера, объединённые со специальным аппаратным и программным обеспечением, которое способно выполнять распознавание движений тела в трёхмерном пространстве.

Kinect состоит из трекинга человеческой фигуры, трекинга лица, системы распознавания речи. С помощью функции трекинга человеческой фигуры в поле зрения сенсора может находиться до шести людей, причём Kinect способен распознать фигуры двух человек и отслеживать их движения (на основе 20 опорных точек скелета). Система применяется не только для моделирования игр, но и для создания виртуального мира.

С помощью системы Kinect лабораторией систем мультимедиа Поволжского государственного технологического университета была создана Виртуальная академия (vAcademia), представляющая собой образовательный трёхмерный виртуальный мир, который позволяет создавать новый тип контента, предлагая широкий набор инструментов для преподавания и совместной деятельности в процессе обучения [15, с. 606].

Ещё один вариант использования системы Kinect – обучение иностранному языку. Система была использована Microsoft в школах Южной Африки в 2011 г. для формирования обучающей англоязычной среды. В процессе обучения создавалась модель речевой англоязычной ситуации для интерактивной работы, интерактивных свободных диалогов и др. [16, с. 7].

Для распознавания мелких жестов лучше подходит контроллер Leap Motion, распознающий ограниченный набор жестов, но в широком диапазоне. Трудности распознавания здесь вызваны скоростью совершения жеста. Кроме того, при распознавании мелкой моторики и жестов с наложением геометрии одного генератора жестов на другой наблюдается некорректная работа [17, с. 10].

Виртуальная реальность используется не только в тренингах общения, но и в моделировании спортивных мероприятий для подготовки спортсменов, в практикумах и проектировании. Использование методов виртуального проектирования, как правило, является очень сложным, т.к. предусмотрено для работы сложных объектов: судов, самолётов, двигателей. Вместе с тем появляется всё больше технологий, которые позволяют использовать виртуальное проектирование в образовании. Связано это с распространением технологий виртуальной реальности и использованием их в таких областях, как архитектура, дизайн одежды, дизайн интерьеров. Например, студия визуализации VRtisan разработала приложение для архитектурной деятельности и дизайна на движке для разработчиков игр Unreal Engine вместе с набором очков виртуальной реальности и манипуляторами. Новые инструменты стали доступны с выходом версии Unreal Engine 4.2, которая распространяется бесплатно. «Архитектор» находится в виртуальной комнате, где может создавать перегородки и встроенную мебель, изменяя их пропорции. Приложение позволяет выбирать материалы и подгружать библиотеки предметов.

С развитием технологий виртуальной реальности обучение приблизилось к полной наглядности и практичности. А.В. Хуторской использует понятие «виртуальное образовательное пространство человека», которое может быть пред-

ставлено в интеллектуальных, культурных, исторических, социальных сферах. Это пространство создаёт взаимодействующие, взаимопересекающиеся виртуальные сферы, делая обучение синкретичным [18].

В Москве лабораторией Smart City Lab разработаны виртуальные уроки по физике и биологии; для этого используются специальные виртуальные шлемы, смартфоны и другое оборудование. Новые технологические возможности виртуальной реальности проходят апробацию в исследованиях для педагогики и психологии. Ю.П. Зинченко выделил преимущества технологии виртуальной реальности для экспериментальной психологии: экологическую валидность; полный внешний контроль; гибкость для перестройки эксперимента; селективное выделение нужной информации; обратную связь в режиме реального времени; возможность создания полимодальной стимуляции; возможность ее использования в реабилитации, коррекции [19, 20].

В настоящее время разработана виртуальная система для реабилитации больных инсультом – Jintronix (<http://www.jintronix.com>), использующая систему Kinect. Кроме того, создаются системы виртуальной реальности для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также для выработки специальных навыков и повышения социальной активности детей.

Виртуальную реальность используют для лечения фобий и обезболивания (терапевтическая компьютерная программа «Мир снега» – Snow World), а также для лечения ожоговых пациентов (программа Национального института здравоохранения США) и посттравматических стрессовых расстройств. Естественным стало и появление специальных программ для сурдоперевода жестовой речи глухих.

Одним из последних технических достижений, внедряемых в образование, является разработка Apple Vision Pro, которая представляет технологическое средство смешанной реальности, интегрирующей виртуальную и дополненную реальность. Таким образом поддерживается параллельное присутствие и взаимодействие реальных и виртуальных объектов в реальном времени. Эти технологии предъявляют требования не только к созданию отечественных аналогов, но и к исследованию возможностей и рисков, возникающих при работе с ними, разработке кибердидактики.

Ю.П. Зинченко характеризует Presence в виде сложного психосоциального феномена, который отличается от непосредственно наблюдаемой им реальности. Понятие Presence в отличие от понятия mediated environment (опосредованная реальность) включает в себя взаимодействие с дополнительными реальностями субъективного характера, такими как воспоминание, мечта или внутренний диалог [19, с. 35]. А.Е. Войскунский справедливо проводит сравнение Presence с изменёнными состояниями сознания – человек осознаёт иллюзию виртуальной реальности.

Ю.П. Зинченко выделил следующие концепции Presence: коммуникативной насыщенности («социального присутствия»); перемещения (условного); погружения; контакта (парасоциальной коммуникации) [19, с. 36–38]. Во всех этих концепциях в той или иной степени присутствует эффект транскомуникации и

многомерного мира человека. Необходимо говорить о технологии виртуальной реальности как о транскомуникативной, творческой технологии. В.Е. Клочко писал о «транскомуникации как коммуникации порождающего типа» [11], транскомуникации, не только меняющей состояние человека, передающей информацию, но и создающей пространство мира человека. Креативные методики уже давно применяются в психологии, но они не вышли на постнеклассический уровень, оставшись на уровне проекции (арт-терапия, танцевальная терапия). Виртуальные технологии, создавая порождение, креацию, способны вывести эти методики на уровень постнеклассической психологии.

Исследование Е.Г. Хозе представило данные в пользу того, что современное цифровое оборудование отвечает высоким требованиям как со стороны психологических проблем, так и по техническим характеристикам используемых устройств. Данное исследование позволило выделить виды, уровни и иммерсивные особенности воздействий, которым подвергаются пользователи продуктов виртуальной реальности [21].

Несмотря на сложности внедрения в образовательный процесс смешанных технологий, существуют реальные перспективы получения высоких результатов образования. Согласно результатам зарубежного исследователя М. Уюн, когда педагоги понимают как технический, так и педагогический контекст содержания образования, эффективность смешанного обучения и преподавания растет, уровень техностресса учителей снижается [22].

Новые технологии ведут образование и психологию в новые области образования и профессиональной деятельности – новые психологические трансдисциплинарные профессии. Например, новая профессия – архитектор виртуальной реальности – это информационная или психологическая профессия? Создание виртуальных пространств – одна из функций психолога образования XXI в., и в этих технологиях жест будет играть одну из ключевых ролей, т.к. является единицей самостановления человека.

Б.Д. Эльконин пишет о необходимости представлять сам акт опосредования, событие как экзистенциальную ситуацию становления, интенциональный объект всей современной культурно-исторической психологии [23, с. 106]. В связи с этим необходимо понимать творческие методы виртуальной реальности как опосредование, самостановление, самораскрытие способностей учащегося.

Заключение

Развитие транскомуникационных методов, методов дополненной и виртуальной реальности привело к их внедрению в образование, тренинги, эксперименты реабилитационной практики и проектной деятельности, спорт и дизайн, что значительно повысило эффективность профессиональной деятельности и образования. Использование невербальных средств, особенно жестов, увеличилось, а их значение выросло, поскольку тенденция развития жеста в образовании идёт от правил жестикюляции в классическом подходе в образовательной практике к информационным жестам (в виде контроллеров информационных устройств, невербальных знаков в Интернете) в неклассическом образовании и к

транскоммуникационным системам (технологиям) в постнеклассическом образовании.

В современном образовании изменились место и роль жеста: он стал единицей самостановления, средством транскоммуникации и основой новых технологий. Технологии виртуальной реальности, транскоммуникативные методы и технологии открывают новые педагогические и психологические пространства самостановления, создавая новые трансдисциплинарные области. Перспективы новых транскоммуникативных технологий показывают рост эффективности образования за счет включения их в компетенции педагога и сопутствующего развития учащихся.

Список источников

1. Ключко В.Е. Системная онтопедагогика: психологическое и психофизиологическое обоснование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. Т. 4, № 6. С. 52–63.
2. Зинченко В.П. Наука о мышлении // Психологическая наука и образование. 2002. № 3. С. 5–23.
3. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. Москва: Педагогика, 1986. Т. 1. 318 с.
4. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах / Б.Б. Величковский [и др.] // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 1. С. 5–20. DOI:10.17759/exppsy.2016090102
5. Екинцев В.И. Роль невербальной коммуникации в становлении личности // Психология обучения. 2008. № 8. С. 46–54.
6. Екинцев В.И. Невербальная коммуникация и её роль в самоорганизации мыслительной деятельности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 93–97.
7. Екинцев В.И. Психологическая антропология жеста: трансспективный анализ. Чита: ЗабГУ, 2018. 237 с.
8. Петрова Е.А. Жесты в педагогическом процессе. Москва: Московское гор. пед. общество, 1998. 222 с.
9. Чернявская В.С., Шибяев В.С. Самораскрытие способностей как цель современного образования: обзор психолого-педагогических исследований // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 12. С. 57–68.
10. Чернявская В.С. Самораскрытие способностей: понятие, основные функции и условия развития // Самораскрытие способностей как внутренний диалог: когнитивные, метакогнитивные и экзистенциальные ресурсы человека: монография / отв. ред. д-р пед. наук В.С. Чернявская; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2021. С. 9–18.
11. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: ТГУ, 2009. 240 с.
12. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Ленинград: ЛГУ, 1985. 166 с.
13. Дворина Н.Г., Филатова Н.Н. К вопросу о разработке и использовании интерактивной компьютерной технологии распознавания жестов и речи на практических занятиях по иностранному языку // Приволжский научный вестник. 2015. № 6. С. 1–12.
14. Чехов М. О технике актёра. Москва: Литературное наследие, 2014. 144 с.

15. Морозов М.Н., Сморгалов А.Ю., Богданов И.О. Использование Microsoft Kinect и вычислительных возможностей потоковых процессоров для проведения занятий в виртуальном мире VAcademia // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, № 3. С. 603–616.
16. Kinect for Windows. URL: <http://www.microsoft.com/en-us/kinectforwindows>
17. Бизюкин Г.А., Майков К.А. Исследование технологии Leap Motion для разработки унимодальных жестовых интерфейсов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 8–11.
18. Хуторской А.В. Виртуальное образование и русский космизм // EIDOS-LIST. 1999. Вып. 1 (5). URL: www.nffedorov.ru/mbnff/biblio/knigi/otd/vob2.html
19. Зинченко Ю.П. Становление постнеклассического проекта в психологии // Философские науки. 2014. № 12. С. 26–40.
20. Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010.
21. Хозе Е.Г. Виртуальная реальность и образование // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». 2021. Т. 10, № 3. С. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100307>
22. Уюн М. Детерминанты эффективности смешанного преподавания-обучения в новых условиях: исследование роли техностресса у преподавателей // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 4. С. 145–157. DOI: 10.17759/pse.2023280409
23. Эльконин Б.Д. Посредническое действие и развитие // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 3. С. 103–112.

References

1. Klochko V.E. Systemic ontopedagogy: psychological and psychophysiological justification. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2014; 4 (6): 52–63.
2. Zinchenko V.P. Thinking Science. *Psychological Science and Education*. 2002; (3): 5–23.
3. Zaporozhets A.V. Selected psychological works: in 2 volumes. Moscow: Pedagogy; 1986. Vol. 1. 318 p.
4. Cognitive control and sense of presence in virtual environments / B.B. Velichkovsky [et al.]. *Experimental psychology*. 2016; 9 (1): 5–20. DOI:10.17759/exppsy.2016090102
5. Ekintsev V.I. The role of non-verbal communication in the formation of personality. *Psychology of learning*. 2008; (8): 46–54.
6. Ekintsev V.I. Non-verbal communication and its role in the self-organization of thought activities. *Siberian Psychological Journal*. 2009; (34): 93–97.
7. Ekintsev V.I. Psychological anthropology of the gesture: transpromising analysis. Chita: ZabGU; 2018. 237 p.
8. Petrova E.A. Gestures in the pedagogical process. Moscow: Moscow Mountain. ped. Society; 1998. 222 p.
9. Chernyavskaya V.S., Shibaev V.S. Self-disclosure of abilities as the goal of modern education: an overview of psychological and pedagogical research. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2018; (12): 57–68.
10. Chernyavskaya V.S. Self-disclosure of abilities: concept, basic functions and conditions of development. *Self-disclosure of abilities as an internal dialogue: cognitive, metacognitive and existential resources of a person: monograph / otv. Ed. Dr. Ped. sciences V.S. Chernyavskaya; Vladivostok State University of Economics and Service*. Vladivostok: Publishing House VGUES; 2021. P. 9–18.

11. Klochko V.E., Galazhinsky E.V. Psychology of innovative behavior. Tomsk: TSU; 2009. 240 p.
12. Emelyanov Y.N. Active social and psychological training. Leningrad: Leningrad State University; 1985. 166 p.
13. Dvorina N.G., Filatova N.N. On the development and use of interactive computer technology for recognizing gestures and speech in practical classes in a foreign language. *Volga Scientific Bulletin*. 2015; (6): 1–12.
14. Chekhov M. On the technique of the actor. Moscow: Literary Heritage; 2014. 144 p.
15. Morozov M.N., Smorkalov A.Yu., Bogdanov I.O. Using Microsoft Kinect and the computing capabilities of streaming processors to conduct classes in the virtual world Academia. *Educational Technologies and Society*. 2013; 16 (3): 603–616.
16. Kinect for Windows. URL: <http://www.microsoft.com/en-us/kinectforwindows>
17. Bizyukin G.A., Maykov K.A. Research of Leap Motion technology for the development of unimodal gesture interfaces. *New information technologies in automated systems*. 2016; (19): 8–11.
18. Khutorskoy A.V. Virtual education and Russian cosmism. *EIDOS-LIST*. 1999; 1 (5). URL: www.nffedorov.ru/mbnff/biblio/knigi/otd/vob2.html
19. Zinchenko Yu.P. Formation of a post-classical project in psychology. *Philosophical sciences*. 2014; (12): 26–40.
20. Zinchenko Yu.P., Menshikova G.Ya., Bayakovskiy Yu.M. Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National Psychological Journal*. 2010.
21. Khose E.G. Virtual reality and education. *Electronic journal "Modern foreign psychology"*. 2021; 10 (3): 68–78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100307>
22. Uyun M. Determinants of the effectiveness of mixed teaching-learning in new conditions: a study of the role of technostress in teachers. *Psychological science and education*. 2023; 28 (4): 145–157. DOI: [10.17759/pse.2023280409](https://doi.org/10.17759/pse.2023280409)
23. Elkonin B.D. Mediation and development. *Cultural and historical psychology*. 2016; 12 (3): 103–112.

Информация об авторе:

Екинцев Владислав Иванович, канд. психол. наук, доцент каф. философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, ekintsev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8079-6982>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/193-203>

Дата поступления:
15.02.2024

Одобрена после рецензирования:
15.02.2024

Принята к публикации:
26.02.2024

Научная статья

УДК 81'1

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/204-214>

К вопросу об особенностях представления категории пространства в русской языковой картине мира

Борзова Татьяна Александровна

Ли Хуэй

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Баяннур. КНР

Аннотация. Статья посвящена изучению категории пространства в рамках русской языковой картины мира. В работе рассматриваются понятия, связанные с пространственными отношениями, которые отражаются в русском языке. Кроме того, проводится анализ особенностей использования пространственной концепции в русском языке, а также обсуждаются культурные аспекты, связанные с изучением категории пространства в русской языковой картине мира. Авторы подчеркивают, что категория пространства имеет особое значение в русском языке. Цель статьи состоит в рассмотрении основных особенностей представления категории пространства в русской языковой картине мира. Новизна статьи заключается в ее особом подходе к анализу представления пространства в русском языке и связи пространственной категории с культурой и мышлением. Русский язык, как и любой другой язык, отражает национальную культуру и менталитет, и изучение категории пространства может помочь лучше понять особенности восприятия мира русскими носителями. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты изучения категории пространства в рамках лингвистики. В заключение авторы отмечают, что изучение категории пространства в русской языковой картине мира имеет важное значение для дальнейших лингвистических исследований. Результаты статьи могут быть полезными для лингвистов, изучающих русский язык и его особенности в представлении пространства; для студентов и исследователей, изучающих русский язык как иностранный; для антропологов, культурологов и других специалистов, интересующихся категорией пространства в языке и его влиянием на культуру и мышление. Понимание особенностей представления пространства в русском языке поможет переводчикам точнее передать смысл и нюансы текста. Кроме того, данная информация может быть полезной при взаимодействии с русскоязычными людьми в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, языковой анализ, языковая картина мира, русская языковая картина мира, русский менталитет, категория пространства, пространственные отношения, пространственная концепция, паремия.

Для цитирования: Борзова Т.А., Ли Хуэй. К вопросу об особенностях представления категории пространства в русской языковой картине мира // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 204–214. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/204-214>

© Борзова Т.А., 2024

© Ли Хуэй, 2024

Original article

On the question of the peculiarities of representing the category of space in the Russian linguistic picture of the world

Tatyana A. Borzova

Lee Hui

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *The article is devoted to the study of the category of space within the framework of the Russian linguistic picture of the world. The work examines the concepts related to spatial relationships, which are reflected in the Russian language. In addition, the article analyzes the features of using the spatial concept in the Russian language. It also discusses the cultural aspects associated with the study of the category of space in the Russian linguistic picture of the world. The authors emphasize that the category of space has a special meaning in the Russian language. The purpose of this paper is to consider the main features of the representation of the category of space in the Russian linguistic picture of the world. The novelty of this article lies in its special approach to the analysis of the depiction of space in the Russian language and the connection of the spatial category with culture and thinking. The Russian language, like any other language, reflects national identity and mentality. Studying the category of space can help to better understand the peculiarities of the perception of the world by Russian speakers. The article discusses the theoretical and practical aspects of studying the category of space within the framework of linguistics. In conclusion, the authors note that the study of the category of space in the Russian linguistic picture of the world is important for further linguistic research. The results of this scientific work may be useful for linguists studying the Russian language and its features in the representation of space; for students and scholars majoring in Russian as a foreign language; for anthropologists, cultural scientists and other specialists who are appealed to the category of space in language and its influence on culture and thinking. Understanding the peculiarities of representing space in Russian will help interpreters to more accurately convey the meaning and nuances of the text. In addition, this information can be useful when interacting with Russian-speaking people in intercultural communication.*

Keywords: *Russian language, language analysis, linguistic picture of the world, Russian linguistic picture of the world, Russian mentality, category of space, spatial relations, spatial concept, proverb.*

For citation: *Borzova T.A., Lee Hui. On the question of the peculiarities of representing the category of space in the Russian linguistic picture of the world // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 1. P. 204–214. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/204-214>*

Введение

Актуальность работы представляется авторам в том, что категория пространства является одним из важных объектов языкового анализа, поскольку язык отражает способы восприятия и организации пространственных отношений в человеческом мире. В русском языке категория пространства занимает особое место и представляет собой богатую систему пространственной концепции и различных понятий. Изучение этой категории позволяет не только лучше понимать структуру русского языка, но и получить представление о картине мира, которую выражает русский язык.

Цель статьи – рассмотреть категорию пространства в рамках русской языковой картины мира, а также основные понятия, связанные с пространственными отношениями, их выражение в речи и понимание в культурном контексте. В работе проанализированы некоторые особенности использования пространственной концепции в русском языке, их взаимосвязь с культурными и социальными аспектами.

Данное исследование ставит перед собой следующие задачи:

- рассмотреть особенности представления категории пространства в русской языковой картине мира;
- определить связи между языком и культурой;
- исследовать способы представления пространства в русском языке.

Объектом исследования является русский язык, предметом – его специфические особенности в представлении категории пространства и их влияние на восприятие мира у русскоговорящих носителей языка.

Статья предлагает новый взгляд на представление категории пространства в русском языке и его влияние на картину мира русскоговорящих. Это может обогатить существующие знания в области лингвистики и способствовать развитию теоретического аппарата для изучения пространственной концепции в языке.

Авторы использовали описательный метод исследования и метод лексико-семантического анализа для выявления и описания особенностей русского языка в его пространственной картине мира.

Материалом исследования послужили словарные статьи из лексикографических источников русского языка.

Статья представляет интерес не только для лингвистов, но и для всех, кто интересуется русским языком и культурой. Изучение категории пространства в русском языке может помочь лучше понимать суть национального менталитета и дополнительно обогатить навыки взаимодействия в русскоязычной среде.

Основная часть

Изучение пространства является одним из важных направлений в лингвистической науке. Современные исследования пространства затрагивают различные аспекты, такие как описание пространственной концепции и понятий, их использование и вариативность в различных языках и культурах, а также влияние пространственных отношений на мышление и культурное сознание [1–6].

В целом изучение пространства в лингвистике является чрезвычайно важным для понимания особенностей русского менталитета.

В своей работе авторы используют понятие пространственной концепции, которая относится к способу восприятия и организации пространства в рамках определенной культуры или языка. Она включает в себя представление о направлении, местоположении, расстоянии и относительной координатной системе в данной конкретной культуре [7].

Русское пространство – это совокупность пространственных концепций, привычных для русскоязычных людей и связанных с особенностями культуры, истории и менталитета русского народа.

Русское пространство включает в себя множество привычных пространственных понятий, таких как направления (север, юг, запад, восток), ориентиры (реки, горы, леса и т.д.), расположение объектов (слева, справа, сверху, снизу, в центре) и многие другие.

Специфика пространственных отношений в русской языковой картине мира была в значительной степени определена историческими, географическими и культурными особенностями русского народа и развитием русского языка.

Важным фактором, повлиявшим на специфику пространственных отношений в русской языковой картине мира, является географическое положение и климатические условия. Россия – это огромная страна, и ее население традиционно жило в условиях пасмурной и мрачной погоды большую часть года. Вследствие этого пространство нередко представляется как затянутое в туман, замаскированное снегом, окутанное мглой. В связи с этим в русской языковой картине мира пространственные отношения описываются как заметанные, замороженные, тающие, окутанные туманом и пр.

Исторически Россия многократно подвергалась нападению извне и была опустошена империями из окружающих ее стран. В результате население страны развивало определенную стратегию по защите своих территорий и ресурсов. Именно этот опыт защиты от неприятеля на территории России и определил особенности пространственных отношений. В русской языковой картине мира присутствуют концепты «центр – периферия», «внутри – вне», «мы – они» и др. Они отражают стремление сохранить целостность и защиту своих границ и территории.

Развитие русского языка также повлияло на специфику пространственных отношений. В частности, русский язык использует разнообразные предлоги и падежи для описания пространственных отношений. Например: 1) предлоги места: «на», «в» для указания местоположения («на столе» или «в книге»); 2) предлоги направления: «на», «в» для указания направления движения («на улицу» или «в магазин»); 3) набор падежей, которые могут использоваться для описания пространственных отношений: «в доме» (в предложном падеже), «около дома» (в родительном падеже), «между домом и...» (в творительном падеже); 4) предлоги движения: «к», «от», «через» для описания перемещения в пространстве («идти к дому», «перейти через мост»). Обилие падежных предлогов в русском языке позволяет точно и детально описывать пространственные отношения и местоположение объектов.

Специфика пространственных отношений в русской языковой картине мира была определена историческими, географическими и культурными особенностями русского народа, богатством русского языка.

Культурный и исторический контексты также оказывают влияние на использование пространственной концепции в русском языке. Например, в рус-

ской культуре ориентация на родину, место рождения имеют большое значение и являются частью русского пространства [8].

Отчество как неотъемлемая часть идентичности русского человека, являясь одной из особенностей русской культуры и языка, оказало значительное влияние на пространственную категорию русского языка. Определенные формы отчества в русском языке связаны с организацией пространственных отношений в семье, указанием на место рождения и установлением личности. В настоящее время отчество указывает на принадлежность к определенному семейному кругу и помогает организовать пространственные отношения в семье, определяя родственные связи и иерархию, указывает на связь между ребенком и родителем. Оно выступает в качестве второго имени, уточняет имя человека, смягчает обращение.

Исторически же отчество применялось для создания личностной карты. В связи с этим отчество могло использоваться в контексте местоположения объектов в пространстве, чтобы указать на принадлежность к определенному месту или региону. Так, например, отчество может указывать на регион, где родилась или живет семья человека. Такие отчества, как Иванович, Сергеевич, Петрович, согласно данным словаря В. Даля [9], указывали на населенные пункты, откуда был родом человек (Ивановка, Петровка, Сергеевка).

Кроме того, в русском языке отчество может использоваться для выражения превосходства или подчинения. Выражения в виде обращения к человеку, такие как «Петрович», «Иванович», «Сергеевна», могут указывать на социальное положение человека в обществе, что также может влиять на восприятие местоположения объектов в пространстве (взаимодействие в обществе).

Следовательно, отчество в русском языке является важным элементом пространственной категории и может использоваться для выражения положения объектов в пространстве, родства, близости, социального положения.

Таким образом, русское пространство – это совокупность привычных пространственных отношений, связанных с культурой, историей и менталитетом русского народа. Изучение этих особенностей помогает лучше понимать русский язык и культуру, а также использовать язык более эффективно в различных коммуникативных ситуациях.

В русском языке пространственные отношения выражаются с помощью множества понятий:

1. Расположение – понятие, которое отражает местоположение объектов друг относительно друга. Например, «на столе лежит книга».
2. Направление – отношение между двумя объектами, определенное по направлению движения или ориентации объектов друг к другу. Например, «он идет к дому».
3. Расстояние – понятие, отражающее физическую дистанцию между объектами. Например, «дом находится далеко от метро».
4. Протяженность – понятие, которое относится к концепции распределения и расположения объектов или явлений в пространстве. Она описывает, насколько далеко или близко находятся объекты друг от друга или от определенной точки.

Протяженность может быть выражена в относительных понятиях, таких как «близко» или «далеко».

5. Объем – отношение между объектами, определяющее их объем, размер или массу. Например, «яблоко меньше, чем арбуз». Объем в пространстве относится к трехмерному размеру объекта или области, который описывает занимаемое им пространство.

6. Рельеф в пространстве – понятие, которое относится к физическим характеристикам поверхности земли, объекта или области, описывающим их форму, высоту и изменения высоты. Рельеф может включать такие элементы, как горы, холмы, долины, реки, озёра, плоскости и другие географические формы. Он может быть спокойным и плавным или характеризоваться ярко выраженными перепадами высот, а также различными физическими свойствами, такими как склоны, крутизна, шероховатость, четкость границ объектов и др.

7. Ориентация – понятие, отражающее направление, к которому обращен объект. Например, «окно смотрит на юг».

8. Высота в пространстве – отношение, которое представляет собой вертикальное измерение относительно точки отсчета; используется для описания вертикальных размеров объектов, точек или поверхностей в физическом пространстве, т.е. это отношение между объектами, определяющее вертикальное положение объектов друг относительно друга. Например, «самолет летит на высоте 10 000 метров».

9. Глубина – понятие, отражающее расстояние от поверхности до верхней или нижней точки объекта. Например, «река имеет глубину в 5 метров».

10. Ширина – отношение между объектами, определяющее протяженность объектов в горизонтальной плоскости. Например, «улица имеет ширину в 10 метров».

11. Поверхность – отношение между объектами, определяющее характер поверхности объектов друг относительно друга. Например, «дорога имеет гладкую поверхность».

12. Область (край, район, регион и т.д.) – это различные административно-территориальные единицы, которые описывают определенную территорию или участок земли; используются для границ и классификации территории с определенными характеристиками, условиями или административными функциями. Например, «в этой области часто идут дожди».

Данные понятия используются в русском языке для того, чтобы точнее описывать пространственные отношения, а также для образования сложных описательных конструкций. Они играют важную роль в описании физического и психологического пространства в русском языке; являются частью русской языковой картины мира и отражают специфические особенности русской культуры и менталитета. Выбор конкретного понятия может зависеть от контекста, культурных нюансов и общепринятых представлений о пространстве в русской культуре.

Пространственная концепция является важной частью русской речи и используется в различных контекстах, таких как описание местности, инструкции по перемещению, описание места расположения объектов и др. Однако в раз-

личных ситуациях пространственная концепция может использоваться по-разному [7, 10].

Например, в официальном стиле часто используются более точные понятия для описания местоположения и перемещения, такие как «северо-запад», «юг», «восточный», «перемещение по курсу». В повседневной речи, наоборот, часто используются более простые и повседневные слова, такие как «слева», «справа», «прямо», «вниз».

В различных диалектах и региональных вариантах русского языка могут быть свои особенности в использовании пространственной концепции. Например, в разных регионах России могут использоваться разные слова для описания ориентиров, например «гора», «курган», «холм», «бугор», «сопка», «возвышенность», «взгорье» и т.п.

Особенности использования пространственной концепции в русской речи связаны с культурными и социальными аспектами. Например, в русской культуре имеются такие понятия, как «душа», «родина», «место рождения», которые связаны с национальной идентичностью и могут использоваться для описания принадлежности к определенному пространству. В таком контексте «душа» может означать внутреннюю сущность человека, «родина» может отражать привязанность к определенной местности или стране, а «место рождения» может иметь эмоциональное значение.

Пространственная концепция также может иметь различную символическую и метафорическую значимость в различных контекстах. Например, образ «моста» может использоваться для обозначения связи между различными культурами или странами, образ «границы» может иметь отрицательный оттенок и обозначать препятствие или разделение.

Кроме того, в русской языковой картине мира пространство может иметь метафорическое и символическое значение. Так, например, слово «перемещение» может использоваться не только в контексте перемещения в пространстве, но и в переносном смысле: перемещение чего-то от одного места к другому, включая общественные, политические и культурные аспекты. Например, в контексте карьерного развития «перемещение» может означать смену должности или получение новых возможностей в рамках организации. Такое «перемещение» подразумевает изменение текущей ситуации работы и перемещение в новое рабочее положение или сферу деятельности. В политическом контексте «перемещение» может указывать на изменение политической ситуации или баланса сил. Например, можно говорить о «перемещении власти» или «перемещении партии» в результате выборов или политических изменений. В личной жизни «перемещение» может отражать изменение эмоционального состояния или отношений между людьми. Например, можно говорить о «перемещении отношений в новую фазу» или «перемещении от горести к радости».

В целом использование пространственной концепции в русском языке может иметь множество особенностей, связанных с культурой, стилем речи, ситуацией общения и другими факторами. Изучение этих особенностей помогает

лучше понять русский язык и культуру и использовать язык более эффективно в различных коммуникативных ситуациях.

Подчеркнем, что категория пространства может быть описана разными способами в различных языковых и культурных контекстах [9, 11]. Наиболее эффективным способом показать пространственную категорию в русской языковой картине мира, на наш взгляд, является поговорка. В русских устойчивых выражениях есть множество фраз, которые связаны с конкретной локацией или пространственным положением, однако для точного понимания значений и использования этих оборотов речи в контексте необходимо учитывать множество факторов, таких как культурные и исторические особенности, синонимичные выражения и контекст общения.

Поговорки или пословицы – это короткие и простые выражения, которые содержат народную мудрость и жизненный опыт. Они отражают многие аспекты языка и культуры, включая категорию пространства.

Особенность рассмотрения категории пространства в русских поговорках заключается в том, что они используют пространственные образы и метафоры для передачи сложных социальных и моральных идей [12]. Например, поговорка «Без труда не вытащишь и рыбу из пруда» использует пространственный образ пруда для передачи идеи о невозможности достижения цели любой ценой.

Кроме того, русские поговорки часто используются для выражения отношений между людьми и различных социальных ситуаций. Например, поговорка «Сиди в своем тазу да и волка не бойся» описывает идею, что каждому человеку лучше оставаться в своем окружении и не вмешиваться в дела других людей.

В русских поговорках также часто используются различные пространственные модели, как, например, «над головой», «под ногами», «за горами», «в стороне», «в центре», которые передают народное представление о местоположении объектов и людей в пространстве.

Одной из особенностей категории пространства в русских поговорках является их использование для выражения различных эмоций и оценок. Например, поговорка «С дураками бог борется, от них не насторожишься» использует пространственную метафору борьбы для описания сложной ситуации с «дураками», что передает негативное отношение к таким людям.

Кроме того, русские поговорки могут отражать народные верования и представления о пространстве и окружающем мире. Например, поговорка «Далеко лежит счастье, а близко – беда» выражает представление о том, что счастье часто связано с чем-то недостижимым и требует значительных усилий или преодоления расстояний, в то время как беда или неприятности могут случиться в любой момент, буквально «под боком». «За семью морями, за весами» – выражение, которое указывает на большое расстояние или трудности, связанные с достижением чего-то желанного или важного. Фраза «семь морей» подчеркивает, что это далеко или совсем недостижимо, а «весы» символизируют сложность достижения чего-то равноправного.

Важно отметить, что не все русские поговорки отражают действительность, и многие из них являются лишь стереотипами и общепринятыми идеями. Такие поговорки могут содержать ошибочные представления о пространстве и других аспектах окружающей действительности, поэтому их не следует рассматривать как единственный источник информации о мире. Например, «Хорошего человека дорога любая обходит» – хорошо воспитанные или интеллигентные люди всегда находятся в особых условиях, худшие условия или трудности могут обходить их стороной; «У семи нянек дитя без глаза» – наличие множества «нянек» (наблюдателей, заботящихся о ком-то) может привести к недостатку внимания, а в итоге к возможным неблагоприятным последствиям или недостатку глаз; «Там, где два соберутся, там третий придется» – наличие третьего лица, даже несанкционированного, может привести к проблемам или неприятностям (данное выражение не учитывает разнообразие инициативных и позитивных ситуаций, которые могут возникнуть при совместной работе или дружбе).

В целом категория пространства в русских поговорках отражает народные представления о местоположении вещей и людей в пространстве, а также стереотипы и эмоциональные оценки. Изучение русских поговорок может помочь углубить понимание русской языковой картины мира и культуры. Поговорки помогают расширить понимание языка, культуры и общества, в которых они используются.

Таким образом, особенности использования пространственной концепции в русском языке могут варьироваться в зависимости от речевой ситуации, стиля речи, региональных вариантов и других факторов.

Заключение

В статье рассмотрены особенности представления категории пространства в русской языковой картине мира. Проанализированы различные аспекты этой категории, такие как пространственные модели, способы выражения пространственных отношений, использование предлогов и падежей для описания местоположения объектов.

Выявлено, что русский язык обладает развитой системой средств для выражения пространственных отношений. Он позволяет описывать различные виды движения, ориентации, расположения и пр.

Категория пространства является важной и неотъемлемой частью языковой картины мира. Понимание пространственных отношений и их выражения в языке являются важным элементом коммуникации и культурного обмена.

Список источников

1. Гехтляр С.Я. О некоторых особенностях экспликации категорий пространство и время в русском языке // *Филологос*. 2010. № 1-2 (7). С. 68–78.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: МГУ, 2003. 120 с.
3. Евтушенко О.В. Антропоцентрический принцип в развитии русского языка: микро-системы «пространственные ориентиры» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2002. № 5. С. 73–86.

4. Канафина А.Р. Лингвокультурологическая репрезентация категории пространства // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 3. С. 700–707. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.36
5. Муравьева Д.С. Выражение категории пространства в английском и русском языках // Вопросы языкознания в когнитивном аспекте: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. 2015. С. 265–268.
6. Мякшева О.В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. 356 с.
7. Полубиченко Л.В. Сопоставление культур через пространственно-геометрические концепты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4. С. 74–85.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1995. 367 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Москва: Изд. общества любителей Российской словесности, 1865.
10. Рябкова Ю.Е. Способы научного изучения пространственных отношений в русском языке: обзор подходов // Человек. Знак. Техника: сб. ст. I Междисциплинарного молодежного форума с международным участием, Самара, 11 декабря 2020 года / гл. ред. Н.А. Развейкина. Самара: Самарский научный центр РАН, 2021. С. 364–369.
11. Пивоварова О.П. Вербализация категории пространства в семантическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале лексем и фразеологизмов русского языка с пространственным значением): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 21 с.
12. Розе Т.В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей. Москва: Просвещение-Союз, 2023. 224 с.

References

1. Gekhtlyar S.Ya. On some features of the explication of the categories space and time in the Russian language. *Philologos*. 2010; 1-2 (7): 68–78.
2. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. Moscow: MSU; 2003. 120 p.
3. Evtushenko O.V. Anthropocentric principle in the development of the Russian language: microsystems “spatial landmarks”. *Bulletin of Moscow University. Philology*. 2002; (5): 73–86.
4. Kanafina A.R. Linguistic and cultural representation of the category of space. *Bulletin of the Bashkir University*. 2022; 27 (3): 700–707. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.36
5. Muravyova D.S. Expression of the category of space in English and Russian. *Questions of linguistics in the cognitive aspect: a collection of scientific articles*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovleva; 2015. P. 265–268.
6. Myakshева O.V. Spatial semantics: language resources and their functional potential. Saratov: Saratov University Publishing House; 2007. 356 p.
7. Polubichenko L.V. Comparison of cultures through spatial-geometric concepts. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19: Linguistics and intercultural communication*. 2006; (4): 74–85.
8. Apresyan Yu. D. Lexical semantics: Synonymous means of language. Moscow: Nauka; 1995. 367 p.
9. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 hours. Moscow: Publishing house. Society of Lovers of Russian Literature; 1865.

10. Ryabkova Yu.E. Methods of scientific study of spatial relations in the Russian language: a review of approaches. *Man. Sign. Technique: Collection of articles of the I Interdisciplinary Youth Forum with international participation, Samara, December 11, 2020 / Ch. editor N.A. Razveikina*. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2021. P. 364–369.
11. Pivovarova O.P. Verbalization of the category of space in semantic and linguocultural aspects (based on lexemes and phraseological units of the Russian language with spatial meaning): abstract. dis. ... cand. philol. sci. Chelyabinsk; 2005. 21 p.
12. Rose T.V. Large explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Russian language for children. Moscow: Prosveshchenie-Soyuz; 2023. 224 p.

Информация об авторах:

Борзова Татьяна Александровна, канд. культурологии, доцент каф. русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Tatyana.Borzova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6203-202X>

Ли Хуэй, магистрант, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, 2804807510@qq.com

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2024-1/204-214>

Дата поступления:
09.01.2024

Одобрена после рецензирования:
15.01.2024

Принята к публикации:
19.02.2024

Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке

Food security as a key factor in improving the quality of life in the Far East

Во Владивостокском государственном университете (ВВГУ) прошел **Дальневосточный научно-деловой форум «Продовольственная безопасность в контексте глобальных геополитических и экологических вызовов»**. Это интересное и значимое событие, касающееся различных аспектов продовольственной безопасности, объединило представителей региональных органов власти, общественных объединений, природоохранных организаций, учреждений образования и науки, экспертов и специалистов различного уровня. Мероприятие было организовано Владивостокским государственным университетом совместно с Приморским государственным аграрно-технологическим университетом (ПГАТУ), при активном участии ученых из Китайской Народной Республики.

В открытии и работе форума приняли участие ректоры указанных университетов, министр сельского хозяйства и президент Ассоциации рыбохозяйственных предприятий Приморского края.

В первый день форума было проведено 3 сессии, включающие 11 содержательных докладов по соответствующим аспектам тематики форума:

– Сессия 1. Тенденции нарастания природно-климатических, экологических коллапсов и возможности их преодоления;

– Сессия 2. Потенциал продовольственной безопасности Дальнего Востока: основные факторы развития и эффективного использования;

– Сессия 3. Межнациональные продовольственные проекты стран Северо-Восточной Азии на Дальнем Востоке в условиях антироссийских санкций*.

Второй день форума состоял из двух параллельных секций, проходивших в ВВГУ и ПГАТУ, – **«Продовольственная обеспеченность как ключевой фактор улучшения качества жизни на Дальнем Востоке»** (секция 1) и **«Современные модели организации импортозамещающих агропромышленных производств»** (секция 2).

Модератором секции 1 на площадке ВВГУ выступила зав. базовой кафедрой экологии и экологических проблем химической технологии Международного института окружающей среды и туризма (МИОСТ) ВВГУ, стар-

* Подробнее о мероприятии: URL: https://www.vvsu.ru/latest/article/2151660065/-Chem_chrevaty_global_nye

ший научный сотрудник Института химии ДВО РАН, кандидат химических наук, доцент С.Б. Ярусова:

«За два дня до начала нашего форума Михаил Владимирович Мишустин провел стратегическую сессию по продовольственной безопасности, где подчеркнул значительный вклад нашей страны в глобальную продовольственную безопасность. На стратегической сессии были затронуты вопросы подготовки специалистов и внедрения новейших технологий, которые лежат в основе обеспечения продовольственной безопасности. Решение этих вопросов трудно представить без активного развития научных исследований, привлечения высококвалифицированных научных и инженерных кадров. Именно поэтому форум обозначен А.П. Латкиным как «научно-деловой» – на первом месте наука».

Следует особенно подчеркнуть участие в секции не только ученых Дальневосточного отделения Российской академии наук, но и представителей пяти ведущих вузов Дальнего Востока – Владивостокского государственного университета, Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, Сахалинского государственного университета, Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, а также молодых ученых из КНР.

На форуме были представлены доклады по проблемам определения продовольственной безопасности региона в условиях межрегиональной конкуренции на рынке водных биологических ресурсов, разработки функциональных материалов для очистки водных сред, загрязнения пахотных почв, загрязнения объектов окружающей среды микропластиком, экологической грамотности населения и экобезопасности региона. Отдельно рассматривались вопросы, связанные с экспортом сельскохозяйственной продукции и с экономическими зонами.

С докладами в работе секции приняли активное участие члены Приморского краевого отделения Российской экологической академии – крупнейшей общероссийской общественной организации, в состав которой входят ученые и специалисты из различных областей экологии (канд. хим. наук, доцент, зав. кафедрой экологии и экологических проблем химической технологии МИОСТ ВВГУ С.Б. Ярусова, канд. биол. наук, доцент, зав. кафедрой экологии, биологии и географии МИОСТ ВВГУ Н.В. Иваненко, доцент Департамента туризма и гостеприимства Школы экономики и менеджмента ДВФУ С.Ю. Гатауллина, д-р тех. наук, профессор, зав. лабораторией защитных покрытий и морской коррозии Института химии ДВО РАН П.С. Гордиенко.

Латкин А.П., Ярусова С.Б., Шеломенцев А.Г.

Перспективы развития роботизированных комплексов (систем) морского базирования

The prospects for the development of marine-based robotic complexes (systems)

В 2023 г. ВВГУ совместно с МГУ им. Г.И. Невельского стал организатором VI Всероссийских соревнований по морской робототехнике «Аквароботех». Институт нефтегазового дела, транспорта и логистики организовал мероприятия в рамках Всероссийской командной инженерной олимпиады для школьников и студентов «Аквароботех». На образовательных площадках университета, мастер-классах и лекциях участники встречались с учеными и представителями отрасли.

Перспективы развития робототехнических устройств морского применения, привлечение молодежи и школьников к занятиям робототехникой и создание роботов нового поколения обсудили во время конференции «Перспективы развития роботизированных комплексов (систем) морского базирования». Конференция началась с поздравления победителей соревнований «Аквароботех». Больше всего призовых мест во всех возрастных группах завоевали команды из Владивостока, представлявшие Центр развития робототехники, школы и университеты города. Среди призеров и победителей – участники из Северодвинска, Красноярска, Новосибирска и Уссурийска. Первый проректор ВВГУ *Сергей Голиков* и представитель Тихоокеанского флота *Максим Демьянов* вручили командам памятные награды и отметили достижение ими высоких результатов.

В конференции приняли участие более десяти ученых и исследователей из Владивостока, Москвы, Волгограда, в том числе: доктор физико-математических наук, профессор АНО ВО «Университет Иннополис» *Александр Малолетов*, преподаватель клуба робототехники «Робот и я» *Алексей Кретов*, кандидат технических наук заведующий лабораторией техники подводных исследований и испытаний Института океанологии им. П.П. Ширшова *Константин Рогинский*.

В докладах прозвучали передовые решения в области применения беспилотной морской авиации, развития систем технического зрения, устранения проблем управления роботизированными и мехатронными устройствами под водой и в воздухе. Доктор технических наук профессор кафедры информационных технологий и систем ВВГУ *Виктор Гриняк* выступил с докладом «Интеллектуальные технологии управления движением и развитие беспилотного транспорта». Кандидат технических наук заместитель директора по научной работе Института проблем морских технологий ДВО РАН, заведующий лабораторией автоматизации и робототехники ВВГУ *Александр Зув* оценил тенденции развития интеллектуальных подводных роботов на примере исследований и разработок Института.

По результатам конференции Институтом нефтегазового дела, транспорта и логистики подготовлен и издан издательством ВВГУ сборник материалов научно-практической конференции «Перспективы развития роботизированных комплексов (систем) морского базирования».

Стрикаускас Л.Е.

Наука и университет**Science and University**

Привлечение молодежи в сферу науки и технологий, вовлечение исследователей и разработчиков в решение важных задач для страны и общества и рост знания людей о достижениях российской науки – важнейшие задачи государства. Владивостокский государственный университет является площадкой, на которой ежегодно проходят научные мероприятия как регионального, так и международного масштаба.

В 2023 г. университет выступил организатором масштабных научных форумов: Международная молодёжная экологическая конференция «Человек и биосфера», Международный телемост «Перспективы развития туризма и индустрии гостеприимства: современная модель «Восток&Запад» в рамках Тихоокеанского туристского форума», IX молодежный фестиваль в области экологии «ВузЭкоФест», Дальневосточный научно-практический форум «Рыбная промышленность Дальнего Востока: парадоксы государственного управления», XXV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых исследователей «Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР», Дальневосточная площадка «XIII Евразийского экономического форума молодежи» и др.

Отдельные мероприятия имеют важное значение не только для университета, но и для отечественной и международной научной общественности.

Всероссийский фестиваль «Наука 0+», прошедший в 2023 г. и ставший традиционным для университета, увеличил количество принимающих площадок: в этом году их было более 100. Познакомить с достижениями мира науки гостей фестиваля помогли соорганизаторы мероприятия: ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН, «Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии» ДВО РАН, Институт автоматизации и процессов управления ДВО РАН, Дальневосточный геологический институт ДВО РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, Владивостокская централизованная библиотечная система, детский технопарк «Кванториум», СЕО ООО «РОБОТ», мультимедийный парк «Россия – Моя история», образовательный центр EDUCO. Университет посетили более 2000 жителей города Владивостока и гостей города, которые смогли послушать интересные лекции, принять участие в мастер-классах от ученых, научных шоу, дискуссиях, увлекательных экспериментах, лабораторных испытаниях, интересных квестах, деловых играх и др.

Дефицит кадров в науке становится барьером для возможности решения научных и инновационных государственных задач. Особенно остро ощущается проблема кадрового дефицита в университетах и академии наук Дальнего Востока. Большое значение для решения данной проблемы имеет привлечение молодежи в науку через участие в научных конкурсах, которых в университете ежегодно проходит более 40: конкурс для первокурсников Science Start, битва

Science Slam ВВГУ, конкурс научного кино, выставка-конкурс научных работ студентов «Смелые идеи для будущего» и др. Один из таких ежегодных университетских конкурсов для начинающих исследователей – «Молодой ученый» – за 10 лет перерос во всероссийский. В 2023 г. в нем участвовало более 60 работ вузов России: Комсомольский-на-Амуре государственный университет (КнАГУ), Университет «Дубна», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН) и др. Молодые ученые представили на конкурс результаты своих научных работ по разным направлениям. До финала дошли 26 номинантов. Такие конкурсы позволяют выявить перспективные идеи, талантливую молодежь, мотивировать их перспективами научной деятельности, привлекая к интересным проектам и научным разработкам.

Еще одним масштабным мероприятием, проведенным ВВГУ, была реализация проекта и одноименного форума «Наука без границ: студенческое научное кружковое движение». Цель проекта состояла в создании условий для раскрытия способностей обучающихся ВВГУ, повышения интереса к науке, технологиям и инновациям, а также включения школьников Приморского края в научно-исследовательскую деятельность, что способствует реализации личного потенциала в научной сфере, воспитанию нового поколения ученых, укреплению образовательных и научных связей между поколениями ученых в рамках отдельных научных направлений и междисциплинарного сотрудничества. Проект реализовывался в три этапа, которые призваны были решить следующие задачи: обучение студентов технологиям исследования, непосредственное участие в научных исследованиях и представление результатов на форуме. В рамках проекта проведено более 10 мероприятий: Школа молодого исследователя, Школа молодого автора, мастер-класс «Заявка под ключ», интерактивная лекция «Научное волонтерство: возможности и перспективы для студентов» и др. Итогом реализации проекта стал II Международный форум молодых ученых «Наука без границ: студенческое научное кружковое движение», в котором приняли участие студенты-исследователи из регионов Дальнего Востока, центральной части России и зарубежных вузов. В рамках форума прошли конкурс видеороликов научно-популярной направленности «Снимаем науку», час общения с ведущими учёными «Путь в науку – диалог поколений», круглый стол «Стратегия развития – молодёжная наука XXI века, обмен опытом между вузами», обучающие мастер-классы, выставка результатов НИР молодых ученых «Наука и жизнь», проведено более 20 секций и площадок по направлениям форума, на которых выступили более 400 участников. По итогам мероприятия издан сборник научных статей, сформированы научные коллаборации среди студентов.

ВВГУ, как и любой другой университет, не может существовать без науки. Университет проводит фундаментальные и прикладные научные исследования в области общественных, гуманитарных, технических и естественных наук. Все научные мероприятия организованы советом молодых ученых и студенческим научным обществом ВВГУ.

Петрук Г.В.

.....

Правила оформления статей

.....

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» публикуются бесплатно.

Согласно рекомендациям президиума ВАК распоряжением Минобрнауки России от 19.12.2023 № 453-р издание «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» включено в Перечень по 5 научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.6. Менеджмент (экономические науки), 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Специфика научного журнала ВВГУ как университетского вестника также предоставляет авторам возможность публиковаться по широкому спектру научных исследований: 1.3. Физические науки, 2.6. Химические технологии, науки о материалах, металлургия, 5.3. Психология, 5.9. Филология, 5.10. Искусствоведение и культурология.

Рубрики журнала:

Экономические науки
Региональная экономика
Инвестиционные проекты будущего
Территория опережающего развития
Маркетинг
Юридические науки
Цифровизация общества: правовой аспект
Международные отношения
Политические науки
Технические науки

Инновационные технологии
Современное образование
Экология
Туризм
Гуманитарные науки
Физико-математические науки

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета». Публикуя статью в журнале с последующим ее размещением на сайте журнала, автор соглашается с условиями ее распространения в информационной среде на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (подробнее – <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>). Таким образом, автор размещает свою статью для открытого использования с обязательным указанием авторства и полным сохранением всех авторских прав на публикацию. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант статьи направляется по адресу электронной почты vestnik@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Требования к аннотации и структуре научной статьи

Структура статьи:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр научной специальности;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail) и контактный номер телефона для каждого автора;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова (на русском и английском языках) (не более 12);
- список источников оформляется в виде нумерованного списка пристатейных источников в конце статьи, располагается по порядку ссылок на них в тексте статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Аннотация

Аннотация (200–250 слов) является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- **Введение** (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- **Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.**
- **Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.**
- **Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости** (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- **Выводы и научная новизна.** Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов для их дальнейшего использования и т.п.
- **Список источников** включает только использованные в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию, в противном случае статья подлежит ретракции.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках.
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.

Подписной
индекс: 45069

